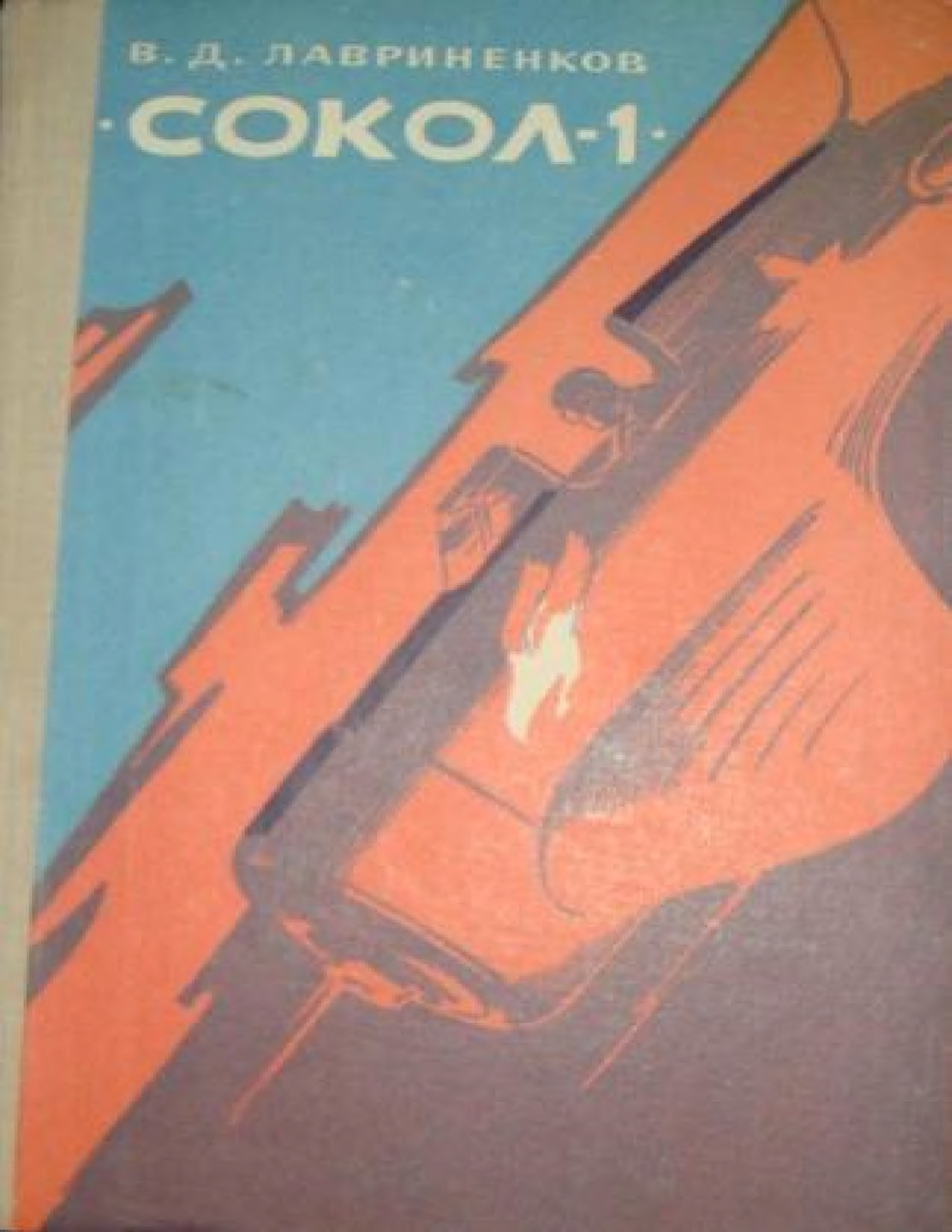

В. Д. ЛАВРИНЕНКОВ
·СОКОЛ-1·

Лавриненков В. Д.

Л 13 «Сокол-1». М., ДОСААФ («За честь и славу Родины»), 1976.

207 с. с ил.

В документальной повести автор, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Владимир Дмитриевич Лавриненков, тепло и с глубоким знанием дела рассказывает о своем замечательном командире Герое Советского Союза Льве Львовиче Шестакове, человеке беспримерной храбрости, новаторе воздушного боя, строгом и взыскательном воспитателе, заботливом наставнике крылатых воинов, вставших на защиту любимой Родины.

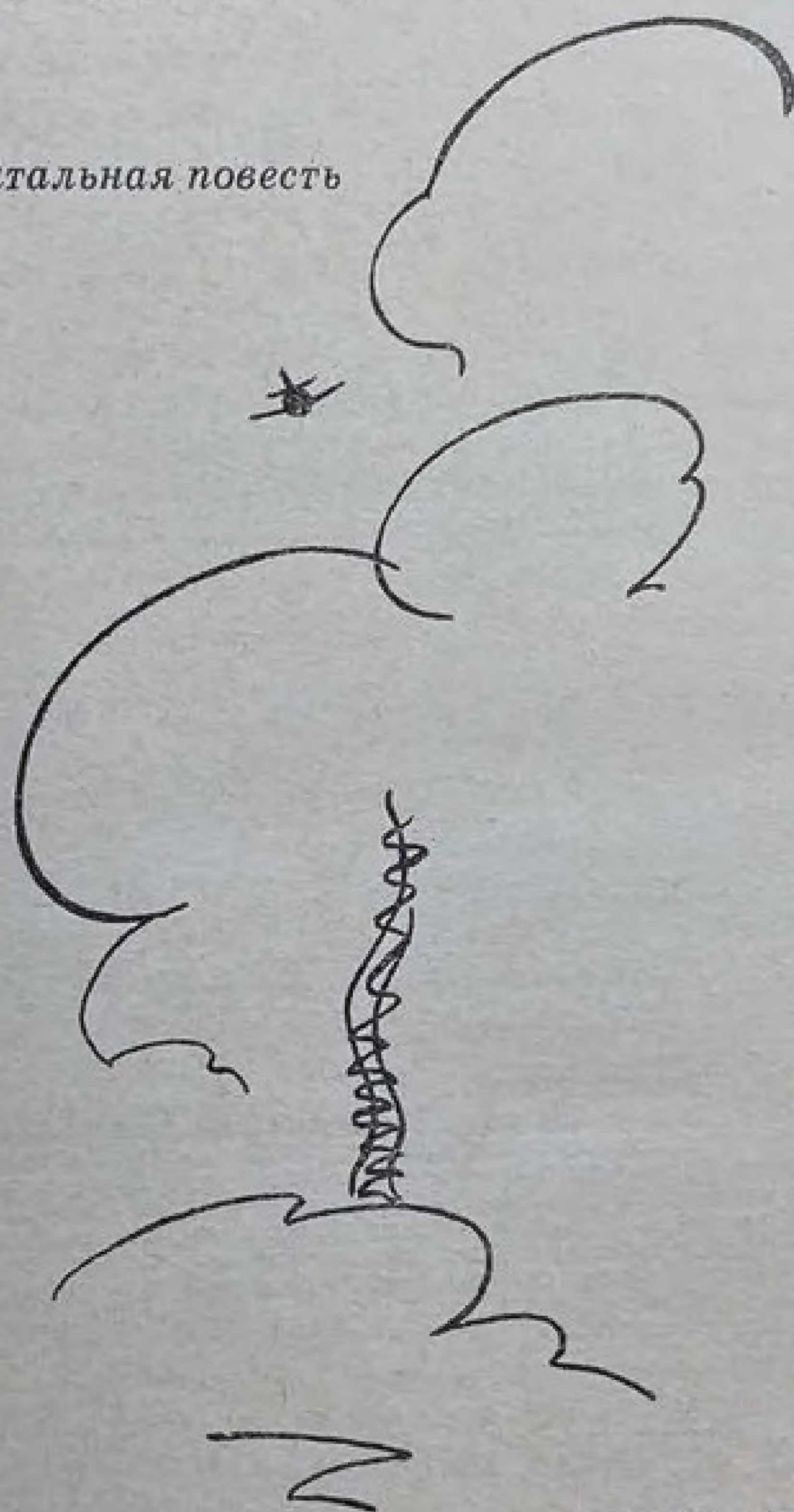
Книга рассчитана на широкий круг читателей и прежде всего на молодежь.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Д. ЛАВРИНЕНКОВ

•СОКОЛ-1•

Документальная повесть

МОСКВА
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1976

В.Д. ЛАВРИНЕНКОВ

·СОКОЛ-1·

Документальная повесть

МОСКВА
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1976

Annotation

В документальной повести автор, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Владимир Дмитриевич Лавриненков, тепло и с глубоким знанием дела рассказывает о своем замечательном командире Герое Советского Союза Льве Львовиче Шестакове, человеке беспримерной храбрости, новаторе воздушного боя, строгом и взыскательном воспитателе, заботливом наставнике крылатых воинов, вставших на защиту любимой Родины. Книга рассчитана на широкий круг читателей и прежде всего на молодежь.

«Сокол-1»

В.Д. ЛАВРИНЕНКОВ

·СОКОЛ-1·

Документальная повесть

ВСТУПЛЕНИЕ

Память о героях нетленна. Она живет в сознании и сердцах людей, передается из поколения в поколение, служит источником вдохновения, тем чистым неиссякаемым родником, из которого молодые патриоты Родины черпают для себя мужество, отвагу, благородство.

Не так давно я получил глубоко взволновавшее меня письмо. Вот что в нем писалось:

> «Владимир Дмитриевич!
>
> К вам обращаются комсомольцы Давидковской средней школы имени Героя Советского Союза полковника Льва Львовича Шестакова. Из вашей повести «Возвращение в небо» мы узнали, что вы в годы минувшей войны служили в истребительном авиационном полку, которым командовал Л. Л. Шестаков. Наши учителя нам рассказывали, что вы присутствовали при установке обелиска на месте гибели героя недалеко от нашего села, а также принимали участие в открытии нашей новой школы его имени, посещали наш колхоз, также носящий имя Шестакова.
>
> В книге «Возвращение в небо» рассказывается о Льве Львовиче Шестакове, но слишком сжато, коротко. И вот мы обращаемся к вам с убедительной просьбой: напишите книгу о герое, имя которого носит наша школа. Расскажите в ней, каким он был комсомольцем, коммунистом, летчиком, командиром, как воевал, как учил и воспитывал летчиков, каким знали вы его в радости и горе, чем покорял он сердца людей — ведь все, кому довелось его знать, и сегодня отзываются о нем с глубочайшим уважением.
>
> Нам, да и не только нам, всей молодежи очень нужна такая книга. Мы хотим учиться у героя, делами оправдывать звание комсомольцев-шестаковцев, а для этого нам нужно знать о нем как можно больше.
>
> Лев Львович отдал жизнь за наше счастливое детство, за нашу радостную юность, за нашу светлую жизнь, и мы обязаны сделать все, чтобы он продолжал жить среди нас, чтобы он был для всех нас высоким и светлым примером.
>
> *С глубоким уважением*

комсомольцы средней школы имени Героя

Советского Союза Л. Л. Шестакова

Село Давидковцы Хмельницкой области».

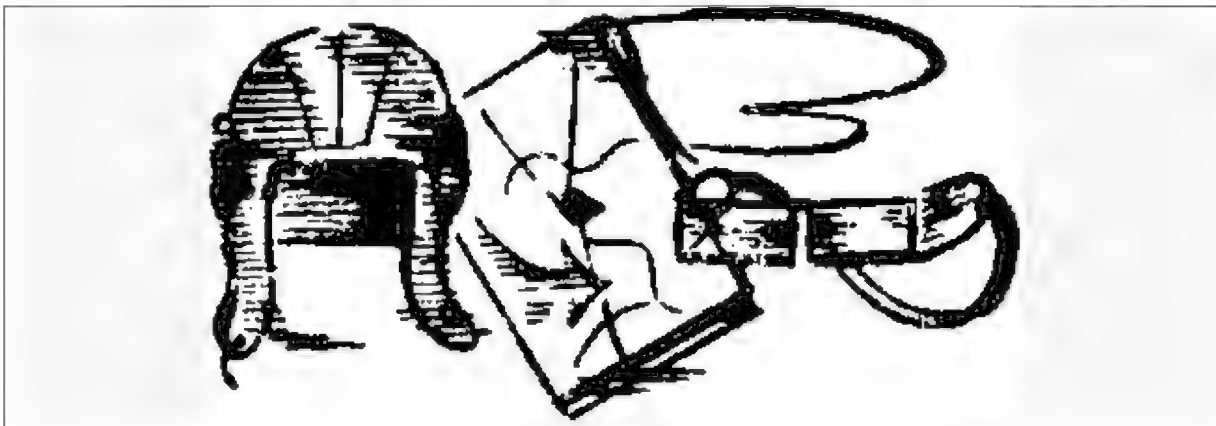
Признаться, с подобными просьбами ко мне и раньше обращались однополчане, курсанты авиационных училищ, молодые летчики.

Долго не мог я взяться за столь ответственный труд. О Льве Шестакове рассказать не просто. Он был незаурядным человеком и летчиком. И жизнь прожил короткую, но насыщенную, яркую, жизнь настоящего коммуниста, бойца за наше правое дело.

Поведать о нем, его жизни — трудная задача. Но письмо комсомольцев-шестаковцев заставило меня взяться за ее решение. И вот я представляю на суд читателей повесть о своем фронтовом командире — Льве Львовиче Шестакове.

Автор.

«КОМИССАР У ШЕСТАКОВА…»

Впервые я услыхал о Шестакове на Волге, во время Сталинградской битвы.

Казалось, под нами разверзлось само пекло ада: горел город, пылали берег и даже сама река, покрытая нефтью.

Повсюду над разрушенным городом круто вверх поднимались клубы густого черного дыма. Смыкаясь с серыми осенними облаками, они образовывали гигантский смрадный шатер, под которым, казалось, ничто живое не могло существовать.

— Последний день Помпеи, — угрюмо бросил летчик Степаненко, и на его исхудалых щеках зло задвигались желваки.

Стоявший рядом с ним Амет-хан Султан сверкнул черными, как уголья, глазами:

— Неправильно говоришь, Ванья. Это, — он показал рукой в сторону Сталинграда, откуда только что все мы вернулись, — не последний день Помпеи, а начало нашей победы.

— Если уж быть точным, — раздался за их спинами голос командира полка майора Морозова, — то не начало, а продолжение победы. Начало было под Москвой…

Больше ничего не успели сказать, потому что внимание всех привлекла внезапно разыгравшаяся в небе, на фоне грязных облаков, трагическая картина: подбитый ЛаГГ-3 пробивался к нашему аэродрому сквозь кинжальные перекрестные трассы огня преследовавшей его пары «мессеров».

Горячий Амет-хан Султан рванулся к своему «ястребку», чтобы броситься на выручку советскому летчику. Но он не успел даже вырулить на старт, как все закончилось.

В мгновение ока ЛаГГ-3 резко уменьшил скорость, очутился позади «мессеров» и стал поливать их свинцовыми очередями. Один фашист на наших глазах задымил, стал уходить, второй тут же юркнул в облака — немцы избегали схваток один на один…

И вот через несколько минут таинственный «лагг» уже рулил по нашему аэродрому. К нему подбежали техники и ужаснулись: с машины клочьями свисала обшивка, была отсечена часть киля, перебиты элероны. Ее быстро затащили в капонир, помогли выбраться из кабины летчику. Мы тут же окружили отважного пилота. Не терпелось поскорее узнать, кто он, из какого полка…

Среднего роста, поджарый, русоволосый, он, дружелюбно улыбнувшись, стал стягивать с себя чуть ли не насквозь промокший кожаный реглан. И мы увидели перед собой старшего батальонного комиссара с двумя орденами Красного Знамени на груди.

Вперед вышел наш «батя» — Герой Советского Союза.

— Майор Морозов, командир четвертого истребительного авиационного полка, — представился он.

— Верховец, комиссар у Шестакова, — просто ответил наш неожиданный гость, крепко пожав руку командиру.

Верховец, Шестаков… Мы впервые слышали эти имена. Но они сразу обрели для нас какой-то особый смысл. Возможно, потому, что каждому невольно подумалось: если у замполита два ордена Красного Знамени, что по тем временам значило очень и очень много, то какой же у него командир? А может быть, потому, что Верховец так назвал фамилию Шестакова, будто речь шла о всем известном человеке. Нам даже стало немного неловко оттого, что мы такие дремуче несведущие.

Кто-то из техников раздобыл огромный арбуз.

— Угощайтесь, товарищ старший батальонный комиссар. Наверное, пить хочется…

Арбуз от первого прикосновения к нему ножом раскололся на две сочные ярко-красные половины, одна из них была вручена Верховцу, другая — Морозову.

— Подходите, угощайтесь! — пригласил всех к себе хозяин «лагга», нарезая толстые ломти.

Мы с удовольствием ели арбуз и с нарастающим интересом следили за «комиссаром у Шестакова», прислушивались к его разговору с нашим командиром.

Комиссар в последнем бою попал в сложный переплет. Его пару атаковали шесть «мессеров». С ведомым Королевым они подожгли два вражеских истребителя, но стало совсем невмоготу, когда к фашистам присоединилась еще четверка самолетов. Машина Королева была повреждена, ему пришлось выйти из боя. Верховец остался один на один с восьмеркой врага, отчаянно отбиваясь от них. И вдруг почувствовал; что-то случилось с рулями. Оставалось одно — нырнуть в простирающееся под крыльями грязно-серое марево и уходить. Но фашисты тоже не дураки. Они решили подождать легкой добычи, когда та выскочит из облаков. Остальное происходило на наших глазах, и комиссар не стал дальше рассказывать.

— Чудом вырвался из вражеских лап, — заключил он, беря следующий ломоть арбуза.

— Ну уж и чудом, — ответил Морозов. — Видели мы, как вы от них «отделались». Мастерски!

— Одесский опыт выручает…

— Так вы участвовали в обороне Одессы?

— Вместе с Шестаковым, все семьдесят три дня обороны.

При этих словах все притихли, перестали жевать. Оборона Одессы… Так вот каков наш случайный гость! Человек, прошедший, как говорится, Крым и дым, и медные трубы. За его плечами — отличная боевая школа. Вот откуда его и сноровка, и находчивость, и тактическая хитрость.

— Скажите, товарищ батальонный комиссар, — обратился Степаненко — самый юный из нас, — у вас, наверное, весь полк сражается, как вы? — и в глазах у него вспыхнул огонь неподдельного восхищения обладателем двух орденов Красного Знамени.

— У нас, дорогой, все сражаются, как наш командно — Лев Львович Шестаков. В нашем гвардейском истребительном полку двенадцать Героев Советского Союза… Ну, да ладно, ребята, дело к вечеру, а мне еще надо в свой полк добираться.

— Не беспокойтесь, мы честь по чести доставим вас к месту машиной, — сказал Морозов.

— Только вместе с самолетом, — твердо ответил Верховец.

— Но его же не поднять, ремонт нужен.

— Хвостом — в кузов, я — в кабине и — домой!

— Ну, а если бы истребитель сгорел. Как бы вы тогда предстали перед Шестаковым? — спросил озадаченный Лещенко.

— Это смотря при каких обстоятельствах. Возможно бы, и похвалил, — неопределенно ответил Верховец.

«Что же это за человек такой, Лев Шестаков?» — спросил я тогда сам себя. Наверное, подобный же вопрос задали себе и мои товарищи — Амет-

хан Султан, Борисов, Степаненко, которым, как и мне, наверняка этот командир показался необыкновенным, загадочным. Но как бы мы были удивлены тогда, узнай о том, что в скором времени получим назначение не куда-нибудь, а именно в полк, которым командует сам Лев Львович Шестаков!

Наконец необычный транспорт готов в путь. Николай Андреевич, как уважительно звали по имени-отчеству теперь мы Верховца, распрощался со всеми, пожав каждому руку, вскочил на ступеньку грузовика, снял шлемофон, взмахнул им, громко крикнул:

— Спасибо за все! До встреч в небе!

И уехал, увозя свой самолет, оставляя нам добрую память о себе, о своем командире.

Лев Шестаков — доброволец Свободы, герой обороны Одессы… Как много этим сказано для нас, только чуть-чуть понюхавших первого пороха, только расправлявших еще свои боевые крылья!

Нам очень хотелось еще тогда узнать все подробности испанской и одесской жизни Шестакова. Но только тридцать лет спустя, с большим трудом, крупица за крупицей, удалось собрать факты, которых тогда так недоставало. И сейчас, прежде чем повести речь о том, как свела меня судьба с Шестаковым, я хочу рассказать, что было в его жизни до нашей встречи.

ДОБРОВОЛЕЦ СВОБОДЫ

Удивительной бывает иной раз взаимосвязь событий, происходящих на разных концах света, и судеб людей, которые, казалось бы, не могут иметь друг к другу абсолютно никакого отношения.

18 июля 1936 года Лев Шестаков, пилот 2-й истребительной авиационной эскадрильи, дислоцировавшейся под Киевом, успешно сдал в воздухе экзамен по боевому применению популярного в те времена бочкообразного, но юркого, маневренного, неплохо вооруженного И-15.

Командир тепло поздравил молодого летчика, пожелал успехов в повышении боевого мастерства, а потом посуровел лицом, добавил с тревогой:

— Пока ты был в небе, кое-что произошло… Иди отдохни, радио послушай, сам все узнаешь.

Последним словам командира Лев не придал особого значения. Он полностью был подвластен радостному чувству. Еще бы: экзамен успешно сдан, цель достигнута, теперь он, Лев Шестаков, настоящий летчик-истребитель!

В таком возбужденном состоянии, напевая какую-то бодрую мелодию — голос у него был всем на зависть — зашел в общежитие. Людей в нем не было, помещение чисто прибрано, отдавало прохладой от свежевымытого деревянного пола.

На тумбочке у своей кровати увидел белый конверт. Вскрыл его и извлек густо исписанный листок бумаги, а в нем — фотография: Лева снят с друзьями детства Тимофеем Студенниковым и Михаилом Ничиком. Сам

он — в летной форме, ребята — в тужурках с петлицами и эмблемами студентов Института инженеров дорожного транспорта. Все молоденькие, задорные, улыбающиеся…

Друзья юности: Тимофей Студенников, Лев Шестаков, Михаил Ничик. 1936 г.

«Молодец, Тиша! Прислал фото», — подумал Шестаков, вспомнив свою недавнюю поездку в Днепропетровск, в гости к друзьям, с которыми вместе учился в институте. Сейчас и он заканчивал бы с ними четвертый курс, если бы не агитатор из 2-й Ворошиловградской школы пилотов. Приехал, горячо выступил и… увез с собой Льва. Парень и без того бредил авиацией. Вот только не знал, как к ней подступиться. Казалось, что людей туда берут особенных. Однако после комиссии оказалось, что Лева и есть тот самый «особенный», что так нужны Красному воздушному флоту. К тому же шесть классов школы и фабзавуч которые кончал вместе с Тишей и Мишей в поселке Авдеевка у самого Донецка — достаточное образование для обучения на летчика.

«Надо же, такой везучий сегодня день! — подумал Шестаков. — Экзамен сдал, письмо от друзей получил. Ну, почитаем, что пишет Тимоха». И он с головой окунулся в институтские новости. Все ему, любознательному, было интересно: и кого избрали секретарем комсомольской организации курса, и кто победил на конкурсе

художественной самодеятельности, и чья команда выиграла в волейбол… Всем этим он, деятельный, энергичный, жил в школе, ФЗУ, институте, ничто не делалось без его живого участия. И сейчас, читая письмо, Лев как бы приобщался к той прежней, по-своему захватывающей и романтичной жизни. Когда прочитал, что бильярд, энтузиастом которого он был, заглох — огорчился. Расстроило его и то, что распалась команда пловцов — некого выставить на городские соревнования. Приписочка в конце уже больно кольнула в сердце: сокурсница Ирина передавала привет, просила узнать, почему он перестал ей писать?

Что ж, и на это причина была. Недавно он познакомился с юной киевлянкой Олимпиадой Соболевой. Несмотря на свои неполные шестнадцать лет, она уже работала на хлебозаводе, знала цену трудовой копейке. Милая, душевная, она привлекала к себе какой-то особенной светившейся в глазах лаской. То обстоятельство, что Лев — пятый в семье, сам с детства сполна хлебнул невзгод, еще больше сблизило молодых людей. И теперь Ирина, с ее подчеркнутой изысканностью манер и безапелляционностью суждений, из сердца переместилась в область воспоминаний.

Не откладывая в долгий ящик, Лев взялся писать ответ Студенникову. Ему не терпелось поделиться с друзьями радостью, доложить им о своем большом успехе. Он вытащил из планшета острозаточенный карандаш, вырвал из блокнота чистый лист, но только начал писать, как вздрогнул от неожиданно громко заговорившего после перерыва репродуктора: 18 июля в Испании вспыхнул военный мятеж против республики. Мятеж произошел по сигналу радиостанции мятежников «Над всей Испанией безоблачное небо». По радио к трудящимся республики обратилась член Политбюро Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури…

Экзамен, письмо от друга — все, чем еще секунду назад жил Шестаков, ушло на второй план.

«Пока ты был в небе, кое-что произошло…» — всплыли в памяти слова командира.

К чему он это сказал? Просто, чтобы ввести меня в курс дел, или?.. Фашизм наступает, рвется к власти. В Германии он уже утвердился. Теперь очередь за Испанией? Нет, никогда! Эх, если б можно было помочь республиканцам! Но как? Ведь Испания так далеко…

Так размышлял в тот день, 18 июля 1936 года, двадцатилетний летчик-истребитель комсомолец Лев Шестаков. И придет сокровенный час, когда он, побуждаемый высоким долгом патриота-интернационалиста, подаст рапорт с просьбой направить его добровольцем в Испанию, чтобы в ее небе

скрестить огненные трассы с ненавистным франкистско-фашистскими летчиками.

Это случится ровно через год.

> «…Политически грамотен, идеологически устойчив, морально выдержан. Имеет пять благодарностей. Инициативный, целеустремленный. Внешний вид и выправка хорошие. В эскадрилье пользуется большим авторитетом. С командирами откровенен, с товарищами общителен.
>
> По командирской и марксистско-ленинской подготовке успевает хорошо. Техника индивидуального пилотирования, групповая слетанность, стрельбы по наземным и воздушным целям — отлично. Глубоко знает штурманское дело и материальную часть самолета. Подлежит к продвижению на младшего летчика»»

С такой характеристикой в июле 1937 года Лев Шестаков прибыл из Киева в Москву. С ним вместе его товарищи: Зубарев, Буряк. Доброницкий, как и он, — романтики, парни с открытым и мужественным сердцем.

Впрочем, таких в гостинице ЦДКА собралось много. Веселые, жизнерадостные, боевые, готовые, как говорится, самому черту рога сломать.

О том, куда и зачем едут — разговоров не было. А когда к одному из ребят пришли знакомые и спросили, а зачем их столько собрали в Москве, в разговор вмешался плотный, круглоголовый, с большими рабочими руками летчик:

— Долгоносик на полях появился. Травить будем.

«Долгоносик с фашистским крестом на спине», — подумал про себя Шестаков. Ему понравился ответ этого степенного, рассудительного пилота. Он решил познакомиться с ним.

— Платон Смоляков, — представился тот, — бывший донецкий шахтер, затем — воспитанник Качи.

— Лев Шестаков, бывший донецкий слесарь, воспитанник Ворошиловградского училища.

— Выходит, земляки. Только вот летать учились в разных местах — я над морем, ты — над терриконами.

— Ты над морем, говоришь? Это же отлично. Там ведь тоже море. И меня еще будешь учить…

— Согласен, по рукам!

Смоляков так сжал кисть Шестакова, что тот чуть было не присел.

— Ну и силища!

— Да и ты, посмотрю, ладно скроен, крепко сбит…

Парни быстро поняли друг друга, сошлись, подружились.

Вечером они поспешили на Красную площадь. Не спеша, словно набираясь сил, ступали по ее брусчатке, затаив дыхание, следили за сменой караула у Мавзолея Ленина.

— Придется ли вернуться сюда? — задумчиво спросил Платон.

— Иначе быть не может. Обязательно вернемся!..

Они хотели поближе познакомиться с Москвой, но уже утром следующего дня переодетые в гражданское следовали поездом в Ленинград.

Там их посадили на теплоход «Кооперация», который тут же отправился в дальний рейс.

— Видимо, события принимают крутой оборот, — прокомментировал такую оперативность с их отправкой Шестаков.

— Пожалуй, что так оно и есть, — согласился с ним Платон.

За короткое время общения со своим новым другом Смоляков успел заметить в нем склонность к анализу, стремление проникать в самую суть явлений, находить всему объяснение, и он еще больше потянулся к нему, привязался всей душой. Сам-то он родом из глухой белорусской деревни Буда, — рубаха-парень, как любил говорить о себе, благо бог не обидел ни здоровьем, ни силой.

Так их и видели на корабле всегда вдвоем. Вечерами любили они стоять на палубе, глядеть в безбрежную голубую даль. Шестаков видел море впервые. И хоть понимал, что теперь для него многое в мире будет открываться впервые, не мог не восхищаться морем, его бескрайностью, игрой могучих волн. Только очарование продолжалось недолго, верх снова взяла его практичность.

— Скажи, Платон, как же над морем ориентироваться? Ведь глазу не за что зацепиться…

— Тут есть свои навигационные секреты…

— Расскажи, — загорелся Лев.

Он слушал внимательно, все мотал на ус, мысленно переносил себя в Испанию, на Средиземное море, прикидывал, как будет выходить из положения, если откажет компас или случится что-либо еще непредвиденное.

Шестаков уже жил в том неизвестном, загадочном, ожидающем его «за морями — за горами».

Платон почувствовал это и еще раз подивился его натуре, складу характера. Но еще больше поразила Смолякова необычная способность

этого донецкого рабочего парня знакомиться, сближаться с людьми. Буквально через день-два он со многими уже был на «ты», называл каждого по имени, вокруг него всегда собиралась шумная компания. Трудно сказать, что было тому причиной — то ли не сходившая с лица Шестакова обаятельная улыбка, то ли неуемная кипучая деятельность его. Скорее всего, и то и другое. Даже старший группы Александр Гусев — сдержанный, по-командирски строгий — и тот при виде Шестакова широко улыбался. Попробуй тут остаться равнодушным, если, выйдя на палубу, видишь, как вокруг жизнерадостного Шестакова собирается народ посмотреть на его остроумные мимические сценки. А уж начнет разные истории рассказывать — смеются до слез. Многие были убеждены, что Лев когда-то был по меньшей мере артистом эстрады. Особенно покорил он всех импровизированными концертами, играя на гитаре. Словом, для дальнейшей дороги такой человек был просто незаменим.

Среднего роста, статный, подтянутый, с красиво посаженной головой; темновато-русые волосы всегда аккуратно причесаны на пробор. Он всем нравился с первой встречи, и за семь дней плавания Лева стал кумиром, душой всего коллектива. Нужен был, ох, как нужен был на борту такой человек! Ведь тоска неуемная по покинутым краям, семьям, друзьям точила всем сердце. Невозможно было оставлять людей один на один со своими грустными мыслями. Выделенные парторги, комсорги групп делали свое нужное дело. Но ведь и они — живые люди: от тоски по дому не отмахнешься. Навязчива. И вот сам собой обнаруживается чудесный парень, полный задора, энергии, бодрости и веселья, которых хватит на всех сразу. И настроение у людей поднимается, и дышится легче.

Мерно бьется о борт тяжелая холодная балтийская волна. Опершись о поручни, Шестаков смотрит в бескрайнюю морскую даль. Что их ждет впереди? Какие испытания уготовила им судьба? На эти вопросы ответит сама жизнь. Перед отплытием Лев успел бросить в почтовый ящик короткие письма отцу и матери, Олимпиаде, другу Тимохе. В них сообщил, что отправляется на неизвестное время в командировку, просил не беспокоиться, при случае напишет…

Конечно, будут волноваться и отец, Лев Ильич, участник японской войны, железнодорожник, и мать, Мария Ивановна, родившая пятерых сыновей и двух дочерей, выжили из которых в то тяжелое голодное время только он, Левушка, да старший брат Василий, учившийся в Днепропетровском институте инженеров дорожного транспорта.

Два сокола остались у матери-труженицы, коммунистки с 1928 года. И гордилась она ими, и душой болела за них. Очень хотелось ей, чтобы их

судьба сложилась удачно, чтобы людьми они стали. Оба сына подавали большие надежды, особенно Левушка. Разбитной, бедовый, он все схватывал буквально на лету. Учительница Галина Иосифовна Шевченя нахвалиться не могла: на уроках внимательный, тетради всегда в полном порядке, помогает отстающим, не дает в обиду младших.

У мальчишки была увлекающаяся натура. Сначала он научился рисовать, потом играть на разных инструментах, затем смастерил сам радиоприемник. Отец и мать смотрели на все это и гадали, кем же станет их младший сын, какую жизненную дорогу выберет?

О том, что Лев мог часами следить за полетами У-2 Донецкого аэроклуба, он никому не говорил. Слишком недоступным казалось ему летное дело. Пилоты представлялись ему людьми исключительными и почему-то выросшими где-то в других краях, а не здесь, на пропитавшейся насквозь угольной пылью донецкой земле.

Но Лева сумел сделать решительный шаг к своей мечте. И хоть отец, мать, друзья по институту не совсем одобряли столь крутой поворот в его жизни, но душой чувствовали: небо — его призвание. И не отговаривали, не навязывали своего мнения. И теперь, мысленно расставаясь со взрастившей его родной землей, он прощался и со своим детством, своей юностью. Начиналась совершенно новая жизнь — жизнь воздушного бойца.

Больше всего Лев боялся сейчас, что они не успеют принять участие в настоящем деле: пока черепашьими темпами доплывут — там все закончится. Как-то Иван Девотченко, успевший уже хорошо узнать Шестакова как человека никогда не унывающего, спросил его: «Скажи, Лев, тебя можно чем-нибудь огорчить?». — «Можно, — ответил тот серьезно. — Приказом, что нам с полпути надо возвращаться домой».

Уже совсем смеркалось. Кто-то тронул Льва за плечо. Оглянулся — Девотченко.

— Все переживаешь, что поспеем к шапочному разбору? Не ломай напрасно голову, хватит для нас с тобой работы. Только что радио слушал: республиканцы упорно сопротивляются, война принимает все более ожесточенный характер.

— А сколько нам еще плыть?

— Капитан сказал — завтра будем в Гавре.

— А как дальше?

— Пока неизвестно.

Гавр… Что напоминает это слово? Что-то очень и очень близкое и дорогое… Так вот же что — Гаврош!

Гаврош был любимым героем Льва Шестакова. Пионером он со школьной сцены читал рассказы о нем. Читал с таким чувством, как будто

сам полз перед парижской баррикадой коммунаров под огнем врага с сумкой, набитой патронами.

Гавр встретил шумной, забитой людьми и машинами портовой набережной. Все, естественно, торопились на берег. Но тут Гусев вдруг объявил:

— Приготовиться к выходу, но оставаться на своих местах. Сейчас на борт поднимутся наши летчики, возвращающиеся из Испании.

Вот это новость! Ведь можно будет обо всем расспросить, узнать, что и как — это так важно!

Когда на палубу поднялись поджарые, мускулистые, загорелые до черноты парни — бросились к ним, начали обниматься, целоваться, хлопать друг друга по спинам, до хруста жать руки.

Когда все более-менее успокоились, начались взаимные расспросы. Им бы не было конца, не обратись к прибывшим Александр Гусев:

— Вы, ребята, скоро дома будете, все увидите, узнаете. Расскажите-ка лучше, что там, в Испании? Опытом боев поделитесь.

Услышанное об обстановке в Испании мало радовало. Гитлеру и Муссолини удалось спасти генерала Франко. Фашистский путч перерос в откровенную интервенцию.

Западные державы в этот тяжелый для Испании период, когда республиканское правительство так нуждалось в поддержке, приняли трусливо-циничную тактику невмешательства во внутренние дела этой многострадальной страны.

Зато фашисты Германии и Италии не церемонились. Особый гитлеровский легион «Кондор», включавший в свой состав восемь эскадрилий бомбардировщиков и истребителей, моторизованные и танковые части общей численностью в 6 тысяч человек, беспрерывно пополнялся живой силой и техникой. То же самое происходило с итальянским экспедиционным армейским корпусом. Враг имел перевес во всем, И лишь в одном уступал республиканцам и добровольцам или, как их называли, волонтерам свободы, прибывшим из 54 стран, — в силе духа, стойкости, мужестве.

— Бить фашистов можно, — заверили понюхавшие пороху летчики, — бить можно и сбивать тоже. Вы увидите — много на испанской земле валяется обгоревших обломков «мессершмиттов», «хейнкелей» и других машин. Но победы даются трудно. Однако в воздухе перевес был на нашей стороне. Так что вам нужно будет закрепить его. Да, услышите слово «чатос» — так испанцы окрестили И-15. Курносый, значит, И-16 они называют «москас», то есть мошки.

Летчиков буквально засыпали вопросами. Какие самолеты у Франко? Какая у них тактика действий? Как вы вели бой?

Начался сугубо профессиональный, деловой разговор. Шестаков все быстро записывал в карманную книжечку. Он боялся упустить хоть крупицу боевого опыта. Дотошный, он время от времени перебивал рассказчика, прося уточнить то или иное положение. Как пригодились ему потом эти короткие записи, к которым он впоследствии не раз обращался.

Пришло время покидать ставшую родным домом «Кооперацию», прощаться с возвращавшимися домой летчиками. «Вот и первые шаги по чужой земле, — подумал Шестаков, сходя вместе с другими на берег». Далее ехали они на автобусе через Гавр, Руан в Париж.

В городах прямо на бульварах — ресторанные столики. За ними — разодетая веселящаяся публика. Тут, во Франции, пресыщенным буржуа было совершенно безразлично, что за Пиренеями идет борьба не на жизнь, а на смерть. Французским гобсекам не было до этого дела. Они упивались собственным благополучием, не предвидя, что где-то в далеко идущих планах третьего рейха и их стране уготована тяжкая участь.

Еще больше ошеломил наших ребят своей беспечной роскошью Париж. В воздухе, не смолкая, стоял шум огромного количества автомобилей, сверкали огнями рекламы. От всего этого кружилась голова, хотелось найти где-нибудь уединенный тихий уголок и спокойно отдохнуть.

И тогда Шестаков предложил побывать у Стены коммунаров. Его идею все поддержали. И вот, волнуясь, встали ребята плечом к плечу у священной Стены, обнажив головы. Стоят молча. Думают, наверное, об одном и том же: вот случилось же так, что мы, наследники коммунаров, знавшие о них лишь по учебнику истории, пришли сюда, чтобы поклониться их праху и дать клятву верности делу, идеалам, за которые они сложили свои головы, идеалам свободы, равенства и братства.

«Дуглас» пересекал Пиренеи: Шестаков и горы увидел впервые. Но, полюбовавшись их величественной красотой всего лишь несколько минут, он стал оценивать их опять же с точки зрения военного летчика.

— Скажи, Платоша, если придется идти на вынужденную, куда же тут садиться? — обратился он к Смолякову.

— Давай вместе выбирать подходящую площадку, — ответил тот.

Однако, как ни старались найти место, куда бы можно было посадить самолет, не смогли.

— Так что же делать, Платоша?

— Прыгать с парашютом и начинать борьбу за жизнь, как герои Джека Лондона, — пошутил Смоляков.

Испания… Она уже совсем близко. Чем меньше остается пути, тем учащеннее бьются сердца летчиков-добровольцев.

И уж совсем разволновались все, когда под крыльями пронеслись кварталы Барселоны и «Дуглас» приземлился на ее окраине, подняв к небу шлейф густой желтой пыли.

Всем не терпелось скорее ступить на испанскую землю: так сильно было желание как можно быстрее сесть в кабины истребителей и попробовать свои силы в схватках с врагом.

Молодые необстрелянные пилоты и жаждали, и где-то в душе волновались от мысли, что не сегодня-завтра придется скрестить мечи с фашистами. Их можно было понять: здесь не учебные маневры-стрельбы, а борьба не на жизнь, а на смерть. Вражеские летчики все с боевым опытом, а наши — в большинстве своем новички, не бывавшие в боях. Трудно, очень трудно им придется на первых порах…

Барселона — чудесный город. Пальмовые бульвары, белокаменные здания, ярко-голубое море и на его фоне океанские корабли, судоверфи… Бросалась в глаза такая странность: в центре города не было никаких признаков войны, на его же окраинах то и дело встречались руины — последствия бомбежки.

— Франкистская авиация не бомбит городские районы, где жили богачи. Такой у нее приказ. Хозяева рассчитывают вернуться, — пояснил исполнявший роль гида местный житель коммунист Педро — первый испанец, с которым познакомились летчики.

— А часто бывают налеты? — поинтересовался Шестаков.

— Раньше случалось и по три раза на день, в последнее время что-то притихли, — ответил друг-испанец.

Только поговорили, в небе послышался надрывный гул моторов. На средней высоте шли растянутым пеленгом несколько самолетов с черными крестами на крыльях.

— «Хейнкели!» — сразу узнал Педро. — Опять летят проклятые! Пронюхали, наверное, что у республиканцев происходит смена советских летчиков-добровольцев.

Но бомбардировщики прошли мимо Барселоны, так и не сбросив ни единой бомбы. Видимо, у них были другие планы. Однако эта безнаказанность… Как можно с ней мириться?! У Смолякова, Гусева, Шестакова и других было такое ощущение, будто черные крылья проносятся над их собственной родиной, а они вместо того, чтобы вступить с ними в решительный бой, находятся в роли посторонних наблюдателей.

— Не достаточно ли с нас путешествий и экскурсий? — мрачно произнес Шестаков.

— Действительно, пора бы уже приступать к делу, — поддержал его Смоляков.

Никто из прибывших с этой группой наших летчиков еще ни разу в жизни не участвовал в настоящем воздушном бою. Но тем не менее все рвались к боевым истребителям, всем не терпелось поскорее сойтись в смертельной схватке с общим врагом — фашизмом. Такова уж судьба летчика-истребителя: он рожден для боя!

Но предстояла еще процедура оформления добровольцев в республиканскую армию. Для этого всей группе пришлось на автомашинах переезжать в Валенсию, где располагалось командование ВВС республики во главе с генералом Сиснеросом.

Во время этой поездки с каждым километром наши парни все больше открывали для себя сражающуюся Испанию. В Таррагону уже можно было проехать только после тщательной проверки документов на контрольном пункте. Город только что подвергся интенсивной бомбежке. Еще не осела поднятая взрывами пыль, дымились разрушенные здания, в воздухе стоял едкий запах тола. Проехать по улицам невозможно: мостовые разворочены, там и сям — остовы сгоревших, перевернутых автомобилей, в магазинах разбиты витрины. Поразил вид дома, одна из стенок которого обвалилась: взору открылись жилые помещения с мебелью, коврами, люстрами. Это неожиданное зрелище разрушенного беззащитного человеческого жилья глубоко врезалось в сознание и память Льва Шестакова, стало для него символом жестокого, беспощадного, несущего гибель всему фашизма.

Много ему еще доведется повидать подобных мрачных картин. Но эта останется с ним навсегда и будет набатом его души, зовущим к отмщению озверелым человеконенавистникам.

Именно здесь, в Таррагоне, Лев впервые пронзительно остро почувствовал, как наливается ненавистью к фашистам его сердце. Очень нужна была для летчиков эта поездка по многострадальной Испании. Если бы сразу бросили их в бой против «мессеров», «хейнкелей», «юнкерсов», «фиатов» — откуда бы взялись злость, гнев, ярость, без которых воздушную схватку-то и боем не назовешь?

Переживая увиденное, двинулись дальше. Время обеда застало в Тортосе. И тут, как это нередко в жизни бывает, произошла своеобразная разрядка.

Вот как о ней рассказывает в книге «Гневное небо Испании» ныне Герой Советского Союза генерал-майор авиации запаса Александр Иванович Гусев.

«Заходим в ресторан. По долгим переговорам и жестам официантов догадываемся, что с продуктами здесь тяжело.

— Нас могут накормить только сладким рисом, — сказал наш переводчик Федя.

— Рис так рис, — ответил кто-то из ребят.

Через несколько минут перед нами стояли тарелки с горками горячей рассыпчатой каши, сдобренной красным соусом, который мы приняли за томатный. После первого же глотка глаза у меня расширились, а губы хватали воздух в надежде «остудить» ошпаренный перцем рот.

Иван Панфилов, вытирая слезы, сказал заикаясь:

— Сладкий рис… Это… живой огонь.

После такого обеда срочно потребовалась вода тушить «пожар» во рту».

В Валенсии разместились прямо возле здания штаба ВВС Испанской республики.

Здесь произошла волнующая встреча Александра Гусева с бывшим командиром его соединения, а теперь старшим советником по авиации генерала Сиснероса Евгением Саввичем Птухиным. Он до неузнаваемости похудел, кожа на лице почернела и задубела, но был по-прежнему бодрым, энергичным. Долго беседовали. Оказывается, Птухин был ранен при бомбежке, но домой, как ему предлагали, не вернулся, вылечился здесь. Уже одно это обстоятельство заставило летчиков проникнуться огромным уважением к нему.

Птухин представил вновь прибывших генералу Игнасио Сиснеросу.

Приветливый, с мягкими манерами, командующий ВВС поздоровался с каждым в отдельности, потом пригласил всех за стол и кратко рассказал о военно-политическом положении республики. С глубокой признательностью говорил о Советском Союзе, высоко оценивал его летчиков, с удовлетворением отметил, что истребители И-15 и И-16 по своим качествам не уступают немецким и итальянским боевым самолетам.

Этим доброжелательным, откровенным разговором закончилось официальное знакомство, после чего состоялся приказ о зачислении советских летчиков добровольцами в республиканские ВВС.

Вот, казалось бы, когда наконец можно было им считать себя волонтерами свободы. Но Евгений Саввич Птухин внес ясность и в этот вопрос:

— Пока что высокое звание добровольцев вы носите чисто формально. Его нужно оправдать в боях.

Оправдать в боях… Такая возможность, которой все жаждут, должна была вот-вот уже представиться. Из новичков были сформированы две эскадрильи. Одну возглавил Александр Гусев, другую — Иван Девотченко. Шестакову пришлось расстаться с другом Смоляковым. Платон стал заместителем у Гусева, эскадрилья которого тут же убыла в Лос-Алькасарес. Девотченко со своими орлами направился в Сан-Хавьер.

Сан-Хавьер — не Валенсия, при одном воспоминании о которой чудится густой запах роз, спелых апельсинов и мандаринов. Сан-Хавьер не так уж далеко от переднего края. Здесь все живут войной.

Думалось: вот отсюда сразу и начнутся боевые полеты. Может быть, так бы оно и было, да только без самолетов как поднимешься в воздух? Как раз их-то и не имелось. За ними требовалось еще отправиться на морскую базу в Картахену, там получить их в разобранном виде, потом собрать, облетать, после этого еще восстановить утерянные навыки техники пилотирования, освоиться с районом полетов… В общем, всем этим заботам не видно конца и края. Когда же воевать? Сколько можно томиться, так ведь в душе может все перегореть, не хватит запала для сражений.

Только о последнем напрасно волновались летчики. О том, чтобы не дать остыть их горячим сердцам, враг старательно заботился сам. Его бесконечные налеты, бомбовые удары, гибель невинных людей, пожарища — все это выше поднимало волну ненависти в сердцах летчиков к заклятым врагам — фашистам.

Самолеты получены, собраны, облетаны, оружие пристреляно. Наконец-то первое боевое задание: прикрытие района Картахена — Аликанте от бомбардировщиков. Прежде чем приступить к его выполнению, отработали вопросы взаимодействия с эскадрильей Александра Гусева. Гусевцы прибыли в тот момент, когда Девотченко проверял технику пилотирования подчиненных. Как раз готовился к взлету Шестаков.

— Посмотрю за ним вместе с тобой, — сказал Гусев Девотченко. — Нравится мне этот парень, а вот каков он в воздухе — еще не видел.

— Сейчас увидишь.

«Ястребок» Шестакова взлетел. Быстро набрал высоту и тут же начал одну за другой с большой точностью выписывать замысловатые фигуры сложного пилотажа. Посадка — тоже высший класс.

— Жаль, что такой мастер достался тебе, — только и сказал Гусев.

— А разве у тебя таких нет?

— Есть, конечно, но… почти такие. Он же у тебя виртуоз, его в бою на мушку не возьмешь…

— Это точно — сам проверял, из-под прицела вьюном уходит.

— Запомни, Ваня, выйдет из Шестакова большой летчик…

— Дай-то бог, чтобы здесь, в Испании, какая-нибудь беда его не подстерегла.

— Ну, этого мы можем пожелать всем нам…

Установив прямую телефонную связь, обговорив тактику взаимных действий на случай отражения массированного налета вражеских бомбардировщиков на Картахену, согласовав ряд других, не менее важных вопросов, делегация гусевцев убыла на свой аэродром.

Прикрытие района — задача не из легких. И конечно, исключительно важная. Ведь речь идет об охране морских портов, важных населенных пунктов. Только истребителю не по нутру ждать, когда враг изволит сам объявиться, его удел — активный поиск, решительный натиск, стремительные атаки. А тут продежурили целую неделю — ни один, даже случайный, самолет противника не показался. То ли франкистская разведка хорошо сработала, то ли там что-то затевают, к чему-то готовятся. Факт оставался фактом: с появлением в воздухе «чатос» и «москас» налеты прекратились.

В общем, нет настоящей боевой работы. От этого у всех падало настроение.

— Из перекисшего теста плохой хлеб получается, — стали выражать недовольство летчики. — Скоро ли займемся тем, ради чего сюда прибыли?

Что мог ответить на это Иван Девотченко? Он ведь и сам думал о том же, и когда случалось видеться с начальством, задавал те же вопросы.

Сейчас он задумался над тем, что нужно как-то организационно объединить коммунистов и комсомольцев эскадрильи.

Тут основная трудность заключалась в том, что в одном подразделении служили члены ВКП(б) — наши летчики и испанские коммунисты — техники, механики. Не будешь же создавать две партийные организации?

Гусев рассказал, что в его эскадрилье образовали партийное землячество, которое объединило коммунистов всех наций. Председателем землячества избрали Ивана Панфилова.

А что, если не ломать голову, последовать этому примеру? Другое вряд ли что придумаешь, а указаний на этот счет ждать не приходится: на месте-то видней.

Предложение командира было поддержано. Организовали партийное землячество, руководство им поручили летчику коммунисту Зубареву. Его помощником по работе среди комсомольцев единодушно избрали Льва Шестакова. Он скучать сам не будет и другим не даст…

«С таким не пропадем!» — было мнение молодежи.

Шестаков из тех, кому не нужно растолковывать, что и как делать. О кем говорили: он работает по принципу «самовоспламенения».

Принцип этот «сработал» на следующий же день. Лев подошел к Девотченко, обратился:

— Товарищ командир! Пока нет боевой работы, разрешите я расскажу ребятам о действиях здесь наших предшественников.

— А откуда ты знаешь, как они действовали?

— Да вот тут у меня кое-что собрано…

Вытащил из бокового кармана записную книжечку, которую в его руках видели в Гавре при встрече с возвращавшимися из Испании летчиками. Она не только была вся исписана аккуратным четким почерком, но между ее страниц были вклеены вырезки из газет.

Девотченко полистал книжечку, развернул одну-другую вырезку и вдруг обнял Шестакова, радостно восклицая:

— Ну, Лева, ты настоящий молодец! Да тебе с такими материалами цены нет! Ведь на них можно всю партийно-политическую работу построить, людей воспитывать. Это же сейчас так важно…

Лев даже опешил от такого бурного проявления чувств обычно суховатым, сдержанным командиром, не знал, как себя в такой ситуации вести.

— Вот что, Лев, — сказал уже строго Девотченко, — сегодня соберем всю эскадрилью и проведешь первую беседу. Понравится людям — будешь выступать перед ними раз в неделю, пока весь материал не используешь. А там, смотришь, новый появится, уже наш, собственный.

Беседа была посвящена Героям Советского Союза, заслужившим это высокое звание за мужество и храбрость, проявленные в небе Испании, — Ивану Копецу, Сергею Денисову, Сергею Черных, Павлу Рычагову.

Рассказ о них был настолько захватывающим, что все слушали, раскрыв рты. Слушали и мотали на ус: Шестаков деталь за деталью раскрывал «секреты» боевого мастерства и мужества прославивших себя воздушных бойцов. Чувствовалось: он не раз анализировал все, что узнавал о героях, по «косточкам» разобрал их приемы, тактику действий, много полезного почерпнул для себя и теперь готов щедро поделиться им со своими товарищами по оружию.

Девотченко смотрел на Шестакова и вспоминал недавние слова Гусева:

— Запомни, Ваня, выйдет из Шестакова большой летчик, будут о нем говорить, учиться у него…

«Пожалуй, ты прав, Саша, — подумал про себя командир. — Но не будем спешить с выводами. Все о каждом из нас скажут воздушные бои, которые вот-вот начнутся».

И они действительно начались, только не для эскадрильи Девотченко, а для гусевцев. Их срочно перебросили на Южный фронт в Кабеса-дель-Буэй.

Там у республиканцев было мало авиации, враг господствовал в небе. Требовалось сбить с него спесь.

Прикрытие Картахены, Аликанте, Мурсии теперь возлагалось на одну эскадрилью Девотченко. Летчики воспрянули духом: может быть, скоро удастся провести первый воздушный бой!

Первый бой… Неизвестно, что кому он принесет, но все жаждут его, ждут не дождутся. Видно, так уж устроен человек: лететь навстречу яркой мечте, даже зная, что можно и сгореть, не достигнув ее.

Но все, к чему страстно стремишься, рано или поздно приходит. Приходит без фанфар и барабанного боя, приходит буднично и просто.

Вот как произошло это у Льва Шестакова.

На аэродром прибыла группа американских и английских журналистов. В большинстве своем — долговязые, ведут себя бесцеремонно, громко разговаривают. С ног до головы обвешаны фотоаппаратурой.

Девотченко совершенно не был рад столь неожиданному визиту. Ведь будут расспрашивать — а что рассказывать? Пока никто ничем не отличился, для республиканской Испании, по существу, ничего еще не сделали. А может, именно это и устроит больше всего неожиданных гостей?

Журналисты оказались в курсе дел эскадрильи. Им просто хотелось познакомиться, поговорить с молодыми советскими летчиками. Ясно, с какой целью: узнать о настроениях, посмотреть, насколько вновь прибывшие парни крепки духом.

Командир представил гостям Зубарева и Шестакова, поручил им заняться приезжими, поскольку самому нужно было организовывать боевое дежурство. Зубарев и Шестаков разделили журналистов на две группы, повели их в звенья.

— Мистер Честакофф, вы хорошо стреляете в воздухе? — спросил довольно твердо по-русски идущий рядом с ним англичанин в пенсне с золотой оправой.

— У нас все стреляют хорошо, — прозвучало в ответ.

— А не думаете ли вы, что учебные стрельбы и огонь в бою — это не одно и то же?

— Нет, не думаю. Что умеешь делать — то сделаешь в любой обстановке.

— А если нервы не выдержат?

— А вы слыхали наш авиационный марш?

— Это какой?

— Тот, где поется: «А вместо сердца — пламенный мотор».

— О, — англичанин начал доставать из карманов блокнот и вечное перо, — вы остроумны, мистер Честакофф, это надо записать…

Лев только собрался было что-то еще сказать, как вдруг до него донесся какой-то гул. Он взглянул в небо и увидел пару двухмоторных вражеских разведчиков. Идут себе чинно-благородно, будто знают, что никакая опасность им не грозит, летчики-истребители на земле заняты гостями.

— По машинам! — разнеслась громкая команда Девотченко.

Летчики бросились к своим «москас», журналисты отскочили в сторонку, наблюдают, что будет дальше. Приготовили фотоаппараты.

Торопясь к истребителю, командир эскадрильи на все лады чертыхался:

— Принесло этих газетчиков на мою голову! Не снимем разведчиков — на весь мир раззвонят. Им ведь только дай посмаковать…

Точно о том же думали Зубарев, Шестаков и другие: «Как бы не ударить в грязь лицом! И надо же появиться разведчикам в столь неурочный час…».

В последнюю минуту Девотченко сообразил, что ни к чему взлетать всей эскадрильей — получится свалка, неразбериха.

Пойдут он, Зубарев и Шестаков.

Тройка «москас», подняв рыжую пыль, взметнулась в небо. Все трое устремились к разведчикам. Те, заметив истребителей, прибавили скорости.

Девотченко показал ведомым: вы, мол, вдвоем атакуйте левого, я сам — правого.

Комэск почти настиг разведчика, дал очередь, тот сразу же круто заспиралил к земле.

«Неужели попал? Так сразу?» — недоумевал командир. Недоумевали и все на земле. Вражеский самолет несся к земле, но, глядя на него, никак нельзя было отделаться от чувства, что он управляется опытной рукой. Мучаясь сомнениями, Девотченко вошел в пике, чтобы настичь противника и еще раз полоснуть его огнем пулеметов. Но не тут-то было. У самой земли разведчик выровнялся, стал в горизонтальный полет и тут же как будто растворился на фоне местности: он был слишком хорошо закамуфлирован под нее.

— Тьфу, чтоб тебя черт взял! — зло сплюнул Девотченко. — Научились, гады, спасать свои шкуры. А что там делается у Зубарева и Шестакова?

А там было вот что.

Зубарев, приняв на себя командование парой, ринулся вдогонку второму разведчику. Шестаков, верный правилу «ведомый — щит ведущего», неотступно шел следом, наблюдал за тем, чтобы кто-то еще не свалился на них сверху или сбоку.

Зубарев, зная, что огонь пулеметов И-16 особенно эффективен на малой дистанции, подошел к разведчику вплотную, прицелился, нажал гашетку…

а оружие молчит. Еще раз нажал — молчит. Что такое?! Зубареву ничего не остается, как выходить из атаки. Разведчик, как тот, которого преследовал Девотченко, начинает спиралить. Шестаков, ничего не понимая, бросается за ним, забыв на время о ведущем. Приближается вплотную к цели, жмет гашетку — но пулеметы молчат!

Где-то в глубине сознания мелькнуло: «Расхвастался, у нас все хорошо стреляют». Потом мысль переключилась на поиски причины отказа оружия. «Проклятье! — чуть не вскрикнул Шестаков от пришедшей на ум догадки. — Двойная перезарядка нужна. Ведь пулеметы были дважды взяты на предохранитель еще вчера, для учебного боя. Вот и забыли об этом!»

Наконец разведчик, перестав спиралить, набирает скорость. Теперь не уйдет: оружие приведено в боевое положение. Если, конечно, еще что-нибудь не помешает. Не должно помешать!

Шестаков настигает разведчика. Подходит к нему сбоку сзади, прицеливается по левому мотору, дает длинную очередь, не прекращая ее даже после того, как вспыхнул мотор, все еще не веря в свою удачу: это его первый сбитый враг, им открыт личный счет боевых побед! Разгоряченный, он даже не заметил, что одновременно с левым мотором разведчика вспыхнул и правый: подоспел и подстраховал Девотченко. Вражеский разведчик, потеряв управление, стал заваливаться на крыло. И тут Лев четко увидел, как из уже охваченной пламенем кабины вражеского самолета выбирается летчик, отталкиваясь, бросается вниз, над ним вспыхивает белый купол.

Лев совершает вокруг него вираж — словно ритуальный танец. Видит узкое, длинное лицо блондина, перекошенное в бессильной злобе. Парашютист грозит кулаком, потом выхватывает пистолет и, вращаясь на стропах, открывает стрельбу по истребителю.

«Огрызается, как волк на псарне, — подумал Шестаков, — вот полосну из пулемета — сразу поумнеешь!» Он уже положил было палец на гашетку, но тут же спохватился: «Пусть снижается, возьмем в плен, поближе посмотрим, что за зверь этот фашист».

Не думал — не гадал тогда Лев Шестаков, что пожаловал он жизнь врагу, с которым еще не раз придется скрестить пулеметные трассы в воздушных боях, и что кончится эта дуэль уже над советской землей…

Заходя на посадку, Шестаков видел вдали догорающий сбитый им самолет и снижающегося парашютиста, к которому устремилось по голой каменистой степи несколько легковых машин. Благо их хватало: автомобили были даже у командиров звеньев.

«Ну вот, свершилось наконец то, к чему так долго шел — и первый бой, и первый сбитый, — думал Лев, планируя на аэродром. — Правда, все

произошло как-то не так, как следовало, как тысячи раз рисовалось в воображении. Эта проклятая двойная перезарядка! Перестраховщики придумали, а ты расплачивайся…»

Девотченко, Зубарева, Шестакова приветствовали все, кто был на аэродроме, прыгая, бросая в воздух головные уборы, что-то крича. Общий азарт охватил и гостей. Они тоже радостно махали приземлившимся летчикам, настраивали фотоаппаратуру…

Шестакова буквально вытащили из кабины, начали качать. Кто-то из журналистов успел щелкнуть затвором, запечатлеть этот момент, и потом снимок появился в одной из прогрессивных английских газет.

Англичанин в золотом пенсне долго выжидал, когда Шестакова оставят в покое. Ему страшно не терпелось задать какой-то вопрос. Это было написано у него на лице. Лев еще подумал: «Сейчас какую-нибудь каверзу подбросит».

И не ошибся.

— Мистер Честакофф, — улучив минуту, обратился тот, — вы дрались о-кей! Я вас поздравляю с победой. А теперь скажите, какое вознаграждение получите вы за сбитый самолет?

Шестаков чуть не присел от удивления. Он ожидал какого угодно вопроса, но не такого. Даже растерялся в первый миг. Но потом быстро нашелся:

— К сведению господина, мы сражаемся за республиканскую Испанию, а не за вознаграждение. Разве ваши летчики воюют здесь за деньги?

— Странный вы человек, мистер Честакофф. Наши, конечно, сражаются за деньги.

— Простите, — перебил его Лев, — и много они сбивают?

— Не оч-шень, — перестал улыбаться журналист.

— Нам сказали, что ваши летчики потихоньку уезжают отсюда…

— Да, да, верно. Здесь оч-шень жарко. И много не заработаешь.

— Жарко — это точно, — сказал Шестаков, — просто невыносимо. Только нашим людям это не мешает выполнять свой интернациональный долг. Хозе, — крикнул он тут же своему технику, чтобы закончить разговор, — угости-ка гостей апельсинами, они, наверное, как и мы, от жажды умирают.

Проворный Хозе тут же преподнес корзинку крупных сочных апельсинов и поррон с ключевой водой — кувшин с узким горлом.

Вот как мы его сбивали… Испания, 1937 г.

— Попить можно? — спросил американец. — Стакан есть?

— Тут стакан не требуется, — ответил Шестаков. Взял из рук Хозе поррон, поднял его на вытянутых руках, чуть наклонил, и живая, играющая на солнце струя полилась ему прямо в рот.

— О-кей! — воскликнул американец, щелкая затвором.

На аэродром доставили пленного пилота. Тощий, как хлыст, белобрысый немец. Прибыл с гитлеровским легионом «Кондор». Имеет награды. Глаза злые, ведет себя так, словно случившееся с ним — чистое недоразумение. Будто ничто для него не закон и не указ.

Девотченко не очень хотел заниматься с ним.

— Только проводили журналистов, теперь — пленный. Ну и денек! Решил было отправить его в штаб республиканцев, пусть там возятся с ним.

Но верх взяло простое человеческое любопытство: что за типы эти фашисты, чем живут, чем дышат?

С помощью переводчика состоялся следующий разговор.

— Ваше звание, имя, где родились?

— Лейтенант Курт Ренер, из Баварии, сын ремесленника…

— За что воюете в Испании?

— Защищаем интересы генерала Франко. Каудильо — друг фюрера.

— Какое же вы отношение имеете к интересам Франко?

— Каудильо — друг фюрера, — тупо, как раз и навсегда заученный урок, повторил немец. Потом он вдруг выпрямился, поднял голову: — Мы все равно вас победим. И всегда будем побеждать. Великая Германия покорит всех! — закончил он сорвавшимся голосом.

В разговор вмешался Шестаков:

— Вот ты кричишь о победе. Над кем?

— Над коммунистами!

— Запомни, фашист, не видать вам победы над коммунистами! Придет время — ничего от нас не останется на земле. Лучшее подтверждение тому — ты сам. Отлетался, больше не поднимешься!

Терпеливо выслушав переводчика, Курт Ренер прищурил злые глаза, уставился на Льва, словно стараясь хорошенько запомнить его, прошипел:

— Хорошо смеется последний. Я еще не отлетался. Мы еще встретимся, вы еще все услышите о Курте Ренере!

Нет, этому фашисту самоуверенности не занимать. Откуда такая спесь?

Допрос пленного дал хорошую пищу для размышлений. Шестаков никак не мог успокоиться: подумать только — сын ремесленника! Как же Гитлеру удалось оболванить свой народ? Где тут разгадка?..

Допрос пленного оказался не последним событием того памятного дня. После обеда на аэродром прилетел товарищ Мартин — советник комиссара республиканских ВВС Филипп Александрович Агальцов.

Он узнал о сбитом «дорнье» и поспешил к месту события, чтобы лично все посмотреть, разобраться в результатах первого в эскадрилье боевого вылета. Поговорил с Девотченко, Зубаревым, Шестаковым, подробно расспросил их о деталях вылета. Когда ему все стало ясно — собрал летчиков.

Это был очень поучительный разбор действий истребителей. Агальцов отметил решительность командира, высоко оценил организацию боя. Хорошо отозвался о Зубареве, похвалил Шестакова.

— Первый бой есть первый бой, — сказал он, — судить строго за него нельзя. Но выводы делать крайне необходимо. Первое, нужны тренировки и еще раз тренировки. Тогда не будете забывать о предохранителях и перезарядках. Второе, целесообразнее действовать парами. Подними Девотченко еще один истребитель — от него бы не ушел разведчик. Третье, в бою все забыли об осмотрительности. А если бы выше шли «мессершмитты»? Или «дорнье» просто оказался приманкой, а на аэродром обрушила бы удар группа бомбардировщиков? Осмотрительность — залог победы. Ты видишь — ты хозяин положения.

В общем, разложил Агальцов аккуратненько все по полочкам. Всем стали ясны промахи и просчеты, и это значило, что все чуть-чуть выросли

как воздушные бойцы.

— Есть ко мне вопросы? — спросил Филипп Александрович, заканчивая разбор.

— Есть! — ответил Шестаков.

— Пожалуйста.

— Разрешите проводить учебные бои без двойной постановки пулеметов на предохранитель. Ведь может случиться, что и во время тренировок произойдет встреча с врагом. От неожиданности забудешь об этих перезарядках — и поминай как звали.

— Нет, товарищ Шестаков, разрешить этого не могу. Без двойной перестраховки в учебных боях начнете сбивать друг друга. Тут же у вас кинопулеметов нет. Отрабатывайте свои действия так, чтобы и тройная перезарядка вас не смущала, — закончил Агальцов, вызвав дружный смех.

Улетая, он сказал, что в Валенсии состоится совещание летного состава, куда приглашены пять летчиков эскадрильи — Зубарев, Тахтаров, Доброницкий, Шестаков во главе с Девотченко. Отъезд завтра.

В общем, день сюрпризов.

Наступали сумерки, а жара не спадала. Приняв горячий душ, после которого раскаленный испанский воздух кажется прохладным, участники предстоящего совещания пораньше улеглись спать, чтобы с рассветом отправиться в путь.

На совещании были представители всех семи эскадрилий добровольцев. Прибыли и Гусев, Смоляков. Друзья страшно обрадовались друг другу, стали обмениваться новостями. У гусевцев больший боевой опыт — им часто приходилось вступать в ожесточенные воздушные бои, на их счету уже несколько сбитых самолетов.

Гусев рассказал, как его «купили» три бомбардировщика «ромео». Он атаковал одного за другим с близких дистанций, они все посрывались в штопор. Казалось, конец им. Ан нет. Позже выяснилось, что упал лишь один самолет, а два безнаказанно ушли благодаря своей хитрости.

Когда Девотченко сказал, что у него был такой же точно случай — Гусев сначала не поверил:

— Брось разыгрывать. Не могло быть точно такого. Да и ты не тот, чтоб тебя вокруг пальца обвести.

— Да, правда все, вот Тахтаров, Зубарев могут подтвердить. А Шестаков молодец — открыл боевой счет.

— Да ну? Лева, дорогой, я знал, что ты скоро отличишься. Ну поздравляю, молодец! Может, перейдешь к нам? Мы ведь на фронте.

— Спасибо, скоро все будем на фронте.

На совещании шла речь о подготовке наступательной Арагонской операции, цель которой — захватить Сарагосу, оттянуть на себя часть франкистских войск, действующих в направлении Сантандера. Главная задача истребителей сводилась к прикрытию других родов авиации. Требовалось до мельчайших подробностей обсудить все вопросы взаимодействия, которые в те времена, когда на самолетах не было радио, приобретали исключительно важное значение.

Наступление развивалось трудно. Противник упорно цеплялся за свои позиции. С каждым днем нарастала ожесточенность боев. На земле и в воздухе. Летчики не знали ни минуты отдыха. Взлет за взлетом, и все туда, к переднему краю, который напрягся стальной струной, чтобы вот-вот лопнуть, принеся одним поражение, другим — победу.

Девотченко, Зубарев, Шестаков, Матвеев, Ларионов и другие уставали до такой степени, что совершенно теряли аппетит. Изнуряли колоссальная нагрузка и нестерпимая жара. Приходили немного в чувство лишь на высоте, где попрохладнее. А питались больше всего мандаринами и апельсинами, которых в изобилии было прямо на аэродромах, часто сменяемых в последнее время.

— Долго ждали настоящего дела и дождались — дальше некуда, — резюмировал Андрей Грибов.

— Радоваться надо, а не раскисать, — ответил ему Девотченко.

— Да чему уж тут радоваться…

С Грибовым чем дальше — тем хуже. Он стал вдруг возвращаться домой с полпути, оставляя товарищей. То шасси у него «не убираются», то мотор «барахлит».

Девотченко приказал ему летать в паре с Шестаковым. Лев поговорил с Андреем, ободрил его, посоветовал неотступно держаться за ним, и они в составе эскадрильи отправились в район боевых действий. А там в небе — «каша». Гусевцы ведут неравную борьбу с превосходящими силами противника. Положение их — не позавидуешь. Им ничего не остается, как ожесточенно отбиваться.

То, что произошло дальше, подробно описано в упоминавшейся уже нами книге Александра Гусева.

> «Мы дрались с «фиатами» уже на пределе возможного. И в этот тяжелейший момент к нам на подмогу подоспели эскадрилья Ивана Девотченко и два звена из группы Анатолия Серова. Их атака была внезапной, ошеломляющей…

> Вдруг замечаю: вдали от меня один из самолетов моей эскадрильи атакуют три «фиата». Летчик оторвался от основной борющейся группы и мог стать легкой добычей врага. Выручить друга я уже не успевал. На помощь ему поспешил пилот из эскадрильи Ивана Девотченко. Как потом я узнал, это был Лева Шестаков. Видя, что один из «фиатов» изготовился вот-вот открыть огонь по машине товарища, Лева ринулся вперед и подставил свой самолет под очередь вражеского пулемета. Лишь по счастливой случайности Шестакова не ранило. Но машина его получила добрый десяток пробоин. Две пули ударили в бронеспинку, а одна прошила кожаные брюки, которыми теперь гордился Лева».

В этом бою Шестаков сбил еще один самолет противника. В этом бою он спас от верной гибели своего побратима по испанскому небу. Но его самого оставил без прикрытия, ушел в сторону ведомый Андрей Грибов…

Вон сколько событий за каких-нибудь пять минут!

В воздушном бою всегда так. Ведь дерутся не машины, а люди, управляющие ими, со всеми свойственными им сильными и слабыми качествами. Воздушный бой — это прежде всего борьба характеров.

…Пока Хозе заделывал дыры на истребителе, Лев латал кожаные брюки и решал нелегкую задачу: как быть ему с Грибовым? Рассказать все как есть — надолго, а то и навсегда приклеить к нему ярлык труса. Кто станет после этого с ним летать? Промолчать — ему же самому медвежью услугу сделать. Как просто такие вопросы решались в детстве! Трусу в глаза говорили, кто он есть, и после этого больше не знались с ним. Тут несколько иное дело. Уже не дети. Ответственные задачи решают. Да еще вдали от Родины. При воспоминании о Родине у Льва тоскливо защемило сердце. Как живут там отец, мать в Авдеевке, как там дела у Тимофея Студенникова и Миши Ничика в Днепропетровске, все ли благополучно у Олимпиады в Киеве? Как бы хотелось получить от них хоть маленькие весточки…

Да, но как же быть с Грибовым? Он должен летать, сражаться, иначе ему тут, в Испании, делать нечего. Домой он сейчас не сможет вернуться, значит, просто пропадет парень. А была бы возможность уехать отсюда — с какими глазами он появится перед родителями, любимой девушкой? Нет, такое представить невозможно. Надо как-то спасать Андрея.

Прибежал посыльный-испанец:

— Компаньере, зовет командир.

Девотченко, глядя в землю, спросил без обиняков, зло:

— Что, опять Грибов ушел из боя?

«Вот тут сейчас и решится судьба человека», — подумал Шестаков…

— Нет, товарищ командир, он не ушел, я приказал ему стать в стороне и, если увидит, что кому-то туго — прийти на помощь.

Девотченко удивленно поднял глаза на Шестакова.

— Ты что, труса решил защитить?

— Нет, то, что я говорю — правда.

По всему было видно: не поверил командир ни единому шестаковскому слову, но он понял его. Понял, что другого выхода нет. Разбирать действия Грибова в эскадрилье — значит, дать возможность друзьям-испанцам усомниться в надежности русских ребят. Наказать? А какое взыскание может быть подходящим для такого случая? Тут ведь в пору заняться этим военному трибуналу.

— Ладно, иди, Шестаков, воспитывай. Может, что и получится…

Разговор с Андреем не принес Льву облегчения. Не видно было, чтоб Грибов переживал. Мало того, он как-то легкомысленно сознавался в том, что побаивается. И это вроде бы не терзало его, не мучило. Всем своим обликом он говорил: «Вот я такой есть и ничего не могу с собой поделать».

Но когда Шестаков сказал, что при первой же возможности его отправят в Советский Союз с соответствующей характеристикой — Грибов вдруг заволновался, заговорил скороговоркой:

— Лев, не отказывайся от меня. Я возьму себя в руки, оправдаю твое доверие.

— Оправдывать нужно не мое доверие, а доверие Родины. Будешь думать об этом — пересилишь себя. Главное — преодолеть в себе страх один раз, а потом все пойдет как по маслу.

К вечеру, когда уже все полеты были прекращены, в штабе эскадрильи раздался телефонный звонок. Гусев просил к трубке Девотченко.

— Скажи-ка, Ваня, кто из твоих орлов сегодня так отличился, подставил себя под огонь?

— Это сделал Шестаков.

— Шестаков?! Надо же! Ты знаешь, кого он спас?

— Откуда же мне знать, разве в той кутерьме можно было что-то разобрать?

— Лев спас своего друга Платона Смолякова.

— Не может быть!

— Все быть может, зови Шестакова к телефону, мы с Платоном поблагодарим его.

Лев, услышав в трубке голос Платона, немало удивился: связь была затрудненной, пробивались друг к другу только в самых экстренных случаях. Что же могло случиться?

— Левушка, дружище, спасибо тебе огромное от меня лично, от всей эскадрильи, от Александра Ивановича.

— За что, Платон?

— Да ты же сегодня прикрыл меня, мои пули на себя принял…

— Неужели это был ты, Платоша?

— Понимаешь, попал в такой переплет, что и не думал из него живым вырваться. Я у тебя теперь в долгу, Лева. Не волнуйся, за мной не пропадет. Спасибо, друг.

Шестаков не успел ничего ответить — связь прервалась. Девотченко положил ему ладонь на плечо:

— Ну, вот, Лев, теперь ваша дружба с Платоном скреплена огнем. Это — на всю жизнь!

Командир тут же распорядился собрать всю эскадрилью. Он решил, что лучшего повода для разговора о боевом товариществе, дружбе и взаимовыручке и желать не надо. На примере Шестакова он раскрыл смысл крылатого выражения — «сам погибай, а товарища выручай».

В беседе хотел было вспомнить об Андрее Грибове, да сдержался, подумав, что, возможно, Шестаков прав: летчик молодой. Пройдет время — исправится.

Арагонская операция развивалась более-менее успешно. Республиканские войска заняли город Бельчите. Некоторое время на фронте стояло затишье. Эскадрильи успели привести в порядок изрядно потрепанную материальную часть, летчики — отдохнуть. Шестаков даже умудрился организовать небольшой концерт художественной самодеятельности. Расспросил у комсомольцев, кто, в каких кружках занимался в школьные годы, нашел среди них чтецов, певцов, танцоров, акробатов, провел с ними две-три репетиции и — готово. Сам он играл на гитаре. Концерт всем пришелся по душе. О нем узнал Птухин, распорядился, чтобы самодеятельные артисты побывали во всех эскадрильях. Первыми их ждали гусевцы. Но тут затеяли «концерт» франкисты, да такой, что пришлось на время забыть все свои номера. Фашисты, собравшись с силами, несколькими дивизиями нанесли контрудар. Враг пустил в ход всю имевшуюся в наличии артиллерию и авиацию. Завязались ожесточенные, кровопролитные бои. Некоторые населенные пункты вокруг Бельчите по нескольку раз переходили из рук в руки.

Летчикам-добровольцам был дан приказ: любой ценой не допустить массированных ударов вражеских бомбардировщиков по республиканским войскам.

Любой ценой…

Никому не требовалось разъяснять, что это значило. Разве только Андрею Грибову? Лучше бы в эту пору отсидеться ему на земле. А может быть, именно в такой обстановке он обретет себя?

Лев выяснил, что он сирота, кроме бабушки в каком-то селе Курской области, у него никого нет. Отец погиб в гражданскую войну. Мать умерла от тифа. Все это в корне меняло дело. Шестакову совсем стало жалко парня. Он не мог понять: как случилось, что Андрей, выросший в неимоверно тяжелых условиях, столь слаб духом? Видимо, не все трудности закаливают человека, бывают и такие, что ломают его. Здесь, наверное, как раз такой случай. И надо Грибову во что бы то ни стало помочь переломить свой характер.

Грибов думал об этом же. И никак не мог объяснить себе, почему при встрече с врагом он лишается уверенности в себе. Прав, пожалуй, Шестаков, надо пересилить свой страх. Только как это сделать?

Пять вылетов за день сделали Шестаков с Грибовым. Андрей держался, как привязанный, но активности особой не проявлял. «Для начала хорошо и то, что хоть хвост мой прикрывает, — думал Шестаков. — Авось осмелеет, самому захочется в драку ввязаться».

Именно к этому все и шло. От вылета к вылету у Андрея все больше нарастало желание включиться в бой, проявить себя. И на шестом вылете такая возможность ему представилась.

В небе было черно от «хейнкелей», «юнкерсов», «фиатов», «мессершмиттов». Навстречу им поднялись все семь эскадрилий. И вот стальные птицы сошлись, смешались, образовав смертельную круговерть.

Шестаков поджег одного за другим двух «хейнкелей». Высыпав бомбы на свои же войска, вражеские самолеты пытались спасаться бегством, но тут же взрывались. Лев переключился на следующие цели, не замечая, что над ним повисли два «мессершмитта». При виде их у Андрея вспотели ладони, но он не поддался панике, чуть довернул и, не целясь, полоснул очередью по фашистским коршунам. Те отвернули в сторону, но тут же снова начали заходить в атаку. Андрей длинными очередями преграждал им путь. Лев тем временем делает свое — тщательно прицеливается по «юнкерсу».

«Мессершмитты» стремятся упредить его удар. Но им вновь мешает ведомый, трудно проскочить через его трассы.

Но вот пулеметы Грибова замолкли — кончились патроны. Ну, Андрей, как же ты теперь помешаешь сразить твоего ведущего?! Враги уже настигают Шестакова, увлеченного схваткой, не чувствующего нависшей над ним опасности…

Что произошло дальше — рассказал потом Девотченко. Он издали увидел, что Льва могут вот-вот сразить, а Андрей чего-то мешкает. Бросился

ему на выручку да только понимал: поздно, не успеет. И вдруг видит, как Грибов, словно пришпорив своего «ястребка», рванулся к «мессершмиттам» и на полной скорости врезался в одного из них. Произошел взрыв, обломки двух самолетов полетели на захваченную врагом территорию. Шестаков вернулся на аэродром без ведомого.

В последнем бою эскадрильей было сбито четыре фашистских самолета. Четвертый — ценой жизни комсомольца Грибова. Летчики говорили о нем как о герое, и таким он остался у всех в памяти. И это было по-воински честно, справедливо.

Что же касается Льва, то он множество раз возвращался мыслями к Андрею, мучительно раздумывал о его несложившейся летной судьбе, больно корил себя за то, что не сумел уберечь товарища от гибели.

«Увлекаясь боем, нельзя забывать о ведомых», — такой вывод сделал для себя Шестаков.

Дорого стоит этот простой, немудреный вывод. Но война есть война. Ее школа особая — жестокая, беспощадная…

Франкистам не удалось достичь своих целей. Измотанные в упорных сражениях, они отошли на прежние позиции. К середине сентября боевые действия совершенно прекратились.

Появилась возможность подвести некоторые итоги. Подсчеты показали: летчики эскадрильи произвели 45 боевых вылетов, 28 воздушных боев, сбили 16 самолетов. В последней операции Иван Девотченко сразил трех фашистов, Лев Шестаков увеличил свой счет до четырех уничтоженных вражеских машин.

Итак, франкистам «концерт» не удался.

Зато наши летчики смогли вернуться к своим концертным делам. Несколько репетиций — и вся группа художественной самодеятельности во главе с командиром отправилась в гости к гусевцам.

Александр Иванович восторженно встретил своих боевых друзей. Теперь, когда наступила передышка в боях, можно было вдоволь наговориться, рассмотреть друг друга.

Гусев отметил про себя, что Девотченко вроде несколько постарел. Такое впечатление производили сгустившаяся сеть морщинок вокруг глаз и появившаяся сутуловатость его фигуры. Впрочем, удивляться тут нечему: Гусев по себе знал, как нелегка командирская доля здесь, в Испании.

Произошли перемены и во внешнем облике Шестакова. Вроде бы у него по-прежнему озорно сверкают глаза, не сходит с уст улыбка, но печать суровости, возмужалости легкой, почти неуловимой тенью уже коснулась

его лица. На лбу пролегла первая складка. В голосе прорываются строгие, жесткие нотки. В разговорах более сдержан, в суждениях — тверже, жесты — увереннее.

«Растет хороший командир», — с удовлетворением отметил про себя Гусев.

А Шестаков тем временем с присущей ему увлеченностью занялся хлопотами по организации концерта.

Очень нужна была такого рода душевная, эмоциональная разрядка. Она освежила чувства, придала всем сил и бодрости перед новыми суровыми испытаниями.

А эти новые испытания были не за горами.

Республиканцы начали борьбу за освобождение Сарагосы. Преодолевая упорнейшее сопротивление врага, они в условиях неблагоприятной горной местности вначале успешно продвигались вперед и даже прорвались на внешний обвод укреплений города.

Франкисты бросили на наступающих армады бомбардировщиков. Встать на их пути, обеспечить надежное прикрытие наземных войск — такая задача была поставлена перед истребителями-добровольцами.

Первая встреча с врагом в небе на подступах к Сарагосе произошла так. Поднятые по сигналу с командного пункта эскадрильи Гусева и Девотченко пришли в указанный им район, и летчики были удивлены, впервые увидев в воздухе такое огромное количество вражеских бомбардировщиков. Их даже трудно было подсчитать.

Эскадрильи решительно пошли на перехват. Вот тяжело груженные бомбардировщики уже совсем рядом. Еще немного — и можно будет атаковать.

Но не тут-то было. Откуда-то сверху на наших «москас» навалилась целая свора «мессершмиттов». Первый их удар пришелся по эскадрилье Девотченко. Он вынужден был отказаться от атаки бомбардировщиков и выйти лоб в лоб на «мессеров», связать боем прикрытие.

Вот тут-то и показали себя орлы Гусева. Атаковав «бомберов», они сбили две тяжелые машины, обратив в бегство остальных, среди которых немало оказалось поврежденных.

Налет был сорван. Успех обеспечила эскадрилья Девотченко, связавшая боем «мессеров». Правда, ее летчикам пришлось туго. Сам командир еле «доковылял» на своем И-16 домой — оказался поврежденным мотор. Три пробоины получил самолет Шестакова, пострадали и другие машины.

Прежде чем продолжить бои, решили хорошенько разобрать этот вылет, продумать тактику своих действий.

Всем очень понравилось то, как использовал сложившуюся в бою ситуацию Гусев.

Особенно восторгался этим Шестаков, высоко ценивший любое проявление активной мысли, творческой инициативы. Вот и на этот раз, анализируя последний воздушный бой, он неожиданно для самого себя подумал о том, что будь выше «мессеров», к примеру, пара истребителей, — выполнение задания намного облегчилось бы. Лев тут же принялся рисовать прутиком на земле «свою» схему воздушной схватки. Мимо проходил Девотченко. Остановился рядом, присмотрелся к тому, что изобразил Шестаков, наклонился, подобрал небольшую палочку, дорисовал ею еще пару истребителей над «мессерами».

— Молодчина, Лев, — сказал удовлетворенно. — Я тоже думал над этим. Наши мысли совпадают.

— Имея на высоте «чистильщиков», мы развяжем себе руки, — ответил Шестаков.

— Как ты сказал, «чистильщиков»? Звучит неплохо. Сейчас позвоню Гусеву, обмозгуем с ним этот вариант.

Гусев сразу взял трубку, как будто специально сидел у телефона, ожидая звонка.

Бывают в жизни удивительные совпадения. Так случилось и сейчас: оказалось, что Гусев со Смоляковым тоже обдумывали, как навязать немцам бой, обрушиваясь на них с высоты.

— Так ты говоришь, Лев назвал эти пары «чистильщиками»? Более точного слова, пожалуй, тут и не подберешь. Ну что ж, давай испробуем тактику «чистильщиков». Приживется — приоритет открытия за Шестаковым. А как с ночными полетами? Теребит тебя?

— Беспрестанно. Нужное это дело. Да только когда учиться, если днем выбиваемся из сил так, что еле до постелей добираемся…

— Да, у нас такое же положение, но нужно что-то придумать. Молодежь хочет сражаться и ночью. Как можно не поддержать ее? Ладно, это потом. А пока назавтра давай выделим с тобой по паре «чистильщиков», растолкуем им, что к чему…

Новая тактика полностью оправдала себя. Немецкие истребители терпеть не могли кого-нибудь выше себя и потому, подвергшись нападению, терялись, спасаясь бегством. И тогда «чатос» и «москас» легко расправлялись с армадами тяжелых, неуклюжих бомбардировщиков. Так длилось с неделю. А затем немцы раскусили тактику «чистильщиков» и сами прибегли к ней. И тут не на жизнь, а на смерть началась борьба за высоту.

20-ю годовщину Октябрьской революции летчики-добровольцы встречали вместе с бойцами-республиканцами. Родина не забывала о своих славных сыновьях — все они получили праздничные посылки от Советского правительства и письма от родных, близких, друзей.

Первые письма на опаленной огнем испанской земле. Только находясь там, можно было узнать истинную цену каждой строчки этих простых для обычной ситуации весточек.

Льву вручили три конверта: от друга Тимофея Студенникова, матери и Олимпиады.

Тимофей по-прежнему крутится в студенческой буче. Дома все живы и здоровы, ждут не дождутся своего Левушку. А сколько душевной теплоты в письме дорогой девушки! Видно по всему — волнуется, любит, ждет.

Все три письма — словно бальзам на сердце. Тыл надежно обеспечен, там все спокойно, значит, можно и дальше уверенно продолжать свое нелегкое бойцовское дело.

Как хотелось ему подробно написать о себе, своей жизни, о воздушных сражениях. О том, что на его счету уже пять лично сбитых вражеских самолетов, что и сам получил он в жестоких боях до пятидесяти пробоин на своей машине. Но все это — для рассказов потом, по возвращении на Родину. А сейчас — первый тост за революцию, без которой не было бы ни Советского Союза, ни республиканской Испании, ни летчика-добровольца Льва Шестакова. Второй — за тех, кто ждет, за верность сердец.

После боя. Слева — Л. Л. Шестаков. Испания, 1938 г.

Лев приобщил свою праздничную посылку к общему столу, включился в уже начавшееся пиршество. Письма лежали в нагрудном кармане рубашки, согревали сердце теплом далекой Родины.

…С рассветом 15 декабря началась новая, Теруэльская операция. Началась внезапно, развивалась молниеносно, сея растерянность и панику среди франкистов.

Но успех оказался временным. Мятежники опомнились, организовались, стали упорно сопротивляться, а то и предпринимать решительные контратаки.

В этой обстановке особая роль отводилась авиации. От нее требовалось не только держать чистым небо, но и наносить штурмовые удары по наземным войскам.

В новых боях Лев Шестаков участвовал уже командиром звена. Его друг Платон Смоляков — командиром эскадрильи, которую принял у Гусева, возглавившего группу И-16 в составе всех семи эскадрилий добровольцев.

Однако ситуация в воздухе складывалась не в пользу республиканцев. Враг имел более 250 новейших самолетов, доставленных из Германии, Италии. Эскадрильи добровольцев Платона Смолякова, Ивана Девотченко, Григория Плещенко, Бориса Смирнова, Фернандо Клаудино, Мигеля

Сарауса, работавшие на И-16, и группа И-15, возглавляемая Евгением Степановым, едва насчитывали около двухсот изрядно изношенных, как правило, изрешеченных пулями машин. Их самолетный парк, да и личный состав могли давно обновиться, но Франция, связанная обязательствами перед пресловутым Комитетом невмешательства, ничего не пропускала через свою территорию.

В общем, надеяться и полагаться можно было только на самих себя. Помощи ждать неоткуда.

Как вспоминает сейчас Александр Гусев, уже через неделю после начала Теруэльской операции четко обозначилось явное превосходство мятежников в воздухе. Это особенно остро почувствовали все 22 декабря. Тогда на задание вышли тремя эскадрильями И-16 — Смолякова, Девотченко, Клаудино и одной И-15 — Сосюкалова.

Над линией фронта встретили около сотни вражеских самолетов. Сразу же завязалось настоящее воздушное сражение, постепенно расчленившееся на отдельные очаги. Враг был чрезвычайно упорен — таким его еще не знали. Как выяснилось позже, авиация мятежников пополнилась свежими силами — инструкторами высшей школы и стрельбы ВВС итальянской армии.

Около тридцати минут вертелась в небе смертельная карусель, в которой нашли себе гибель семь фашистских летчиков. Не смогли вырваться из нее и пятеро добровольцев. Еле-еле добрались домой на подбитых машинах Девотченко и Шестаков. Оба сбили по одному самолету, но почти чудом остались живы сами. Девотченко руководил боем эскадрильи. А Лев со своим звеном выполнял роль «чистильщиков». Ох, и трудным оказалось это дело! Ведь схватки проходили на больших высотах. Резко ощущалось кислородное голодание, оно приводило к чрезмерно быстрой утомляемости, а то и потере сознания. Кроме того, ухудшалась приемистость двигателя, что осложняло пилотаж.

Да, враг становится другим — наглым, самоуверенным. Хоть в этом бою он потерял и больше самолетов, чем республиканцы, но досталась эта победа ценой гораздо больших усилий, чем раньше.

Особенно активизировалась франкистская авиация ночью. Только уснешь — бомбы сыплются на головы.

Шестаков не выдержал, обратился к командиру.

— Разрешите моему звену потренироваться ночью. Попробуем, что из этого выйдет. Хоть попугаем фашистов — не могут же они все время безнаказанно бомбить нас по ночам.

Ночные полеты — дело для наших летчиков новое, не совсем обычное. Девотченко решил посоветоваться с Птухиным. Тот поддержал инициативу

Шестакова:

— Попытайтесь. Только будьте очень осторожны — не погубите людей.

Ночной старт обозначили горящими плашками. Возле каждой поставили солдата-испанца, чтобы по первому сигналу тушили их.

Перед первым взлетом было много волнений, но все обошлось как нельзя лучше.

— Ничего особенного, — сказал, вылезая из кабины Шестаков. — Летишь, как в облачности, по приборам, на посадку заходишь по огням…

Он сказал так не без умысла. Надо было вселить во всех уверенность, что овладеть ночными полетами не так уж сложно. А на самом-то деле — это трудно. Лев лично убедился в этом. В темноте все не так: и ориентировка, и осмотрительность, и пилотаж, и поиск цели. Да и психологически нужно перестраиваться. Но обо всем этом Лев поведет речь чуть позже, когда летчики его звена совершат по два-три ночных вылета.

И вот наступил день, когда все эскадрильи ушли на задание, а Шестаков со своими орлами остался на земле — отдыхать перед ночным боевым дежурством.

А потом пришел вечер. Землю окутала густая темнота, и под ее прикрытием в районы дислокации республиканских войск потянулись вражеские бомбардировщики.

Только на этот раз они были ошеломлены дерзкими атаками «москас», появившихся в небе неизвестно как и откуда. Огненные трассы впервые в этом районе располосовали черно-бархатное испанское небо, вызывая восхищение местных жителей и их вооруженных защитников.

Переполошившиеся экипажи бомбардировщиков срочно повернули обратно, так и не донеся свой разрушительный груз до цели.

На следующее утро франкистская радиостанция сообщала о появлении на Теруэльском фронте эскадрилий ночных истребителей республиканских ВВС. Трудно сказать, почему эта информация попала в эфир. Возможно, Франко не совсем доверял своим благодетелям из Комитета невмешательства или намеревался потребовать от них больших гарантий? Ведь до сих пор не было ночных истребителей, а тут вдруг появились. Откуда? Кто-то же позволил переправить их через свою территорию?

Еще несколько дней дежурило звено Шестакова. Противник предпринял еще два ночных налета, а потом отказался от них ввиду их полной бесполезности: экипажи бомбардировщиков, атакуемые истребителями, не выполняли возлагаемых на них задач.

— Сила ломит силу, — сказал по этому поводу Шестаков, похлопывая по фюзеляжу своего обтрепанного, насквозь продырявленного И-16.

— Смотри, Лев, а то твой «ишачок» от смущения сквозь землю провалится, — произнес в ответ Доброницкий. — Он же вот-вот рассыплется на части, и никто его собрать не сможет.

— Не спеши с выводами, Костя. Мы еще с ним покажем фашистам — где раки зимуют!

— Ну, давай, давай, только на всякий случай парашют хорошо проверяй…

Эскадрилья Девотченко отправилась на штурмовку железнодорожной станции, на которой высаживались неприятельские войска. Ее действия прикрывала эскадрилья Сарауса.

Как раз в разгар штурмового удара в небе появились «фиаты», «мессеры». Они разделились: одна половина связала боем Сарауса, другая — навалилась на Девотченко.

Положение складывалось критическое. Но, к счастью, поблизости оказался Александр Гусев со своими орлами. Их появление дезорганизовало, привело в смятение немцев и итальянцев, этим воспользовался Девотченко, вывел эскадрилью на высоту, имея теперь тактическое преимущество.

Каждый из летчиков наметил себе цель, и все дружно ринулись вниз. Выбрал для себя Ме-109 и Шестаков. Чем ближе подходил к нему, тем явственней различал нарисованную на борту змею.

«Со змеями еще встречаться не приходилось, — подумал Лев, — посмотрим, что ты из себя представляешь…»

Пилот «мессера», увидев преследователя, резко пошел на боевой разворот. То же самое незамедлительно проделал Шестаков и тут же услыхал за спиной какой-то треск. Неужели по нему бьют? Оглянулся — никого нет. Тем временем «мессер» закончил разворот, очутился в верхней его точке. Что делать дальше? Уходить переворотом через крыло — это значило терять высоту, на что он не пойдет. Немец положил «мессера» в глубокий вираж, Шестаков за ним. И опять услышал треск за спиной. Что за чертовщина?! Надо кончать эту круговерть, а то как бы чего не случилось. Поддав газу, поставив машину почти на крыло, Лев настиг «мессера» и всадил ему в хвост длинную пулеметную очередь. Вниз тут же полетели куски обшивки. «Ага, линяешь, змея!» — торжествовал Шестаков. На его глазах «мессер» клюнул носом, заштопорил к земле. Помня о немецкой хитрости, Лев проследил за ним до самого взрыва.

Теперь можно искать новую цель. Вот она — «фиат». Только стал разворачиваться — за спиной снова что-то треснуло, и самолет тут же вышел из повиновения. Этого только не хватало! Лев подергал ручкой влево-вправо — элероны бездействуют. Порвались тросы или отлетели сами

элероны? «Вот тебе и «на всякий случай парашют хорошо проверяй». Эх, Костя, и кто тебя за язык тянул!..»

Только как же прыгать — внизу вражеская территория! Нет, этот номер не пройдет. Попробовал рули высоты, поворота — действуют. Что ж, обойдемся как-нибудь без элеронов.

И Лев с трудом «поковылял» домой. Когда самолет «зарывался» в крен, выводил его рулем поворота. Конечно, об изяществе пилотирования здесь говорить не приходилось. Да и посадку на поврежденном самолете в конечном итоге произвел с серией «козлов».

Такого с ним никогда не бывало. Вот почему Девотченко, находившийся на старте, сразу распорядился:

— Шестаков ранен! — Быстро к нему машину «скорой помощи»!

Никакой помощи, конечно, не потребовалось. Улыбающийся Лев взглядом нашел в гурьбе прибежавших летчиков Костю Доброницкого, весело крикнул ему:

— А вот обошлось и без парашюта. Назло тебе!

Что значило это «обошлось и без парашюта» — все поняли, осмотрев самолет. Он был почти без обшивки, беспомощно болтались элероны: старик-«ишачок» не выдержал чрезмерных перегрузок.

— Ну, что будешь теперь делать? — спросил Девотченко. — Ведь ни одной запасной машины нет.

— Отремонтируем, — с готовностью отозвался техник Хозе, — будет летать как новый!

— Ну, что ж, приступайте.

Два дня Шестаков, Хозе, помогавшие им механики приводили машину, как говорил все тот же Костя, в «чувство». Под конец Шестаков раздобыл где-то небольшую кисточку, баночку краски и собственноручно нарисовал на борту истребителя золотистого сокола.

Птица получилась у него что надо — стремительная, красивая. Ба! Оказывается, Лев еще и художник! Но зачем он это сделал?

— У них змея, а у нас — сокол. Пусть знают, с кем имеют дело! — пояснил Шестаков товарищам.

Идея всем понравилась, но больше никто не умел рисовать, а у Шестакова своих дел по горло…

В конце Теруэльской операции произошли некоторые события, прямым образом коснувшиеся Шестакова.

В госпитале оказался Александр Гусев. Его ранило в воздушном бою, в полубессознательном состоянии он привел машину на аэродром, посадил ее, не помня себя. Очнулся уже на госпитальной койке. Командование группой

истребителей И-16 было возложено на Ивана Девотченко. Шестаков, как командир первого звена, стал заместителем нового комэска — Ларионова.

Суровые боевые будни… Враг напирал. Республиканцам все труднее было сдерживать его натиск. Туговато приходилось и нашим летчикам. Однако никто не вешал носа. Как всегда, помогала ребятам бодрость духа неутомимого Шестакова. Пройдет, бывало, перед строем усталых, осунувшихся летчиков, окинет всех искрящимся взглядом, скажет весело:

— Братцы, больше жизни, больше мужества. Родина не забудет лучших своих сыновей! — и смотришь, все заулыбались, оттаяли сердцем и душой, уже совсем по-другому воспринимают новую боевую задачу.

А Родина между тем действительно не забывала о своих сыновьях, сражающихся за правое дело на Пиренейском полуострове. В один из дней пришла весть о награждении многих летчиков орденами Красного Знамени. Среди них были Гусев, Девотченко, Доброницкий, Шестаков и другие.

Лев тут же заторопился в госпиталь. Радостную весть нужно было немедленно сообщить Косте, недавно подбитому в жестоком бою, Александру Ивановичу — она будет для них самым лучшим лекарством.

Отправился в Валенсию на легковой машине. Пока хлопцы возле госпиталя отряхивались от пыли, затягивались сигаретами, некурящий Шестаков буквально ворвался в палату, засыпал Гусева и Доброницкого цветами, апельсинами, шоколадом, а потом после взаимных объятий, встав по стойке «смирно», торжественно произнес:

— Поздравляю вас, Александр Иванович, и тебя, Костя, с высокой правительственной наградой — орденами Красного Знамени!

Он первым привез им радостную весть. Это было видно по их вытянувшимся от удивления, посвежевшим в госпитале лицам.

— Неужели это правда? — непроизвольно вырвалось у Кости.

— Чистейшая… Вот и хлопцы подтвердят, — показал на ввалившуюся в палату с огромными букетами в руках компанию. — Да разве с такими вещами шутят?

— Ну, спасибо, Лев, за хорошее известие. А тебя наградили?

— Конечно, и меня, и многих других.

— Тебя с особым удовольствием поздравляю, Лев. Ты это особенно заслужил, молодчина!

— Спасибо, Александр Иванович. Всем, что мною сделано, я обязан Девотченко и вам. У вас обоих учился.

— Хорошо, что ты так думаешь, мне приятно это слышать, — поблагодарил Гусев. — Только знай, Лева, ты и сам не лыком шит.

— Конечно, не лыком, — с лукавинкой в голосе отозвался Лев, — на донецком угле замешан, авиационным бензином пропитан, испанскими

мандаринами вскормлен — и тут же в подтверждение своего «тезиса», под дружный смех летчиков, крепкими зубами впился в сочный, золотистый плод…

Вскоре после этого посещения Александр Гусев вышел из госпиталя, позвонил в штаб ВВС, оттуда сказали, чтобы он прибыл на прием к генералу Сиснеросу.

Что случилось? Сиснерос приглашал к себе Гусева редко, когда в том действительно была острая необходимость.

Все стало ясно с первой минуты разговора.

— Принимайте командование группой И-16. Девотченко не оправдал надежд, — сказал генерал без обиняков и как будто обухом ударил Гусева по голове. «Девотченко не оправдал надежд? Да быть такого не может!» Но не станешь же спорить с командующим ВВС республики, не будешь и расспрашивать у него, что случилось. Дан приказ, его нужно выполнять.

Уже среди своих летчиков Александр Иванович узнал, что произошло с Девотченко. Тремя эскадрильями он должен был прикрывать скоростные бомбардировщики СБ, имевшие крайне ответственную задачу: нанести удар по скоплению танков противника на подступах к Теруэлю.

Уже подходили к цели, когда Девотченко увидел вражеские бомбардировщики, следовавшие к городу. Не выдержало сердце бойца, двумя эскадрильями он набросился на них, разогнал, заставил повернуть обратно, двух сбил. Но в это же время и на наших СБ навалились «мессершмитты». Оставшаяся эскадрилья прикрытия, возглавляемая Платоном Смоляковым, отбивалась изо всех сил, но фашистов-то раз в пять было больше.

В конце концов СБ сделали свое дело, правда, два из них не вернулись, экипаж третьего спасся на парашютах. Все истребители Смолякова получили повреждения, да и он сам еле дотянул до аэродрома.

Вот к чему привела совершенно несвойственная Девотченко горячность. Откуда она у него взялась? Нервы сдают? Что ж, и это вполне возможно. Но все равно, такое не прощается. Девотченко вернулся в свою эскадрилью. Случившееся с ним осмысливалось каждым на свой лад. Одни считали, что с командиром поступили несправедливо. Другие высказывались в том духе, что все правильно, но можно было обойтись помягче. Шестаков, высоко ценивший Девотченко, вообще не знал, что и думать по этому поводу.

Все проходили боевую школу, все здесь случалось впервые, и, конечно, каждый раз нужно было извлекать единственно правильные уроки, которые пригодились бы всем в будущем.

Девотченко понял это, собрал эскадрилью, по косточкам разобрал тот злополучный полет, подчеркнул: приказ — закон, никакие отступления от него недопустимы.

Приказ — закон… Шестаков впервые по-настоящему почувствовал, как слова эти наполнились для него осязаемой плотью. До сих пор он, хоть и следовал их железной логике, не особенно задумывался над ними. Раз так говорят — значит, так нужно… Сейчас понял: весь смысл службы, поражения и победы, жизнь и смерть заключены в этих двух, коротких, как выстрел, словах.

В жестоких испытаниях на испанской земле Лев Шестаков проходил свою академию войны.

…Не в силах противостоять превосходящим силам врага, истекая кровью, теряя лучших своих бойцов, республиканцы вынуждены были сдавать позицию за позицией. В ночь на 23 февраля они оставили Теруэль. Так трагично завершилась продолжавшаяся около двух месяцев операция.

За это время эскадрилья Девотченко уничтожила около 20 вражеских самолетов. Свои потери — пять летчиков. Лев Шестаков лично сразил еще трех фашистов. А тот, с эмблемой змеи на борту, как выяснилось, был немецкий ас, заместитель командира эскадрильи.

Что ж, можно было бы гордиться всем этим, да угнетала гибель боевых друзей. Пять летчиков — четвертая часть эскадрильи. А кто знает, какие еще испытания ждут их впереди?

…В разгаре испанская зима. Как ни странно, но в этой южной стране она оказалась во многом похожей на русскую, с метелями и снежными заносами, разве что морозы поменьше. Прибавилась новая забота — нужно все время расчищать от снега аэродром, а техники для этого никакой, даже лопат недоставало. Ребята по-всякому приспосабливались, но самолетные стоянки, взлетное поле держали в постоянной готовности.

В конце февраля — начале марта, вылетая на разведку, летчики все чаще привозили сведения о мощном сосредоточении неприятелем боевой техники и живой силы. Было совершенно ясно: враг готовится к новому решительному натиску.

И точно: 9 марта 1938 года франкисты развернули наступление по всему Арагонскому фронту. Его цель — разделить республику надвое, выйти к Средиземному морю, затем по частям уничтожить основные силы сопротивления, поставить народ на колени и тем завершить свою черную войну.

На авиаторов республики снова легла непомерно тяжелая нагрузка. Теперь преимущество врага в воздухе было явным. От наших соколов

требовалось воевать не числом, а умением. И они старались, как только могли, все время совершенствуя свою тактику.

Главным сейчас было — беречь свои силы, не давать редеть своим рядам. Поэтому чаще всего вылетали тремя-четырьмя эскадрильями, тесно держались друг друга, как бы превращаясь в летучую неприступную крепость, в которой были свои ударные силы, а также силы поддержки и прикрытия. Лев Шестаков со своим звеном в составе Матвеева, Журавлева все время был в ударном кулаке, действовал с особой злостью, ненавистью и сумел в короткий срок сбить один за другим еще три самолета.

За пять дней наступления враг очутился в тридцати километрах от аэродрома. Дело принимало крутой оборот. Пришлось срочно перебазироваться на левый берег реки Эбро. Там уже сидела группа «москас» Александра Гусева.

Аэродрома как такового в сущности не было. Наспех расчищенная площадка для взлета, кое-как оборудованные места для стоянок самолетов. И жилых помещений никаких, кроме старой, насквозь пропитанной карболкой ветеринарной лечебницы. Разместились в ней.

Да, условия не из лучших. Но даже в этой обстановке летчики не падали духом.

Противник жмет. Через два дня — перебазирование на аэродром Лерида. Чем могли добровольцы-истребители ответить на натиск врага? Только увеличением количества боевых вылетов. Но ведь и для них существует какой-то предел, да и физические силы летчиков не безграничны. Многие из них уже страдали нервным истощением, им хоть немного бы отдохнуть, опомниться. Но где там! Фронт катится по пятам, нужно сражаться.

Шестаков вспомнил англичанина в золотом пенсне. Мистер интересовался денежным вознаграждением. Где они, английские летчики, сражавшиеся только за деньги? Их корова языком слизала. В эти трудные дни до конца мог держаться только тот, для кого дорого дело республики, кто защищал ее, думая о своей Родине.

Практически вся республиканская авиация была прикована к Арагонскому фронту. Средиземноморское побережье Испании оказалось без прикрытия. Озверевшие франкисты воспользовались этим, стали подвергать побережье массированным бомбежкам.

Но в это время все прогрессивное человечество с новой силой подняло свой голос в защиту республиканской Испании. Под давлением мирового общественного мнения Франция вынуждена была открыть свою границу для военных грузов и добровольцев. В Испанию поступила большая партия модифицированных И-16, прибыла новая группа советских летчиков.

Воспрянули духом ребята, работавшие на пределе возможного: новые самолеты, свежие силы. Теперь франкисты узнают, почем фунт лиха!

Действительно, скоро появилось авиационное прикрытие на побережье. Ведь рядом с теперь уже объединенной эскадрильей, которую возглавил Гусев, разместились вновь прибывшие летчики. Быстро перезнакомились. Особенно пришлись всем по душе Николай Жердев, Анастас Ярковой, Николай Семенов.

Через каких-нибудь полчаса Лев Шестаков уже рассказывал вновь прибывшим об особенностях жизни в Испании, обычаях мужественного народа.

На второй день старожилы вызвались дать новичкам «боевые провозные», как выразился Гусев.

Старые, потрепанные «ишачки» выполняли роль прикрытия, новенькие И-16 были ударной силой. Совершили несколько вылетов, в каждом провели воздушный бой и за день уничтожили четыре вражеских самолета. Причем победы одержали новички, разумеется, под надежным прикрытием «стариков». Модифицированные И-16 превосходили своих предшественников и по маневренности, и по мощности огня. Молодые пилоты оказались хорошо подготовленными, «настырными». Все это поднимало боевой дух, вселяло надежды на новые победы.

В конце дня 28 марта Шестаков обратился к Жердеву:

— Разреши, Коля, слетать на твоей машине, думаю, твой «ишачок», не обидится па меня за это.

— Если командир не против — садись, попробуй, сравни.

Командир не был против. Шестаков уже занял место в кабине, когда на аэродроме показалась легковая машина командующего ВВС республики генерала Сиснероса. С ним приехали главный военный советник Г. М. Штерн и другие.

Приказали собрать всех «старичков».

Шестакову пришлось срочно ретироваться из кабины.

— Товарищи, — торжественно, официально объявил Штерн, — мы приехали, чтобы поблагодарить вас за боевую работу. И сообщить решение командования: сегодня вы совершили свой последний боевой вылет. Завтра отправляетесь на Родину. А сейчас слушайте приказ командования республиканской армии.

Этим приказом всем летчикам от имени испанского народа, правительства республики объявлялась благодарность. Далее в нем говорилось, что командиром вновь сформированной группы И-16 назначался Фернандо Клаудино, командиром объединенной эскадрильи —

Василий Лисин, прибывший несколько раньше других новичков, успевший совершить до 80 боевых вылетов, сбить два самолета.

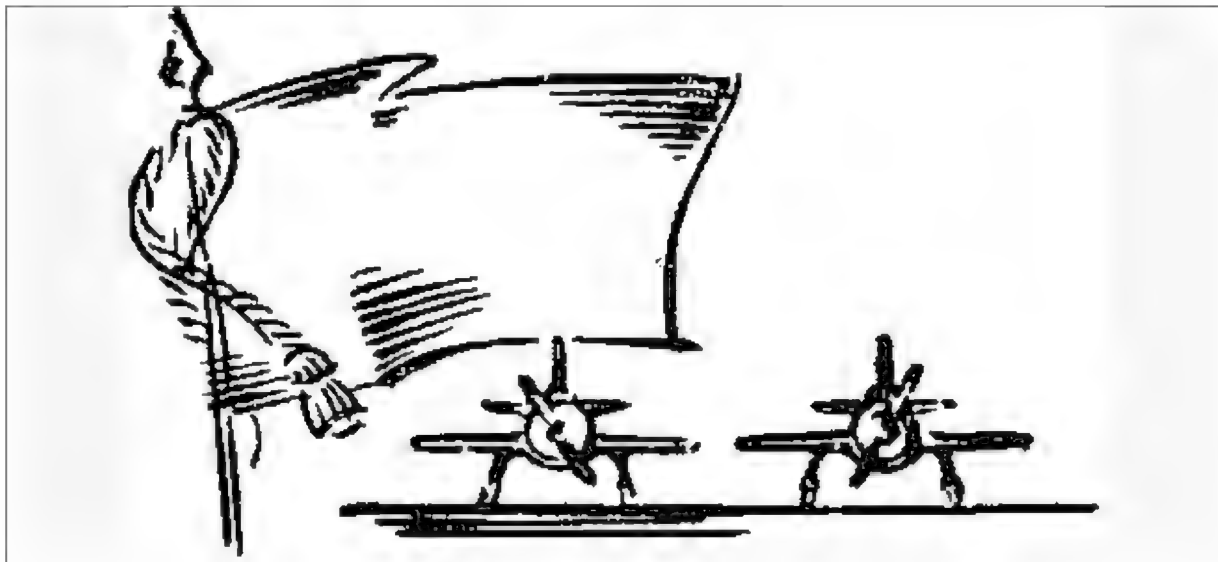
«Вот и все кончилось, — грустно подумал Шестаков, — и больше никогда не вернется. Сколько здесь пережито, сколько оставлено верных друзей… И все уходит в прошлое, оставаясь навсегда только в памяти».

Лев Шестаков приехал сюда обычным рядовым летчиком, уезжал командиром звена, опытным, уверенным в своих силах воздушным бойцом.

Пригодится ли ему накопленный опыт? Потребуется ли еще Родине его боевое искусство?

Он был уверен: пригодится и потребуется. Дело только за временем. Столкнувшись с кровожадным фашизмом, Лев понял, что эти изверги в своих притязаниях на мировое господство не остановятся ни перед чем. Их придется остановить. Раз и навсегда. Для этого еще придет свой час. И к нему нужно сберечь все, чему он научился здесь, в Испании. И только так.

КОМАНДИР ЭСКАДРИЛЬИ

Он спал чуть ли не целые сутки. Спал безмятежно, как в детстве, широко раскинув руки, чему-то тихо улыбаясь.

Мать стояла над ним, скрестив руки на груди, молча рассматривала каждую черточку на лице любимого сына.

Как же он изменился! Уезжал из дому в последний раз почти мальчуганом, а сейчас так повзрослел, возмужал, окреп, что и Левушкой называть-то его язык не поворачивается. А отец, когда сын впервые вошел в хату со своей молодой женой Олимпиадой, от неожиданности даже вытянулся по стойке «смирно», как заправский солдат при виде боевого командира.

Лев и впрямь производил на всех большое впечатление и здесь, в Авдеевке, и в Киеве, и в Днепропетровске. Только в феодосийском санатории обходилось без восторгов: там тогда отдыхали почти все вернувшиеся из Испании.

Статный, в красивом темно-синем парадном мундире, перетянутом портупеей, в белой шелковой рубашке при черном галстуке, в начищенных до зеркального блеска сапогах, он не мог не привлекать к себе внимания. А горящий золотом боевой орден Красного Знамени — редкая по тем временам награда — заставлял встречных оборачиваться, провожать его завороженным взглядом.

А пока герой спит самым крепким сном, какой может быть только в родном доме, впервые за последнее время ни о чем не переживая, ни о чем не заботясь.

Крыша отчего дома — она ведь волшебница для вернувшегося под ее сень: укрывает от бурь и невзгод, усмиряет все страсти и волнения, возвращает душевный покой.

Стоит мать над сыном, слезы набегают на глаза, спазмы перехватывают ее дыхание. Отчего бы это?

Кажется, остается только радоваться за своего сына, гордиться им, ведь вернулся со славою, как говорится, на коне. Почему же печалится мать? Что тревожит ее чуткое сердце? Не тот ли пулеметный патрон, набитый вместо пороха испанской землей, который обнаружила она, когда гладила военный костюм сына. Увидев, как удивленно мать рассматривает находку, Лев сказал:

— Мама, это не просто память. Испанская земля — это самое сильное взрывчатое вещество. Оно еще ой как пригодится нам…

Самое сильное взрывчатое вещество… Еще пригодится нам… Мария Ивановна сама коммунистка, следит за событиями в мире. Слова сына для нее понятны. Но мать есть мать, она всегда страшится военных гроз, всего того, что может представлять опасность для ее детей. И этот патрон с испанской землей больше всего иного сказала ей: оставшееся у Льва позади было трудным, но еще более трудное может быть впереди…

Фашистский спрут — тварь ненасытная. Чего доброго, потянется к нам. И тогда — снова рубиться с ним не на жизнь, а на смерть придется нашим сыновьям, тебе, Левушка. Как же дальше сложится твоя судьба? Куда поведет тебя твоя военная дорога?

Кто-то хлопнул калиткой, быстро прошел мимо окон и в сени, постучал.

— Входите, пожалуйста, — ответила приятным грудным голосом хлопотавшая у печки Олимпиада.

Через порог переступила миловидная, лет тридцати пяти, аккуратно причесанная, строго одетая женщина.

— Извините, вас я еще не знаю, меня зовут Галина Иосифовна. Я — учительница Льва. Хочу посмотреть, каким героем вернулся он домой…

— Да вы проходите, очень рады вам, — предложила Липа, — я жена Льва. Мы только месяц как поженились, но он уже успел многое рассказать мне о вас…

— Что вы говорите? — зарделась Галина Иосифовна. — Приятно такое слышать…

Прогреми в это время во дворе выстрел пушки — он, пожалуй, не разбудил бы Льва. Но тихий голос любимой учительницы, доносившийся из кухни, немедленно поднял его на ноги.

— Мама, пойди скажи Галине Иосифовне, что я сейчас выйду к ней.

У Марии Ивановны снова, как бывало раньше, шевельнулась добрая ревность к Галине Иосифовне. Покорила она малыша с первого класса и тем, возможно, удержала его от разных непутевых компаний, друзей. Высшим судьей во всех его ребячьих делах была она, первая учительница.

Лев вышел при всем параде.

— Здравствуйте, Галина Иосифовна, большое спасибо, что пришли, я собирался навестить вас в первую очередь, а вы опередили меня.

— Как же, Левушка, могла я усидеть дома, когда вся Авдеевка о тебе говорит!

— Да неужели? И что же она говорит?

— Да то, Лева, что писал ты в своем последнем школьном сочинении.

— А что же я там писал?

— Я тебе сейчас прочту.

При этих словах она раскрыла свою сумочку, достала конверт, а из него извлекла вчетверо сложенный двойной тетрадный лист в линеечку, исписанный ровным почерком. Развернула его, начала читать:

> «Кем я хочу стать? Пока не знаю. Знаю, каким мне хочется быть. Добрым и открытым, честным и смелым, стойким и решительным. Как Гаврош, Павка Корчагин. Но это, наверное, очень трудно. И я не уверен, что мне удастся быть таким».

— Вот, Левушка, — закончив чтение, сказала учительница, — о том, что ты стал таким, и говорят все в Авдеевке. А ведь для учительницы большего счастья не надо. Ее жизнь — в ее учениках.

Столь неожиданно обнаружившееся сочинение быстро перекочевало в семейный архив Шестаковых. А в руках у Галины Иосифовны появился фотоальбом со снимками испанских видов — корриды, тореадоров, — сделанных самим Львом, всегда носившим при себе фотоаппарат.

Закончилась эта трогательная встреча приглашением Шестакова на школьный комсомольско-молодежный вечер, посвященный героям Испании.

Лев даже не предполагал, насколько волнующим может быть возвращение в родную школу после долгих странствий и испытаний. Тихо и грустно он посидел на своей парте. Прошел по коридорам, где когда-то не раз стремительно проносился во время перемен… Все в этих стенах такое дорогое, столько хранят они чудесного, неповторимого, что при одной

мысли об этом сердце заходится нежностью и благодарностью, потому что именно здесь он впервые всем сердцем почувствовал, какое это дорогое слово — Родина.

Олимпиаде не хотелось расставаться с Киевом. Но коль уж вышла замуж за военного, то будь готова ко всему. Побыл Лев совсем немного помощником командира эскадрильи на аэродроме под Киевом, а затем получил назначение в Ростов-на-Дону командиром отдельной истребительной эскадрильи. Вот по дороге к новому месту службы и заехали они в Авдеевку. Отпусками Лев не пользовался до 1939 года. Все не получалось. Прибыли из Испании — день и ночь писали подробные отчеты. Потом короткий отдых — и новая должность. Через месяц — повышение. И хоть Шестаков был молод и идеально здоров, но не трехжильный — усталость чувствовалась. Отоспался у матери в два-три дня, получил заряд душевной бодрости, побывал в школе, в железнодорожном депо, где работал слесарем-инструментальщиком — и снова зовет труба солдата в поход. А вместе с ним и его верную боевую подругу — стройную, милую Липу.

В Ростове-на-Дону стояло чудесное, теплое бабье лето — прекрасное время для полетов. Молодой командир эскадрильи, познакомившись с личным составом, вникнув во все, первым делом решил посмотреть на своих новых подчиненных в воздухе. Два дня летал с каждым по очереди в зону, где проверял всех на умение вести воздушные бои.

Результаты огорчили его. Летчики, обучавшиеся в упрощенных, не боевых условиях, казались ему медлительными, малоактивными. «Наверное, и я таким прибыл в Испанию, — подумал Шестаков. — Так что к ребятам особых претензий не предъявишь, но научить их настоящему бойцовскому искусству надо».

Однако об этом легко было думать. А как, с чего начать? Ведь придется ломать устоявшиеся порядки, традиции. А такое не проходит безболезненно. У него, конечно, отличный заместитель — прибывший вместе с ним из Испании старший лейтенант Матвеев. Политрук эскадрильи Юрий Борисович Рыкачев — подвижный, деятельный, все время жаждущий чего-то нового, интересного. Командир первого звена лейтенант Анатолий Комоса, по всему видно, человек надежный, готовый на все ради того, чтобы как следует обучить подчиненных. Ну, а как быть, например, с командиром второго звена лейтенантом Тытарем, если сдававший Шестакову дела комэск отрекомендовал его одним из лучших летчиков эскадрильи, а он в навязанном ему Львом учебном бою просто-напросто сорвался в штопор? И трудно было сказать, случайно ли это вышло у него. К тому же, но всему видно, — парень гонористый, привык ходить в «королях» и, если его развенчать, может вообще сбиться с правильного пути.

Одногодок Шестакова, поджарый, жилистый, Тытарь был из тех, кто ни в чем не умел уступать своего первенства. Лев понял сразу: удастся ему сделать своим другом и союзником Леонида Тытаря — многие трудности уберутся сами собой. Но как подобрать ключи к нему, до сих пор слышавшему в свой адрес только похвалы?

Попробовал поговорить, рассказать ему об Испании. Леонид как-то нехотя выслушал его, а потом будто вскользь бросил:

— Вам повезло — вы повоевали. Окажись на вашем месте, я тоже мог бы героем вернуться…

Кроме Тытаря, были и другие, с которыми требовалось найти контакт. Вывод один — больше работать с людьми. Но в эскадрилье партийная организация была еще малочисленна. Шестаков и Рыкачев, понимая, что в короткий срок ряды коммунистов не возрастут, особый упор делали на комсомольцев.

В канун отчетно-выборного комсомольского собрания в эскадрилью пришла бумага из вышестоящего штаба. Прочитав ее, Шестаков пригласил к себе комиссара и его заместителя.

— Посмотрите, — вручил он им листок с текстом, отпечатанным на машинке.

Оба пробежали его глазами и молча уставились на Шестакова, как бы спрашивая: «А что дальше?».

— А дальше, — сказал Лев, прочитав их мысли, — то, что мы должны активно включиться в конкурсные состязания на лучшую эскадрилью воздушного боя.

— Что же тут особенного, — ответил Рыкачев, — мы каждый год участвуем в подобных состязаниях.

— И какие места занимали? — голубые глаза Шестакова загорелись боевым азартом.

— Да где-то в конце всегда были…

— Вот-вот, в конце, замыкающими. Особенное же состоит в том, что мы должны выйти в лидеры.

«Да, напористый наш новый командир», — мелькнула у комиссара мысль. А вслух он сказал:

— Сложное это дело. Там такие зубры участвуют, что с ними не потягаешься.

— Подумаешь, — ответил Лев, — у нас тоже зубры… В Испании говорят: тореадорами не рождаются, ими становятся.

— В таком случае сдаюсь, — поднял руки вверх Рыкачев, — и тут же иду к людям, растолковывать, что к предстоящей «корриде» мы должны прийти во всеоружии.

— Отлично, Юрий Борисович, при таком согласии мы горы свернем.

На отчетном собрании Лев выступил сам.

— Гораздо лучше все идет, — сказал он, — когда намечаешь себе большую цель и любой ценой стремишься ее достичь. Тогда жизнь и служба приобретают четкий смысл, что уже само по себе является хорошим стимулятором. Нам нужно включиться в борьбу и победить в летных состязаниях по воздушному бою. Если мы этого не добьемся, значит, даром едим государственный хлеб, и не летчики мы, а извозчики. В том, что вы можете выйти в лидеры — не сомневаюсь. Техника пилотирования у всех приличная. Добавим к ней боевую выучку и будем в дамках.

Видел по лицам, по реакции в зале: не все с энтузиазмом восприняли его предложение. Комоса со своими летчиками, конечно, поддержит. А Тытарь? На мгновение вспыхнул задорный огонек в его глазах, но тут же угас. Как-то неопределенно поелозил на стуле Ломазов, летчик, не очень-то рвавшийся к полетам, озабоченно хмыкнул подумывавший перейти в транспортную авиацию Лобзарь.

Подошло время утверждать проект решения собрания. Председатель сказал:

— Кто за то, чтобы внести в проект предложение командира эскадрильи включиться в борьбу за первое место в состязаниях по воздушному бою?

Проголосовали единогласно.

— Значит, дело пойдет! — удовлетворенно потер руки Шестаков.

Однако дело пошло не сразу и не просто.

Лев, со свойственным ему азартом, горячился, торопил события. И сразу стал предъявлять к летчикам жесткие требования. До этого они летали в основном по кругу, по маршруту, в зону. Шестаков сразу же переключил эскадрилью на воздушные бои. Правда, перед этим провел совещание, рассказал об испанском опыте, растолковал, что истребитель рожден для боя и только для него, в этом главное его предназначение. В эскадрилье же получился невольный перекос — полеты ради полетов, а главное — бой — на втором плане.

Вроде бы все поняли Шестакова. То, что он говорил, звучало как аксиома, истина, не требующая доказательств. Но внутренне далеко не каждый мог быстро перестроиться, пойти на ломку старых представлений и привычек.

А когда изо дня в день до седьмого пота, с адскими перегрузками начали отрабатывать приемы воздушных схваток — некоторым стало не по себе. Да еще многих коробили тройки с минусами, которые решительно выставлял Шестаков. Особенно били они по самолюбию Тытаря. Между

командиром звена и командиром эскадрильи назревал конфликт. И он был бы, не подвернись ситуация, сразу разрядившая обстановку.

Под 7 ноября в эскадрилье состоялось торжественное собрание, закончившееся праздничным ужином. Леню Тытаря как будто подменили: он шутил, заразительно смеялся, был весь словно на пружинах. Шестакову показалось, что это неспроста. Тытарь хочет в чем-то взять реванш. Но в чем? Все стало ясным, когда Леня во всю ширь растянул меха баяна, вышел в центр образовавшегося круга и, сам себе аккомпанируя, стал выдавать такую чечетку, какой даже Шестаков никогда не видывал. Тытарь был в ударе, работал, как говорится, по высшему классу. Все пришли от него в восторг. Танцор ни разу не взглянул на командира, но весь вид его говорил: «Мы, мол, тоже не лыком шиты!».

Лев любил такие вот натуры. И ценил азарт, искрометность. Но ему был дан вызов. Надо ответить.

— Липа, сбегай, принеси из дому патефон и пластинку с испанским танцем «Ага-га», — шепнул он незаметно жене.

Когда она вернулась, Тытарь, разгоряченный, под бурные аплодисменты величаво и торжественно «сходил со сцены».

Но вот раздались звуки незнакомой, зажигательной испанской мелодии. И на «сцену» не вышел, вихрем вылетел сам командир. Он «закатил» столь заразительный танец, что все сразу стали притопывать, прихлопывать, подкрикивать незнакомое, но всем пришедшееся по душе «Ага-га».

Под конец Лев стал выкидывать такие коленца, что все только диву давались. И странное дело: чем большим был успех Шестакова, тем светлее становилось лицо Тытаря. Он признавал превосходство над собой. Он, кумир эскадрильи, видел, что у него появился достойный соперник. Этот гордый казацкий парень понял, что и командир «не лыком шит», что ему ни в чем его не перещеголять, а коль так, то чего уж там «ломаться»!

Леонид пробежал по клавишам баяна, быстро подобрал мелодию «Ага-га» и как только закончилась пластинка, продолжил жизнерадостную мелодию на своем инструменте. Шестаков взглянул на него с благодарностью. Потом порывисто подошел к столу и на удивление всем стал с азартом виртуозно отбивать лихие перезвоны в такт этой удивительной мелодии. Тут уж и мертвый не смог бы устоять: все пустились в пляс…

Праздничное веселье затянулось до позднего вечера. А когда пошли домой, политрук сказал одобрительно:

— Ты человек-загадка, Лев Львович. Никогда не знаешь, что предпримешь в следующую минуту. Но главное, что это всегда с толком, с пользой для дела. Я не о пляске, а о том, что можешь ты вовремя оценить

ситуацию, уловить настроение людей. И это не менее важно, чем личное боевое мастерство…

Политрук был прав. С некоторых пор и Тытарь всей душой потянулся к командиру. У него даже походка стала похожей на шестаковскую — уверенной, энергичной. Постепенно он перенимал и командирский летный почерк.

А там быть «похожими на командира» потянулись и другие, в том числе Ломазов, Лобзарь. Так Лев открыл для себя один из «секретов» командирской педагогики: хочешь, чтобы коллектив тебя поддерживал — будь в нем лидером во всех хороших делах.

Минуло еще несколько дней, и произошло событие, окончательно укрепившее авторитет нового командира: 14 ноября 1938 года по радио передали Постановление Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Ленина.

В первый момент он ушам своим не поверил, подумал, что ослышался. Ведь в те годы совсем немногие удостаивались столь высокой правительственной награды. О себе же Лев думал, что и орден Красного Знамени Михаил Иванович Калинин вручил ему, так сказать, авансом. И вдруг такая новость!

Вся эскадрилья пришла поздравить командира. А он, счастливый, взволнованный, снова и снова вспоминал все, что довелось пережить в Испании. Перебрал имена всех, не вернувшихся из жестоких боев. Скольких потерь можно было бы избежать, будь люди получше подготовлены к встрече с коварным врагом! Нет, надо ломать традицию «полеты для полетов», укоренившуюся в эскадрилье. Этому учит нас и партия: «Встречать врага во всеоружии!»

И Лев со своими помощниками горячо взялся за дело. Все было подчинено предельно напряженному ритму боевой учебы. Появился состязательный дух: кто лучше атакует, кто первым откроет огонь, кто ловчее вывернется из-под удара. Даже Жора Лобзарь так увлекся, что начисто забыл свою теорию о «спокойной жизни» в транспортной авиации.

И когда январские туманы вынудили летчиков сидеть на земле — они не находили себе места. Шестаков это время использовал с наибольшей эффективностью: сделал детальный анализ учебных воздушных боев, подвел первые итоги, а затем провел целую серию занятий по тактике действий авиации в Испании. Это были уроки, которые запомнились каждому на всю жизнь. Запомнились и сослужили добрую службу, когда черные тучи в июне 41-го нависли над нашей страной.

Шестаков с особым волнением рассказывал о борьбе с франкистской авиацией. Как раз в те дни пришло печальное известие: фашисты захватили

Барселону — первый испанский город, увиденный Львом и полюбившийся ему. В памяти всплыли слова экскурсовода коммуниста Педро о том, что враг не бомбит богатые кварталы центра города — надеется еще вернуться. Тогда в возможность этого почти не верилось.

Как там сейчас чувствуют себя ребята, сменившие летчиков эскадрилий Гусева и Девотченко? Ох, и тяжело им, наверное. Взять бы да и махнуть туда со своими орлами. Вот была бы радостная встреча! Только сейчас не та ситуация. По всему видно, что республиканской Испании уже не поможешь. Ведь мрачная тень войны нависла над Европой, она приближается и к нашим границам. Надо готовиться к большим боям. Об этом и правительство заботится — пополняет эскадрильи молодежью. В первой половине февраля Шестакову представилась группа выпускников Сталинградского авиационного училища. Среди них выделялся чем-то отдаленно напоминавший Платона Смолякова совсем юный летчик Алексей Череватенко. Он, как и его товарищи, во все глаза глядел на командира эскадрильи — капитана с двумя орденами на груди — и не верил, что посчастливилось служить под началом такого героя. А ведь разница-то между ними была всего в два-три года.

Романтики, они ожидали, что первые слова Шестакова будут высокими и значительными, а он спокойно и просто задал самый прозаический вопрос:

— Вы давно что-нибудь ели? Наверное, проголодались?

Пришлось ребятам отправиться в столовую, а затем уж состоялся обстоятельный разговор с командиром. Он тщательно ознакомился с летными книжками выпускников.

— Маловат самостоятельный налет, — сделал заключение.

— В этом мы не виноваты, — ответил за всех Череватенко.

— А я и не говорю о том, — сказал Шестаков. — Просто досадно, почему в училищах так много дают теории и совсем мало практики? Надо готовиться к борьбе с сильным и коварным противником. Я убедился в Испании, фашиста голыми руками не возьмешь. Воевать умеет, и техника у него что надо.

Молодые ребята впервые слышали подобные откровения. Командир-«испанец» знает, что говорит…

Парни задумались над его последними словами, он заметил это, добавил:

— Но вообще-то не так страшен черт, как его нам малюют, бить его можно и в хвост и в гриву! Только для этого нужно боевое мастерство, а оно само не приходит, его нужно добывать, как шахтер уголек. С этого мы и начнем. Но сначала я лично проверю вас в полетах.

О том, как проходила проверка, рассказал в своей книге «Небо Одессы, 1941» полковник запаса Герой Советского Союза А. Череватенко. Вот что он пишет:

> «На третий день мы с Шестаковым поднялись в воздух. Сидел он во второй кабине учебно-тренировочного истребителя, контролируя мои действия. Я боялся допустить малейший просчет при выполнении фигур пилотажа. Во время виража, что называется, перестарался, перетянул ручку, машина задрожала и едва не свалилась в штопор. Капитан вовремя отжал ручку управления от себя, после чего упражнение повторили несколько раз. Посадка прошла хорошо. Спрашиваю: какие будут замечания?
>
> Комэск отчитал меня по первое число за ненужную спешку. Советовал вырабатывать в себе хладнокровие, делать все плавно, не обращать внимания на того, кто находится в задней кабине. Потребовал четкого выполнения виража, переворота через крыло, петли Нестерова. Предупредил, что плохо летать не разрешит. Я должен летать только отлично».

…Приближалось 23 февраля. Намечался двойной праздник — день рождения Красной Армии и принятие эскадрильей новой Военной присяги, утвержденной 3 января 1939 года.

— А каким был текст самой первой присяги? — заинтересовались молодые летчики.

Шестакову понравилась такая любознательность. Он предложил провести в эскадрилье вечер, посвященный Военной клятве.

Рыкачев поддержал его. Он вызвался сам рассказать об истории Военной присяги, а Шестакова попросил выступить с рассказом о том, как наши летчики соблюдали верность ее требованиям в Испании.

Услышанное от комиссара для многих было своего рода откровением. Оказывается, первым текстом солдатской клятвы был декрет-воззвание В. И. Ленина «Социалистическое Отечество в опасности!». Бойцы революции читали его перед решительной схваткой с врагом под Псковом и Нарвой. Воодушевленные ленинским призывом, они разгромили тогда врага и в память об этом с 23 февраля стала отсчитываться история Советских Вооруженных Сил. С тех пор давать клятву на верность революции вошло в традицию. Но единого текста ее не было. Известно, что легендарный начдив Н. А. Щорс сам написал присягу для своих конников. 22 апреля 1918 года ВЦИК утвердил единый для всей Красной Армии текст торжественного обещания. Его просмотрел и одобрил В. И. Ленин. Более того, 11 мая того

же года великий вождь лично прибыл на завод Михельсона, где состоялась церемония принятия торжественной клятвы военными частями Московского гарнизона, отправляющимися на фронт. Владимир Ильич, сойдя с трибуны, став в строй красноармейцев, вместе с ними повторял священные слова:

> «Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии…»

И вот принят новый текст, теперь уже Военной присяги, приведенной в соответствие с Конституцией СССР 1936 года.

Немало интересного почерпнули летчики, техники, механики, мотористы из небольшой беседы комиссара. И тот факт, что первую солдатскую присягу принимал и Владимир Ильич Ленин, придавал особую значимость этому торжественному ритуалу. И когда 23 февраля эскадрилья выстроилась на летном поле впереди боевых самолетов, авиаторы, выходя по одному из строя, став лицом к своим товарищам, произносили слова Присяги, им казалось, что и сейчас рядом с ними незримо присутствует любимый вождь и своей доброй, отцовской улыбкой напутствует их на героические ратные дела во имя свободы и счастья любимой Родины.

Никто из них тогда не знал, что пройдет немного времени и они все с этой клятвой в сердце грудью встанут на защиту первого в мире социалистического государства, на защиту дела Ленина…

Шестаков завел твердое правило: в конце каждого дня весь личный состав собирается в классе для подведения итогов и постановки задач на завтра.

Здесь шел откровенный обмен мнениями, анализировались ошибки, оплошности, отмечались положительные моменты. Уважающий во всем строгий порядок, Лев не прощал никому расхлябанности, халатности, был абсолютно нетерпим к малейшим проявлениям лени, равнодушия к делу. Подобные факты иной раз выводили его из равновесия, он становился даже чрезмерно жестким. Во всяком случае в благодушном расположении духа видеть его в последнее время никому не приходилось.

Но с некоторых пор все стали замечать, что комэск вроде бы как оттаял, смягчился. Сначала не могли догадаться о причине таких изменений. А потом разлетелась молва: в семье командира ожидается прибавление.

Лев страстно мечтал о том, чтобы Липа родила ему сына. Очень уж хотелось иметь бедового, смышленого малыша, с которым можно было бы повозиться после напряженных полетов, отдохнуть. И конечно же, он

обязательно будет готовить из него летчика, приучать к истинно мужской боевой профессии. О своей предстоящей радости написал Платону Смолякову и Тимофею Студенникову. Просил их посоветовать, какое имя дать сыну.

«У Льва и сын должен быть Лев», — написали оба.

«Значит, так тому и быть!» — было принято решение в молодой семье. О том, что может на свет появиться дочь, даже и мыслей не было. Сыграло ли это свою роль — неизвестно, только 26 мая прямо на стоянку примчался запыхавшийся дежурный по штабу, подскочил к Шестакову и на едином дыхании выпалил:

— Товарищ капитан, разрешите доложить, у вас родился сын!

Лев, широко улыбаясь, обнял разгоряченного дежурного, радостно сказал: «Спасибо, друг, за добрую весть!» И, сияя счастьем, помчался на мотоцикле в город. По дороге заскочил на почту, отбил телеграмму матери:

«Родился сын. Приезжайте!»

Лев-младший оказался завидным крепышом.

— Вырастет настоящим богатырем! Поздравляю вас, молодой отец! — пожала руку Шестакову врач.

Но радость комэска омрачали недобрые вести: радио и газеты сообщили о нападении японских милитаристов на Монголию. С двух противоположных концов подбирался международный империализм к советским границам. С запада — германский, с востока — японский.

Все это прямым образом касалось Льва Шестакова, Юрия Рыкачева, Анатолия Комоса, Алексея Череватенко — всех командиров и бойцов эскадрильи — точно так же, как и каждого советского человека.

Лев остро воспринимал все события, происходящие в мире, кровно связывал их с судьбой страны, с делами эскадрильи, со своей семьей. Он не мог себе представить, чтобы его малыш попал под огонь войны, как это было с детьми в Испании. Сколько там погибло, на всю жизнь осталось калеками мальчишек и девчонок? В чем их вина? За что им такая участь?

«Если завтра война…» — пели в строю песню. Она полна тревоги и оптимизма, поднимала боевой дух, внушала веру в наши силы. Но и враг силен. Об этом нельзя забывать.

Время неумолимо приближало к ответственному экзамену — состязаниям на первенство по воздушному бою. Вот где показать свою боеготовность. Но вместе с тем Лев начинал переживать: некоторые летчики никак не могли подняться выше «тройки».

«Может, я чересчур требователен, не с той меркой подхожу к людям?» — думал он иногда. Но ведь его мерка — это мерка реальных боев. Не сражайся он в Испании — не знал бы того, что ему теперь известно…

«Нет, все правильно!» — говорил он себе и не шел ни на какие послабления.

— Комоса — на старт!

— Череватенко — на старт!..

День за днем звучали его команды на аэродроме, самолеты ходили конвейером, задерживаясь на земле только для того, чтобы дозаправиться бензином. В это-то время и случилась поломка при посадке на самолете летчика Лобзаря.

Шестакова, привыкшего к тому, что самолеты возвращались из боя насквозь изрешеченными, это не очень взволновало.

— Пока будут ремонтировать машину — отдохни, а потом продолжишь тренировки, — сказал он Лобзарю.

По-иному посмотрел на это происшествие комиссар.

— Лев Львович, может, нам немного снизить взятый темп? — обратился он к комэску. — Люди от усталости скоро начнут падать.

— Юрий Борисович, если нам сейчас хоть чуть-чуть сбиться с ритма, — все пойдет насмарку. — Понимаешь, люди, как говорится, заведены, настроены. Они сейчас могут горы свернуть. Расслабить их сейчас — загубить дело.

— Против таких доводов возразить трудно. Только сдается мне, Лев Львович, что мы хотим невозможного — всех сделать мастерами воздушного боя. Не надорвемся ли?

— Если стремиться к недосягаемому, то действительно, пуп надорвешь. Но разве мы хотим невозможного? Почему ты так считаешь?

— Да ведь для того, чтобы быть настоящим мастером воздушного боя, нужен, наверное, определенный талант. Можем ли мы сказать, что все наши летчики обладают таким талантом?

— Юрий Борисович, давно известно, что сначала был труд, а потом появились таланты.

— Согласен. Но мы же сплошь и рядом видим: люди делают одно и то же, только у одного получается вкривь и вкось, а у другого — залюбуешься. Значит, у другого все-таки талант.

— А скажи-ка мне, комиссар, что такое КПД?

— Коэффициент полезного действия, — недоуменно ответил Рыкачев.

— Так вот, я думаю, что самой природой в каждом из нас, живущих, заложен в принципе одинаковый КПД. Мы же ничем не отличаемся друг от друга — у всех одна голова, две руки, две ноги.

— И что же из этого следует? — спросил Рыкачев, с интересом следя за развитием командирской мысли.

— А то, дружище, что все мы работаем в равных условиях, а КПД у каждого разный.

— Согласен. Очевидно, дело в том, что одни всего себя отдают делу, а у других усилия распыляются на второстепенные мелочи…

— Совершенно верно. Как говорится, дело не подводит человека, человек его подводит. Дело, если в нем вся твоя душа, никогда тебе не изменит. Так и у нас, в авиации. Возьми хоть самого Чкалова. Всю свою энергию, умственную и физическую, он без остатка отдал своей мечте, единственной цели — быть настоящим летчиком!

— Да, командир, с тобой трудно спорить, — снова сдался комиссар. — Логика у тебя железная. Конечно, без труда не может быть таланта. А раз все дело в труде — надо работать, работать и работать. Только в повседневной текучке, сутолоке как-то забываем мы об этом. И часто нас вполне устраивает средний уровень подготовки летчика, техника, механика.

— А за этим средним уровнем, — продолжал Шестаков, — нередко кроется обыкновенная нерадивость, мешающая нам добиться наивысшего КПД.

— Добьемся! — решительно заверил комиссар.

— Будем стараться вместе.

Это был разговор двух людей, облеченных правом и обязанностью обучать и воспитывать других. В то сложное, напряженное для нашей страны время они умели смотреть на свою ежедневную боевую работу с прицелом на будущее.

Необычно и закончился этот разговор.

— Юрий Борисович, а не кажется ли тебе, что люди утомляются не столько от напряжения, сколько от однообразия? Взлет, зона, пилотаж, атаки, посадки… Давай-ка внесем некоторое разнообразие в нашу учебу. Ну, к примеру, завтра организуем стрельбу из пистолета в тире…

— А по вечерам встречи по волейболу, футболу, — добавил Рыкачев, зная приверженность командира к спорту.

— Отлично! А там смотришь — вечер самодеятельности в воскресенье организуем.

— И командир будет его вести…

— А почему бы и нет? С удовольствием.

Ранним утром следующего дня всей эскадрильей отправились в тир. Сначала — чистка пистолетов. Посыпались шутки-прибаутки, все повеселели, приободрились.

Лев Львович, протирая шомполом ствол, вдруг спросил:

— Кто знает, что означает слово «пистолет»?

Все подумали, что тут кроется какой-то подвох. Однако мало кто знал происхождение слова «пистолет», поэтому начали высказывать различные предположения и догадки.

Лев Львович выслушал всех, а потом сказал:

— А ведь об этом рассказывается в сегодняшней окружной газете. Во время гуситских войн впервые появилось короткоствольное оружие «пистоль», что по-чешски означает «дудка»…

Рыкачев, чистивший свой пистолет рядом, подумал: «Опередил меня Лев, ведь и я успел посмотреть газеты, читал и об этих пистолетах».

А комэск между тем продолжал:

— Чехи били из пистолей крестоносцев, а вы считайте, что перед вами фашисты, бейте без промаха.

Он первым вышел на линию огня, одну за другой послал в черный круг все три пули.

— Слушай, Лев Львович, ты прирожденный комиссар, — сказал ему после стрельб Рыкачев. — Считай, благодаря тебе все отлично отстрелялись. Вдохновил!

— Спасибо, Юрий Борисович, за комплимент, только и свою работу со счета не сбрасывай. Кто вчера беседовал с летчиками о международном положении? Ты. И как беседовал? Заслушаешься! Так что, как говорится, каждый должен быть мастером своего дела.

…Когда-то Виктор Гюго сказал: передвигая вперед стрелку часов, бег времени не ускоришь. А вот Шестакову казалось сейчас, что в его наручные часы кто-то вставил пружину, ускорившую бег их стрелок, а вслед за ними и времени.

В эскадрилье не успели оглянуться, как подоспели состязания. Проверить готовность к ним летчиков прибыл инспектор армии.

Сухощавый, жестковатый по характеру майор — отменный летчик, мастер воздушного боя — он молча, не проявляя никаких эмоций, поднимался в небо с каждым летчиком поочередно. Никто не услыхал от него ни одной фразы по поводу выучки летчиков. Так длилось два дня. Лев начинал нервничать. Домой приходил расстроенный, взвинченный. Только при виде тянущего к нему ручонки сынишки оттаивал, добрел.

Но от жены и матери ничего не скроешь.

— Что там у тебя, Левушка, происходит? — допытывались они.

— Да ничего особенного, служба как служба, всякое бывает, — отвечал он уклончиво. — Дома Лев не любил «распространяться» об эскадрильских делах, из него ничего нельзя было вытянуть.

Мать хотела дать ему почитать письмо от отца, в котором он сообщал, что захворал, просил ее приехать, да передумала, незачем еще и этим огорчать сына, вот пройдут у него неприятности — тогда и решим, как быть…

Неприятности сверх всякого ожидания прошли на второй день. Лев прилетел домой радостный, возбужденный, поднял малыша под самый потолок, потом поцеловал его в обе щеки:

— Ура, Лев Львович, наша взяла!

Причиной же бурного этого восторга были всего-навсего несколько скупых, сдержанно произнесенных слов проверяющего: «Ваша эскадрилья подготовлена намного лучше других. Она претендует на первое место».

Лев с трудом сдерживал ликование: его труд, старания, все, чем жил он последнее время, окупились сторицею. А это значило, что боевой опыт не пропал даром, он передан летчикам, взят ими на вооружение, что во много крат повышало боеготовность эскадрильи.

«Вот теперь можно и сказать сыну, что мне нужно уезжать», — подумала Мария Ивановна и передала ему письмо отца. Пробежав его, Лев забеспокоился.

— Когда, мама, вы собираетесь?

— Завтра, Левушка.

— Трудно нам с Липой будет.

— Управитесь. Сынишка растет крепкий, здоровый, всем на радость. Подлечу отца, даст бог, снова приеду.

— Ну что ж, мама, вы правильно решили. Отцу там одному труднее…

Все они были уверены, что в скором времени снова будут вместе жить да радоваться. Только сбыться тому не довелось: назревавшие в мире события внесли свои суровые коррективы.

Было раннее утро 1 сентября 1939 года. Лев прибыл в эскадрилью, дежурный по штабу вручил ему телеграмму:

> «Состязания по воздушному бою отменяются. Ждать особого распоряжения».

«Как бы не пришлось вместо мирных состязаний снова пройти настоящие», — подумал Лев. Он уже успел прослушать утренние радиопередачи, знал, что немецко-фашистские войска вторглись в пределы Польши.

Примчался Рыкачев. Лев показал ему телеграмму.

— Все ясно, — сказал комиссар. — Это уже «не в воздухе пахнет грозой», это уже сама гроза.

— Надо, Юрий Борисович, с людьми поговорить. Растолкуй им, что и как, к чему мы должны теперь готовиться.

Внимательно слушали все комиссара, с каждым его словом все больше суровели лица людей.

Каждому было ясно: Польша — наш сосед. Захватят ее фашисты — замахнутся на нашу страну.

— Скажите, Юрий Борисович, долго ли смогут поляки противостоять немцам? — задал вопрос Селиверстов.

— Не думаю, — ответил комиссар. — Польское буржуазное правительство отказалось от нашей помощи, но заискивало перед Гитлером и тем самым подвело свою страну к пропасти.

Так оно и случилось. Уже 17 сентября германские войска оккупировали чуть ли не всю Польшу, вышли на линию Львов — Владимир-Волынский — Брест — Белосток. Коричневая тень фашистской оккупации легла на древние польские земли.

Чего теперь ждать от гитлеровцев? Насторожилась наша страна. Приведены в готовность войска. Вместе со всей армией — начеку эскадрилья Льва Шестакова.

…Топот солдатских сапог под окнами, резкий стук в окна, двери в один миг разбудил весь городок.

— Боевая тревога! Боевая тревога!…

…Натренированная эскадрилья собралась быстро, четко, выстроилась, в предрассветной тишине слушает приказ командира:

— В срочном порядке вылетаем в район города Гродно. Быстро подготовить карты, рассчитать маршрут. Самолеты заправить полностью, снарядить всем боекомплектом. Взлететь в 6.00 звеньями.

Времени на прощание с семьями не было.

«Война! Война!» — пронеслось по городку, жены, матери, дети бросились к аэродрому:

— Что произошло? Куда? Надолго?

Рыкачев успокаивал всех:

— Обычное учение. Скоро вернемся…

Только никого не могли утешить слова комиссара — его суровый взгляд говорил красноречивее всяких слов.

Ровно в 6.00 отлично выученная эскадрилья дружно стартовала, взяла курс на Гродно.

А родные, оставшиеся на земле, лишь спустя долгое время узнают, что перелет эскадрильи был связан с освободительным походом советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. Еще позже придет весть, что

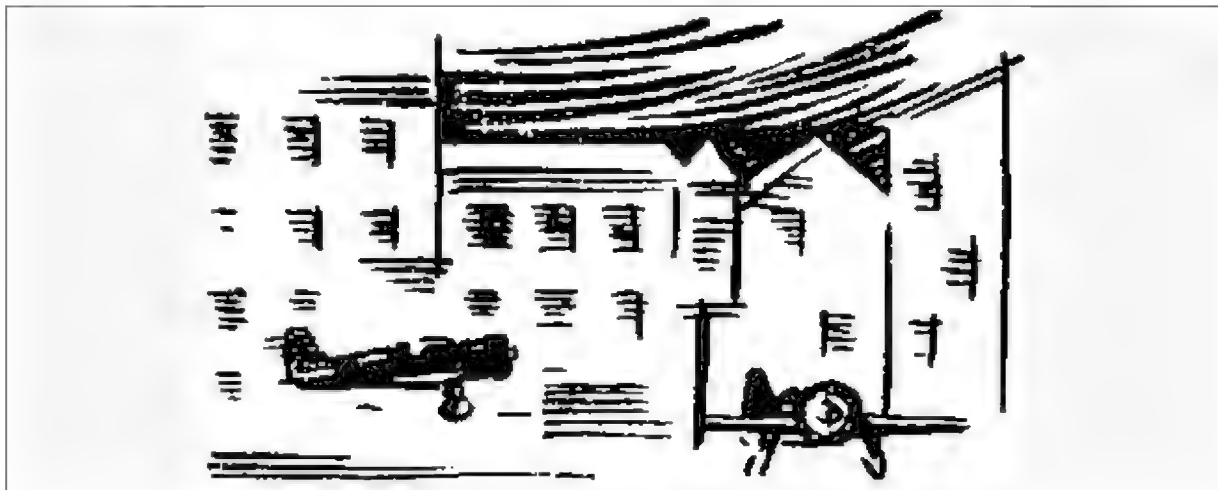
эскадрилья в полном составе расположилась в Запорожье, где формируется новый истребительный авиационный полк.

Командиром вновь сформированного 69-го полка был назначен дважды награжденный орденом Красной Звезды бывший инспектор армии Павел Николаевич Баранов. Комиссаром — Николай Андреевич Верховец. Начальником штаба — Виктор Семенович Никитин, так же, как и командир, награжденный орденом Красной Звезды за успехи в боевой и политической подготовке.

Лев Шестаков стал заместителем командира полка по летной подготовке. Его бывший инженер эскадрильи — Николай Яковлевич Кобельков, участвовавший в боях в Китае и заслуживший там орден Красной Звезды, — принял должность инженера полка, заместителем у него стал также орденоносец, воевавший на Халхин-Голе, Дмитрий Сергеевич Спиридонов.

Полк возглавили люди большого жизненного и боевого опыта, умеющие сплотить и повести за собой большой коллектив авиаторов.

В ПЫЛАЮЩЕМ НЕБЕ ОДЕССЫ

В октябре 1939 года полк в составе четырех эскадрилий И-16 перебазировался под Одессу на аэродром Школьный.

Жизнь завертелась в стремительном вихре. Требовалось срочно слетывать полк, обучать его ведению боевых действий. Начали летать — а тут посыпались тяжелые неудачи: одна за другой несколько аварий.

Лев очень переживал — ведь он же отвечает за летную подготовку. В чем дело? Где корень зла? Докопаться до истинной причины никак не могли, пока не разобрали до последнего винтика моторы аварийных самолетов. Оказалось, виной всему — главный подшипник коленвала: он разрушался.

Были и другие неприятности. Процесс становления не так прост… Наконец вновь рожденный полк перестало лихорадить. Пошла ритмичная плановая учеба. Теперь можно было подумать и о семьях, забрать их в Одессу.

Вскоре военный городок наполнился детским смехом, женщины стали приводить в порядок его территорию, разбивать клумбы, сажать цветы, деревья.

Приехала и Липа с маленьким Львом, у которого в октябре появилась сестричка Таня. Новый, 1941, год Лев Шестаков встречал в кругу семьи. После долгой разлуки он пристально вглядывался в родные лица, и вновь в душе бывалого воина росло тревожное беспокойство: черные крылья войны накрыли собой Польшу, Францию, Австрию, Чехословакию.

Неожиданно в полк прибыл старый знакомый по испанским боям, ныне командующий ВВС Одесского военного округа комбриг Александр

Иванович Гусев, проверил боеготовность, а затем сказал в узком кругу командиров:

— Гитлер сосредоточил у наших границ большие силы. Сегодня уже нет сомнений: мы должны быть готовы ко всему, к самым тяжелым испытаниям, и мне особенно приятно, что это очень хорошо сознает Лев Шестаков. Встретил я как-то инспектора, проверяющего его летчиков. Он рассказал, что был восхищен их выучкой. Он за это, по его словам, прямо-таки влюбился в Шестакова. Правду я говорю, Лева?

— Мне он почему-то об этом не говорил, даже поначалу страху нагнал, — отозвался тот, и все вокруг засмеялись.

— Выходит, ты до сих пор не знал, что есть на свете влюбленный в тебя инспектор?

Гусев, когда закончил все свои дела, пригласил к себе Шестакова. Вспомнили Испанию, друзей, поговорили о делах. Комбриг рассказал много интересного. Оказывается, вместе с нашей военной делегацией он побывал в Германии.

— Как, в самой Германии? — изумился Лев.

— Ездили с Супруном на выставку авиационной техники, — пояснил Гусев. — Там нам показали Ме-109 новейшей модификации. Супрун даже летал на нем. В. Мессершмитт был в восторге от его высшего пилотажа. Пока Супрун летал, пригляделся я к окружению и увидел, кого бы ты думал? Ни за что не догадаешься. Курта Ренера. Того самого долговязого наглого фашиста, которого ты сбил в Испании.

— Не может быть?

— В наше время все может быть, дорогой Лева!

21 июня Лев с женой были в оперном театре. Далеко за полночь пришли домой. Дети давно спали, улыбаясь чему-то во сне, еле слышно тикал на столе накрытый фуражкой будильник — в воскресенье обходились без него.

Коротки июньские ночи. Только стали засыпать, как оба вздрогнули от резкого, надрывного завывания сирены, вслед за которым раздался громкий стук в дверь.

Лев встал с постели, открыл дверь. Перед ним стоял запыхавшийся посыльный:

— Товарищ майор, боевая тревога!

— Почему боевая? — не то прибежавшего, не то самого себя спросил Шестаков. — Просто тревога. Не в первый ведь раз…

— Не могу знать, товарищ майор, приказано поднять всех по боевой тревоге, — ответил посыльный и стал барабанить в соседнюю дверь.

Лев окинул сонным взглядом уютную, теплую комнату, мирно спящих ребятишек.

— Лева, надо собираться, — сказала Липа, подавая ему обмундирование. — Чемодан «тревожный» возьмешь?

— Да нет пока, если будем куда-то выезжать, заскочу…

Война! Услышав о страшной вести, новый комполка Марьинский, Верховец, Шестаков, да и все в полку не сразу осознали всю неотвратимость случившегося. Думалось, что все еще как-то образуется, утихомирится. Однако не сидеть же сложа руки, надо что-то предпринимать. Боевой испанский опыт подсказал Шестакову: первым делом — рассредоточить и замаскировать самолеты.

Работа закипела. Через час-полтора аэродрома вроде бы и не существовало: самолеты слились с окружающей местностью. Часть машин надежно укрыли в посадках, остальные перегнали на другие площадки, где так же тщательно замаскировали.

Лев произвел облет всех «точек», вернулся, доложил, что с воздуха ничего обнаружить нельзя.

Марьинский выслушал его внимательно, похвалил. Шестаков обратил внимание на происшедшие в нем за короткое время разительные перемены: он выглядел уставшим, старше своих лет.

«Уж не заболел ли командир? — подумал Лев про себя. — Это совсем некстати».

В полку состоялся митинг. Открыл его Верховец. Он предоставил слово Марьинскому. Когда его выступление подходило к концу, в небе послышался гул. Шестаков взглянул вверх и обомлел: четким строем, без всякого прикрытия, на город шли «хейнкели».

— Товарищ командир, немцы! — крикнул он. — Разрешите взлет…

— Всем немедленно в укрытия! — прозвучало в ответ.

Через несколько минут на город посыпались первые бомбы. Их разрывы все ближе и ближе к аэродрому. Вот уже на самом его краю взметнулись первые султаны поднятой вверх земли.

— Напрасно вы не разрешили мне вылет, — сказал Шестаков командиру полка.

— Что ты один сделаешь, Лев? — ответил Марьинский. — Только аэродром демаскируешь.

— Да они же без прикрытия. На них парочку истребителей…

— Парочку против такой армады? — перебил Марьинский.

— Конечно, больше — лучше, но для начала и хорошей парочки хватило бы…

— Ну, ну, — неопределенно протянул командир.

«Хейнкели» ушли, все вокруг утихло. На зеленом травяном покрове аэродрома черными глазницами войны зияли воронки от фугасок.

Мотористы, механики быстро их засыпали и утрамбовали.

Марьинский вызвал к себе Шестакова:

— Во главе звена пойдешь на разведку. Нам пока ничего не известно о противнике.

Конечно же, с таким первым боевым заданием лучше всех мог справиться только Лев!

Прежде чем стартовать, он проинструктировал своих ведомых младших лейтенантов Карпенко и Федотова:

— Детально проверьте кабинное оборудование, убедитесь в полной заправке горючим, в наличии боекомплекта… — Немного подумав, добавил: — На всякий случай снимите оружие с предохранителей.

Сначала звеном прошли вдоль берега моря, потом над Днестровским лиманом к Кишиневу, выскочили к советско-румынской границе. Там они ужаснулись увиденному: сломив сопротивление малочисленных пограничных отрядов, армада вражеских войск лавиной наступала широким фронтом по пылающей молдавской земле.

Он дал сигнал покачиванием крыльями: приготовиться к штурмовке. Уже начал было вводить самолет в пикирование и вдруг увидел перед собой группу самолетов с алыми звездами на бортах. Внешне похожи на наши СБ. Идут четким строем со стороны врага. Никто их не обстреливает, не атакует. Что за чертовщина?! Лев даже, приподняв очки, протер глаза: не померещилось ли ему? Нет, действительно, на бортах яркие алые звезды. Но что-то неуловимое для глаза настораживает в конфигурации самолетов. Присмотрелся повнимательнее: так это же Ю-88! Ловко замаскировались подлецы!

Лев первым ворвался в строй «странных СБ». Его ведомые в первый момент растерялись: что это, мол, с командиром, на своих набросился? Но увидев, как Шестаков решительно поджег одну из машин, и, поняв, наконец, в чем дело, тоже ринулись в атаку.

Бомбардировщики Ю-88 срочно ретировались, сбросив бомбы на свою живую силу и технику.

«Какими были негодяями — такими и остались, — гневно думал Шестаков на обратном пути, — надо быть крайне осторожными — от фашистов всего можно ожидать».

Итак, новый личный счет сбитых фашистов открыт. Теперь уже в своем, родном небе. Что же, боевое мастерство, если оно есть, даром не пропадает, в нужную минуту выручает того, кто им овладел.

Однако особой радости от этой победы Лев не испытывал, ее приглушало сознание, что все еще только начинается, впереди бесконечная цепь жестоких схваток, и как все сложится дальше — никто не может предсказать.

Лев отправился на доклад к Марьинскому, у которого находился и Верховец. Оба внимательно его выслушали.

Привезенные звеном разведданные тут же были переданы в штаб ВВС.

— Значит, немец свои самолеты под наши маскирует? — спросил затем командир.

— И притом довольно искусно, — ответил Лев. — Если бы я не был знаком с этими Ю-88, мы бы мирно разошлись с ними, и на Кишинев обрушились бы сотни бомб.

— Но ведь в твоем положении может оказаться любой другой летчик, не знающий немецкой техники, — сказал Верховец.

— Я думаю об этом. Нужно провести с летным составом специальное занятие.

— И немедленно, сейчас же, — приказал Марьинский, — мы с комиссаром тоже послушаем.

Только начали занятие — снова налет на город, морской порт. Теперь уже все поспешили не в убежище, а к самолетам. Взлетали прямо из укрытий. Михаилу Асташкину в этом вылете удалось сбить «Дорнье-215» — самолет-разведчик, фотографировавший порт.

Командир 69-го истребительного авиационного полка майор Лев Шестаков. Одесса, 1941 г.

Шестаков снова собрал летчиков на занятие. По поручению командира и комиссара тепло поздравил Асташкина с первой победой.

Занятие закончилось затемно. Ужин на аэродром привезли поздним вечером. Поев, летчики и техники расположились на отдых прямо под замаскированными самолетами.

Завершался первый день войны.

Там, где раньше ореолом отсвечивали в небе электрические огни красавицы Одессы, теперь была сплошная темнота.

Засыпали с надеждой: утро принесет добрую весть о том, что наглый враг по всей границе остановлен и отброшен назад. Но тогда не суждено было сбыться этим мечтам…

В направлении Одессы действовали в основном румынские войска. Немецкое командование требовало от них захватить приморскую жемчужину Украины одним ударом восемнадцати дивизий. Антонеску на 10 августа назначил парад своих войск в Одессе. Упорное сопротивление советских бойцов вынуждало незадачливого пособника Гитлера переносить дату парада на 20, 25 августа, 1 сентября…

Наши передовые части на рубеже от Рени до устья Дуная не только не дали захватчикам продвинуться вперед, но даже, высадив на правый берег реки десант, выбили их из города Килия-Веке. Тогда впервые по всему Южному фронту прошла слава о пограничниках подполковника Саввы Игнатьевича Грачева и бойцах 25-й Чапаевской дивизии генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова. В первые дни войны им удалось захватить в плен около 800 вражеских солдат и офицеров.

Почти месяц держали прочную оборону пограничники и чапаевцы. Это были дни исключительной отваги и мужества, невиданного героизма. Наследники славы запорожцев Северина Наливайко, гренадеров Александра Суворова и Михаила Кутузова, конников Григория Котовского, защитники южных рубежей нашей Родины стояли насмерть, поражая врага своей стойкостью, беззаветной храбростью, бесстрашием.

Отважные десантники грудью сдерживали натиск врага, и лишь 19 июля им пришлось оставить Килию-Веке, отступить на левый берег Дуная.

Действия наземных войск активно поддерживали Черноморский флот и 21-я смешанная авиационная дивизия, в которую входил и 69-й истребительный полк. Его летчики вылетали на боевые задания с полевых аэродромов Жовтнево, Мариново, Черногорка, Чижово, Цевриково и с семи площадок, расположенных на окраинах Одессы.

Льву Шестакову, помимо вылетов на боевые задания, приходилось организовывать боевую работу со всех «точек». Очень часто он отправлялся

на тот или иной аэродром с Верховцом. И порой трудно было разграничить, где начинались и кончались их обязанности: оба отлично летали, умело сражались, могли зажечь подчиненных героическим примером и ярким словом. Верными помощниками им были комиссары эскадрилий Маковенко, Пискунов, Дубковский, Куница.

…Идет третья неделя войны, а Льву ни на одну минуту не удалось вырваться домой. Время от времени в город наведывается старшина полка Кацен. Он передает приветы семьям, а от них привозит свертки, пакеты, узелки, в которых заботливые жены передавали курево, мыло, белье.

Вскоре пришла и первая боевая потеря: младший лейтенант Карпенко погиб в неравном бою над Тирасполем. А через два дня погиб при выполнении боевого задания командир звена младший лейтенант Иванов. 29 июля над Аккерманом был сбит Рожнов…

В каптерке у Кацена все больше и больше собиралось неврученных передач от родственников из Одессы. Федотов, Иконников, Гуманенко, Ольховский, Семенов, Засадкин, Сидоров… Редеют ряды летчиков. Они уходили на задания и не возвращались… Это не могло не сказываться на настроении летчиков.

В этот период невосполнимых тяжелых потерь Николай Андреевич Верховец, секретарь полковой партийной организации старший политрук Константин Пирогов, пропагандист полка Борис Гловацкий, комсомольский вожак полка Алибек Ваниев, комиссары эскадрилий старались держать в поле своего зрения буквально каждого летчика, чтобы вовремя поддержать, подбодрить, поднять боевой дух.

Как-то в один из этих трудных дней в полк прибыл новый командующий ВВС округа генерал И. Катров — тоже бывший «испанец». Он пригласил к себе Верховца.

— Николай Андреевич, не думали ли вы над тем, что руководство полка нуждается в укреплении? — спросил он без обиняков.

— Если речь идет обо мне, — спокойно ответил комиссар, — то я по-прежнему готов сражаться рядовым летчиком.

— Нет, не о вас. Вы на своем месте. Вопрос стоит о командире полка. Он не совсем здоров, а потому малоактивен. А обстановка требует человека более энергичного.

— Есть такой человек, — твердо сказал комиссар, — Лев Шестаков!

— Я рад, Николай Андреевич, что ваше мнение совпадает с мнением Александра Ивановича Гусева. Сдавая мне дела, он сказал, что лучшей кандидатуры на должность командира полка не знает.

С тем он и уехал. О его разговоре ничего никому известно не было. И когда 16 июля пришел приказ о назначении майора Шестакова командиром

полка — для него самого новость эта явилась неожиданной.

Подумать только — в 26 лет командир полка! Да еще не где-нибудь, а в Одессе, которой предстоит долгая оборона. Ведь Молдавия и Заднестровье уже заняты врагом. Приморская армия отрезана от главных сил Южного фронта. Город с обороняющими его войсками вот-вот будет полностью охвачен с суши. 69-й истребительный полк, вошедший в состав Приморской армии, стал, по существу, единственной боевой авиационной частью, прикрывающей Одессу.

Еще есть эскадрилья тихоходных МБР-2, возглавляемая майором Чебаником. На нее надежд мало, не та техника.

Так что ж, Лев Львович Шестаков, готов ты принять полк в столь ответственный период его только еще начинающегося боевого пути? Сумеешь ли оправдать возложенное на тебя высокое доверие по защите неба Одессы в час ее суровейших испытаний?

Лев подумал о Верховце, Кобелькове, Кунице, Асташкине, Елохине, Маланове, Серогодском, Топольском и других…

«С такими орлами горы свернем, перед любым вражеским натиском устоим!» — твердо сказал себе Шестаков.

Марьинский быстро сдал дела и убыл в распоряжение штаба ВВС. На плечи Льва взвалилась уйма непредвиденных им забот. Вот что рассказал о том, как он с ними справился, Алексей Череватенко в уже упоминавшейся нами книге:

> «Новый командир установил прочные связи с частями, обороняющими Одессу. С комиссаром Верховцом быстро установили еще более тесный контакт. Командир не в меру горяч, вспыльчив, он словно начинен взрывчаткой. Комиссар, наоборот, спокоен, нетороплив даже при решении самого трудного вопроса. Они как бы дополняли друг друга. К тому же оба великолепные летчики, любят летать.
>
> Порядок заведен железный. Закончен боевой день — собираемся подводить итоги. Командир и комиссар — рядом. Приятно видеть такую неразлучную пару. Разговор — о дисциплине, соблюдении уставов и наставлений. Много внимания мы уделяем изучению боевой техники врага, его тактических приемов. Родилась своего рода школа боевого опыта. Достойное место в нашей жизни занимала партийно-политическая работа».

…В то время, как Шестаков вникал в круг новых обязанностей, входил в роль командира полка, к нему из города Пятихатки, что на

Днепропетровщине, спешил человек, который станет надежным его сподвижником на всех фронтовых дорогах. Спешил этот человек не попутным транспортом, а на лично им управляемой, совсем еще новой белой «эмочке». Не короткий путь от Пятихаток до Одессы он прошел на предельной скорости, зная, что, если хоть немного задержится — не сумеет прорваться в окруженный город.

Вполне возможно, что этот человек был последним, сумевшим проскочить на легковой машине в Одессу: в день, когда он предстал перед Шестаковым, город был полностью блокирован врагом с суши.

Лев Львович еще и еще раз перечитывал врученное ему русоволосым, круглолицым парнем командировочное предписание и не верил своим глазам.

— Как вы, Василий Погорелый, к нам попали?

— Обычным путем — по шоссе.

— И вас не обстреляли?

— Ни разу.

— И немцев или румын не видели?

— Никого не видел.

— Ну, товарищ Погорелый, в таком случае ваша фамилия вам не соответствует. Вы скорее несгораемый.

Так бывший шофер директора пятихатской МТС стал личным водителем командира 69-го истребительного авиационного полка. Стал им потому, что с самого зарождения полка был приписан к нему как рядовой запаса.

Вася оказался сообразительным, разбитным малым. В не очень емком багажнике «эмочки» он умудрялся возить абсолютно все, что в любую минуту могло понадобиться командиру. Именно такой человек и был крайне необходим в боевой обстановке.

5 августа 1941 года пришла директива Ставки Верховного Командования:

«Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности».

Необходимость этого диктовалась тем, что в портах города сосредоточилась масса народнохозяйственных грузов, предназначавшихся для отправки на восток. Кроме того, Одесса приобретала значение как передовая база Черноморского флота.

На штурм черноморской твердыни фашисты бросили всю 4-ю румынскую армию. В целом восемнадцать пехотных дивизий и три

кавалерийские бригады, поддерживаемые более ста самолетами, штурмовали оборонительные рубежи Одессы протяженностью 250 километров.

А кто противостоял натиску врага? Отдельная Приморская армия в составе двух стрелковых дивизий и одной бригады, поредевший авиационный полк, немногочисленные корабли и части береговой артиллерии Черноморского флота.

19 августа был создан Одесский оборонительный район во главе с командующим контр-адмиралом Г. В. Жуковым. Жизнь города была полностью подчинена задачам его обороны. Шестаков как депутат горсовета хорошо знал, какой вклад вносят одесситы в защиту своего родного города. Достаточно сказать, что в основном их руками были созданы многокилометровые оборонительные сооружения.

20 августа враг начал новый штурм Одессы.

Эскадрильи 69-го полка к тому времени все собрались в Одессе, разместились на нескольких площадках. Комэски Асташкин, Капустин, Рыкачев фактически превращались в командиров звеньев. На 15 августа в полку осталось всего двадцать исправных самолетов. Но и с таким количеством техники летчики творили чудеса.

…Шестакову на стол легла радиограмма, из которой явствовало, что ожидается массированный налет на Одессу.

Он тут же во главе группы отправился прикрывать город. Разведданные оказались точными: вдоль береговой черты под прикрытием девятки «мессеров» следовали двенадцать «юнкерсов». Курс — на морской порт. А там как раз идет посадка эвакуирующихся семей защитников Одессы.

Силы неравные — восемь против двадцати одного. Но это ровно ничего не значит: враг не должен прорваться к цели.

Командир дает сигнал: пятерке связать боем «мессеров». Сам во главе тройки набрасывается на бомбардировщиков. Калейдоскопом закручивается воздушная карусель. Трудно уследить, где кто. Но каждый летчик видит свою цель, устремляется к ней, стремится уничтожить.

Первым подбивает «мессера» Алексей Череватенко. За ним — Елохин. Потянул за собой дымящийся хвост «юнкерс», подожженный Шестаковым. Все это происходит прямо над головами одесситов. Горожане с восторгом наблюдают за решительными действиями отважных соколов, чувство гордости переполняет их сердца.

Но вот один из наших истребителей сорвался в штопор, стал падать в море. Видеть гибель своего летчика — что может быть тяжелее, но к общей радости юркий И-16 у самой земли выровнялся, свечой взмыл вверх и снова вступил в смертельную схватку с врагами.

На земле при подведении итогов Шестаков высоко оценил действия Елохина и Череватенко, в деталях разобрал штопор Королева. В заключение слово взял Верховец.

— Поздравляя сегодня Алексея Череватенко с первой победой, я хочу от имени всех нас поздравить его и с рождением сына.

Раздались дружные аплодисменты.

— Череватенко, — обратился Шестаков, — как сына думаешь назвать?

— Не знаю еще…

— А чего тут думать? — раздались голоса. — В честь первой победы отца и назвать Виктором.

— Правильно, — одобрил командир. — Виктор — значит победитель!

Так получил свое имя малыш, рожденный в осажденной Одессе.

Чем упорнее оборонялись защитники города, тем ожесточеннее становился враг. С каждым днем он все больше сжимал свое зловещее кольцо. Обильно поливаемый кровью лучших бойцов, все больше сокращался одесский плацдарм. Фашисты лишили горожан электричества, затем, захватив водонапорную башню на Днестре, оставили их без воды. Сотни, тысячи снарядов, бомб обрушивали они на жилые кварталы, старые и заново сооруженные в Аркадии и на Золотом пляже порты.

Но город стоял, как утес, город не сдавался.

В эти дни почта, газеты доставлялись в Одессу морем из Севастополя. Верховец жадно набрасывался на газеты, которые были, как правило, одно-двухнедельной давности, дополнял вычитанное в них услышанным по радио и добытую таким образом информацию немедленно доводил до летчиков, техников, механиков. Однажды он принес на аэродром только что полученную «Правду», собрал в убежище всех свободных от полетов и громким, торжественным голосом стал читать передовую статью под названием «Защитники родных городов, родной земли». В ней шла речь о том, что героическая оборона Одессы так же, как и Ленинграда, Киева, является волнующим примером беззаветной любви к Родине и к родному городу, изумительным по силе проявлением массового бесстрашия и коллективного героизма.

— Неужели это о нас? — взволнованно спросил авиамеханик старшина Павел Бабкин.

— Да, именно вы, товарищи, — обратился ко всем комиссар, — каждую минуту, каждый час совершаете подвиги на этой многострадальной одесской земле! День ото дня редеют наши ряды. Нам все труднее и труднее выполнять свой воинский долг. Мы знаем, что помощи пока ждать неоткуда. Но мы должны выстоять! Этого требует Родина! — сказал Верховец.

— Выстоим, товарищ комиссар, — четко, по-солдатски ответил Бабкин, — не было меж нас ненадежных и не будет!

— Ну вот, Павел Михайлович, вы сами ответили, за что заслужили вместе со своими товарищами такую высокую оценку.

После беседы Верховец зашел в штабную землянку, чтобы разузнать у начальника штаба о складывающейся общей обстановке.

Никитин был необычно мрачен, взволнован.

— Что случилось, Виктор Семенович?

— Что случилось? Лучше бы ты не спрашивал…

— Да что же произошло?! — встревоженно переспросил комиссар, предчувствуя беду.

— Боюсь и говорить. Может, еще все не так. Группа вернулась без Шестакова. Докладывают, что при штурмовке зенитка его подбила.

— Где же это случилось?

— Над Дофиновкой…

Верховец вихрем выскочил из землянки, бросился к своему самолету, технику на ходу сказал:

— Пойду на поиски командира.

Взлетев, он ушел в район Дофиновки. Был комиссар хладнокровен, расчетлив, выдержан, не мог он ни за что, ни про что попасть впросак. Но предусмотрительный Никитин все же отправил вслед за ним еще пару истребителей.

К счастью, все обошлось относительно благополучно. Шестаков вскоре сам прибыл на аэродром. Его самолет был серьезно поврежден зенитной артиллерией, но он дотянул до своей территории, произвел вынужденную посадку. Причем самолет буквально развалился: отлетела вся хвостовая часть.

В полк совершенно неожиданно прибыло пополнение — летчики-черноморцы из Крыма во главе с командиром эскадрильи капитаном Федором Ивановичем Демченко.

В красивой форме морской авиации, бравые, подтянутые, они сразу произвели на Шестакова хорошее впечатление. Он познакомился с заместителем комэска капитаном Василием Вольцефером, комиссаром Валентином Маракиным, летчиками. С эскадрильей морских истребителей прилетели также и четыре штурмовика.

Все молодые, крепкие парни. Правда, без боевого опыта — воевать им еще не довелось. Но они пригнали в полк еще семнадцать вполне исправных самолетов. Этому-то Шестаков не мог не радоваться. Предстояли еще более жестокие бои, и такое подкрепление было как никогда кстати.

Лев Львович дал черноморцам один день для отдыха и знакомства с летчиками полка, а затем начал постепенно всех втягивать в боевую работу. Однажды решил им лично показать, как надо расправляться с фашистскими захватчиками. Когда с постов наблюдения поступило сообщение, что к аэродрому приближается группа вражеских самолетов, он во главе звена вылетел им наперехват. Оказалось, что на три «ишачка» пришлось девять «мессеров».

Но Шестакова не испугаешь. Он дерзко бросился в атаку. Горячая схватка длилась минут пять. Два «мессера» рухнули на землю. Но тут откуда ни возьмись на нашу тройку навалилось еще пять Ме-109. И сразу же подожгли самолет ведомого Педько. Он вышел из боя, нашей паре грозила тоже беда, да и снаряды уже заканчивались, пришлось хитростью вырываться из неприятельских клещей.

Приземлился Шестаков расстроенным: показал, называется, воздушный бой! Хорошо, что хоть Педько сумел дотянуть до аэродрома. Правда, он окончательно угробил машину, но зато сам остался жив.

Немного успокоившись, Шестаков стал анализировать, почему так получилось? Вспомнил, что подобная ситуация была и в Испании. И еще там все пришли к выводу, что тройка — не лучший вариант для ведения боя. Почему же забыт этот опыт? Ведь если бы сегодня он вылетел двумя парами, да одну из них послал на высоту, где таилась эта проклятая пятерка «мессеров» — все было бы иначе…

Зажатый на узкой полоске одесской земли полк жил не только боевой, но еще и творческой, новаторской жизнью. Это было в характере Льва Шестакова, таким был его командирский стиль.

Прибывшее пополнение повысило боеспособность полка. Меньше стало жертв, больше побед. Даже летчики эскадрильи Демченко, захваченные общим азартом, начали открывать счет сбитых фашистов. А что касается звена штурмовиков лейтенанта Кутейникова, то они с первых вылетов проявили себя настоящими молодцами. Их «илы» стали ударной силой полка.

Положение, однако, складывалось критическое. Ставка перебросила в Одессу с Кавказа 157-ю стрелковую дивизию. В пути находились и другие части. Наши воины нанесли удар по румынам с тыла. Одновременно войска Одесского гарнизона перешли в наступление с фронта. Враг начал отступать, неся большие потери в живой силе и боевой технике. Одесский плацдарм расширился настолько, что в порт и из него, не подвергаясь артиллерийскому обстрелу, смогли свободно ходить корабли.

В эти дни 69-й истребительный полк совершал до 100 вылетов в день. Его хорошо выручило новое пополнение летчиков, в числе которых были

Головачев, Казаков, Бондаренко и другие. Они прибыли без самолетов, поэтому подменяли летчиков, изрядно уставших, измотанных. С первых вылетов показали свой бойцовский характер Павел Головачев и Василий Бондаренко. Они сумели первыми из вновь прибывших начать счет сбитым самолетам.

Последний аэродром — в Аркадии, у бывшего артиллерийского училища. С помощью горожан снесли часть парка, некоторые дома, убрали трамвайные линии. Получилось поле длиной 800 и шириной 600 метров.

Вокруг — город. Такого военного аэродрома никто из авиаторов еще никогда не видел. Но даже и в таких условиях командир и комиссар показывали летчикам образцы стойкости и героизма, нередко первыми вылетали на боевое задание. Так было и тогда, когда они парой поднялись и с рассвета ушли в район Дальника. Прошлись над передним краем, проштурмовали артиллерийские позиции, и тут, выходя из пикирования, Шестаков заметил черные точки на горизонте. Никак «хейнкели»? Сколько же их? Десять, двадцать? И кто знает, не идут ли они бомбить наш аэродром? Ведь недаром же несколько раз прошелся над ним вражеский разведчик, пока его, наконец, не сразил капитан Стребков. Оказалось, что это был итальянский «савойя-маркетти» с экипажем в три человека, двух из которых взяли в плен, а третий разбился — не раскрылся парашют. Итальянцы рассказали, что им была поставлена задача — обнаружить и сфотографировать аэродром. Часть доставленных ими в свой штаб пленок уже была обработана и дешифрована. Вполне возможно, что снимки эти уже переложены на штурманские карты экипажей «хейнкелей». Но даже если и не так, то пропустить врага к Одессе — не в правилах Шестакова.

Он проследил за Верховцом, увидел, как тот начал выходить из пикирования. Скорее, скорее, комиссар! Николай Андреевич в следующую секунду уже увидел Шестакова, подававшего ему крыльями сигнал: «Следуй за мной!».

Сам Лев решил еще поднабрать высоты, чтобы обрушиться на врага сверху, со стороны солнца.

Верховец — за ним. Уже оттуда, с высоты, увидел армаду вражеских бомбардировщиков.

Бойцовский азарт охватил истребителей. Сейчас будет схватка. Двое против двадцати!

Численное превосходство противника надо уметь компенсировать внезапностью, хитростью, неожиданным маневром.

Шестаков и Верховец множество раз в деталях обсуждали все возможные варианты действий пары в разных ситуациях. Главное сейчас —

не дать себя застать врасплох, застраховаться от неожиданных атак фашистских истребителей.

Командиру и комиссару не нужно было сговариваться, они понимали друг друга с полуслова на земле и в воздухе.

Шестаков, пропустив под собой бомбардировщиков, метеором бросился им вслед — сверху вниз. От его метких очередей запылали один, затем второй замыкающие самолеты. Строй сразу распался, фашистских летчиков охватила паника. Лев снова ушел ввысь, тщательно осматривая воздушное пространство вокруг, а «хейнкелей» уже атаковал Верховец. Так вдвоем, вращаясь вертикальной каруселью, они держали фашистов под непрерывным огнем и в то же время видели все вокруг, что позволило им поджечь четырех бомбардировщиков, остальных разогнать, повернуть вспять. А когда тем на выручку пришла четверка «мессеров», — вовремя уйти самим: снаряды кончились, ничего другого не оставалось. «Мессершмитты» яростно атаковывали смельчаков, мстя за поражение своей бомбардировочной эскадры. Не раз заходили в хвост краснозвездным «ястребкам», но те всякий раз из-под кинжальных трасс увертывались с какой-то дьявольской проворностью.

Когда приземлились, Шестаков, взглянув на машину комиссара, воскликнул:

— Как же ты летал — с нее ведь вся обшивка содрана!

Николай Андреевич оглянулся на свой истребитель и обомлел: вместо фюзеляжа был один голый скелет, с арматуры свисала обшивка.

— Береженого бог бережет, — невесело пошутил комиссар.

Полк продолжал героически сражаться, неся потери. Погибли, столкнувшись при атаке «юнкерсов» с планерами на буксире, капитан Стребков и лейтенант Щепоткин. Не стало Бакунина, Мирончука, Эсаулова. Их жизнь оборвалась в небе над Сухим Лиманом.

Трудно, очень трудно приходилось полку на его небольшом «пятачке». Все жили надеждой, что вот-вот произойдут какие-то изменения в лучшую сторону. Особенно надежды возросли после встречи с генералом Катровым. Он передал полку благодарность от командующего войсками Одесского оборонительного района контр-адмирала Гавриила Васильевича Жукова, от всего Военного совета, а затем сказал, что борьба за Одессу будет продолжаться, нужно удвоить, утроить удары по врагу, чего бы это ни стоило… «Истребители будут ходить конвейером, — решил Шестаков. — Летчиков сменять через каждые два-три вылета».

Новый этап борьбы полк разворачивал почти на последнем дыхании, собирал в единый кулак все свои силы.

Льву поневоле все это очень напоминало испанский финал. Только теперь он никак не хотел верить, что рано или поздно и тут ему придется отступить под фашистским натиском. «Не может, не должно этого быть!» — повторял он про себя.

А сердце подсказывало другое… Ведь враг уже взял Минск, Киев, начал блокировать Ленинград, пали Орел, Калинин, фашист рвется к столице нашей Родины — Москве. Ухудшилось положение наших войск в Крыму…

Как ни поверни — все складывается не в пользу защитников Одессы. Они, как и прежде, готовы продолжить сражение. Им бы только хоть немного подкрепления, и они стояли бы столько, сколько потребует Родина. Но события разворачивались по-иному.

Уже 30 сентября из Ставки Верховного Главнокомандования поступила директива:

> «…храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров».

Некоторое время после этого все держалось втайне. Во всяком случае в полку никто не знал о существовании такой директивы. И лишь 13 октября Лев Львович объявил полку срочный сбор. Он стоял перед строем неузнаваемый: ссутулившийся, побледневший. Только одни глаза горели гневом и решимостью.

Что случилось? Какая новая беда нагрянула на полк?

И вот в тревожной тишине звучат слова командира, которые больно слушать:

— Товарищи, наша боевая работа в Одессе закончена. Приказано срочно эвакуироваться в Крым. Для перелета командиром первой группы назначаю Алексея Череватенко. Вылет сегодня. Завтра отлет второй группы — капитана Демченко. Часть летчиков, не имеющих самолетов, инженеры, техники, механики, отправятся на транспортном самолете, остальные теплоходом. Начальник штаба Никитин улетит на учебно-тренировочном самолете с капитаном Елохиным…

Ровно в 14.00 стартовала первая группа Алексея Череватенко, взяла курс на Крым.

За нею ушел транспортный «вульти», когда-то восстановленный инженером Юдиным и техником Моисеевым. Его повел майор Рыкачев.

На следующий день взлетели последние самолеты, ведомые капитаном Демченко.

Истребители Шестакова с одиннадцатью алыми звездочками на борту — количество сбитых самолетов — и Верховца, с пятью звездочками, были разобраны и погружены на канонерские лодки. Сами они ушли вместе с Военным советом Одесского оборонительного района на торпедных катерах.

Прежде чем взобраться на катер, Лев по-братски обнял своего шофера:

— Василий, дорогой, езжай в порт, к теплоходу, на который грузится полк, встретимся в Севастополе. До свидания!

— До встречи, дорогой товарищ командир! Я еще повожу вас на нашей «эмочке», — ответил Василий.

Погорелый отправился в порт, нашел теплоход, где посадкой людей полка занимался старшина Кацен.

— Слушай, Даниил, помоги погрузиться с машиной.

— Вася, это исключается. Каждый метр площади, каждый килограмм груза на учете.

— Ну что ж, тогда до встречи в Крыму! — Василий взял под козырек.

— Ты куда? Бросай машину, кому она сейчас нужна! Садись, пропадешь же, — крикнул ему вслед старшина.

— Не пропаду, — заверил Погорелый. — Машину бросает последний шофер…

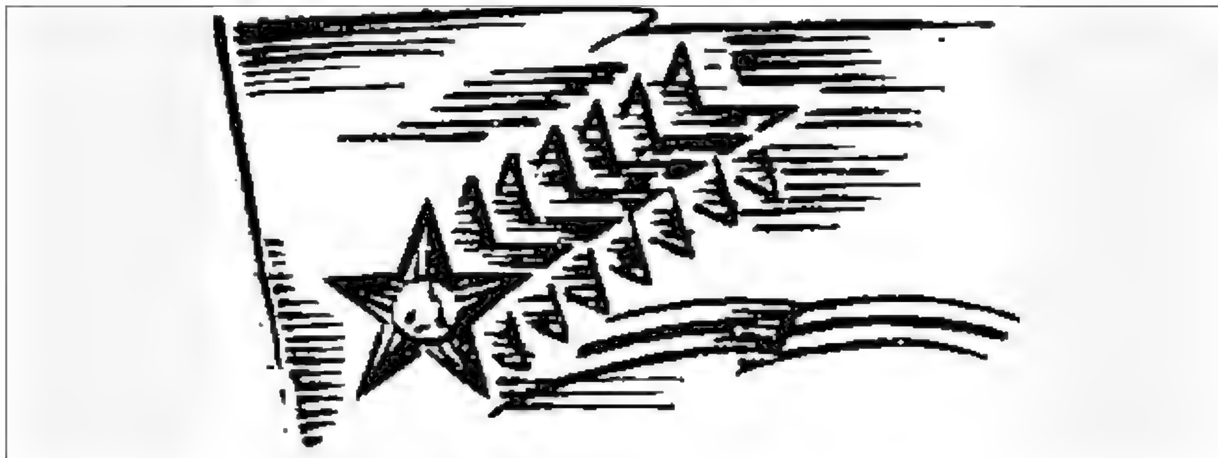
Авиационный полк, произведший с 22 июня по 14 октября 1941 года 6608 боевых вылетов, сбивший 94 самолета и три планера, уничтоживший до 30 самолетов на земле, а также большое количество другой боевой техники и живой силы противника, покидал город, за который отдали свою жизнь лучшие его воздушные бойцы.

Небо Одессы оставалось беззащитным. Но еще несколько дней вражеские летчики с большой опаской появлялись в нем, не веря, что их больше не встретят краснозвездные мстители — летчики-шестаковцы.

А командир и комиссар в это время в каюте торпедного катера подводили итоги одесской эпопеи, прикидывали, сколько техники и людей потребуется для восстановления полка.

Они были уверены, что из Крыма начнется наступление, в результате которого они снова вернутся в свою родную героическую Одессу…

НАГРАДЫ НАХОДЯТ ГЕРОЕВ

В каюте военного катера, который, словно щепку, бросало разбушевавшееся море, Лев Львович и Николай Андреевич чувствовали себя неуютно и беспомощно, как капитаны, лишившиеся своих кораблей.

Томительное бездействие после столь напряженной боевой жизни, сознание, что пришлось покинуть город, за который пролито столько крови, тревога за полк, за людей — все это огорчало, терзало, мучило.

— И зачем нас посадили на эту злосчастную посудину?! — возмущался Шестаков. — С полком куда легче было бы…

— Таким было решение командующего оборонительным районом, — ответил Верховец. — Он решил любой ценой сохранить весь руководящий состав для предстоящих боев в Крыму. Тут мы ничего изменить не могли.

— Руководящий состав сохранится, а где гарантия, что нам будет кем руководить? Доберутся ли летчики до Крыма? Вон какая погода — буря, ливень.

— Старшими групп пошли надежные люди, — попытался успокоить командира Николай Андреевич. — Думаю, все обойдется…

Но у него самого кошки скребли на душе. И неспроста. Уже первая группа во главе с Алексеем Череватенко приземлилась в крымском поселке Кунан, но без комиссара эскадрильи Дубковского. Ни сам Череватенко, ни Королев, Тараканов, Педько, Серогодский, ни другие летчики группы не видели, куда девалась его машина. Неужели что-то случилось над морем? Тогда никому уже не удастся узнать о последних минутах Дубковского.

Но в гибель его никто не хотел верить. Находчивый, решительный, любивший жизнь комиссар не мог уйти из нее вот так, незаметно.

Надеялись, придет транспортный «вульти», может, его экипаж знает что-либо, дающее основание считать Дубковского живым.

Но и «вульти» задерживался… Все страшно обрадовались, когда итальянский тихоход появился на горизонте. Это был его последний рейс: коснувшись земли, он начал на пробеге рассыпаться по частям. Хорошо хоть никто не пострадал. Майор Рыкачев, соскочив на землю и убедившись, что все живы и невредимы, прощально взмахнул рукой в сторону покосившегося полуразрушенного самолета, сказал:

— Спасибо, старина, ты свое отслужил…

Он тут же организовал эвакуацию «вульти» с летного поля: вот-вот должны прийти Блохин с начальником штаба на УТИ-4.

— Товарищ майор, — обратился к Рыкачеву Череватенко, — Дубковский, где-то отстал…

— Феодосий? Вот напасть-то. Ничего не видел. Может, где на вынужденную сел? Подождем до утра, а с рассветом можно на поиски отправиться.

Гибель летчиков в бою прибавляла многим седин, но воспринималась как неумолимая неизбежность. А вот с потерями случайными никак не могли примириться.

Такие жертвы Шестаков и Верховец не умели прощать ни себе, ни другим. После каждого случая принимали самые энергичные меры для повышения выучки летного состава. В результате подобные ЧП прекратились. И вот нет Дубковского… Да что-то и Блохин задерживается — ведь вечереет уже. На всякий случай решили пораньше включить прожекторы, чтобы их лучи стали своеобразными ориентирами.

Мрачные, расстроенные, отправились ужинать в наспех переделанную под столовую глинобитную мазанку.

Несмотря на трудный день, аппетит у всех плохой. У каждого одна мысль: где Дубковский, Блохин, Никитин? Живы ли?

Ужин подходил к концу. Рыкачев, Череватенко уже молча поднимаются с мест, и тут раздается скрип входной двери. Она открывается, и в ее проеме все видят здорового улыбающегося комиссара эскадрильи.

— Полгоры с плеч! — восклицает Череватенко, бросается к Дубковскому, начинает обнимать его.

— Откуда? — спрашивает Рыкачев.

— Пешком от Ак-Мечети.

— А где машина?

— Там осталась, целехонька, горючего нет.

— Значит, совершил экскурсию по крымской земле?

— Выходит, что так.

— Ну, молодец. Рад за тебя. Завтра заберем твой самолет, а теперь будем ждать Елохина с Никитиным.

— А что, и их до сих пор нет?

— В том-то все и дело, — снова помрачнев, ответил Рыкачев.

Наступил новый день и добавил переживаний: не пришла группа Демченко. Где она, что с ней стало — неизвестно.

Не пришла она ни на второй, ни на третий день.

17 октября отправились в Ак-Мечеть за самолетом Дубковского.

Заправили его горючим, Феодосий тут же взлетел. Кобельков с техником, механиком отправились полуторкой. Ехали мимо местного порта, остановились посмотреть. Как раз в это время в него вошел торпедный катер. Кобельков случайно глянул и обомлел: на палубе стояли Никитин и Блохин. Николай Яковлевич глазам своим не поверил, думал померещилось. Но нет, это они.

…Буря и ливень сделали свое дело — Елохин сбился с курса. Пока восстанавливал ориентировку — подошло к концу горючее. Пришлось искать, куда бы можно было приземлиться. Подвернулась песчаная коса. Шлепнувшись на нее, вылезли из кабин, куда ни погляди — море.

— Вот и стали мы робинзонами, — сказал далеко не веселым голосом Никитин. — Остановка только за Пятницей…

— Как бы вместо Пятницы сюда фрицы не пожаловали. Кто его знает, где мы сели, — ответил Елохин.

Было не до сна, всю ночь бодрствовали.

С рассветом отправились обследовать косу. Она оказалась довольно большим островом, заросшим чахлым кустарником.

Были в полной уверенности, что они одни. И вдруг из кустарника раздался выстрел и вслед за ним окрик: «Стой, кто идет?».

— Вот и Пятница объявился, — не удержался сострить Никитин и тут же громко отозвался: — Не стреляйте, мы свои!

Навстречу им с винтовками наперевес вышли четыре матроса, остановились в нескольких шагах:

— Кто вы?

— Летчики. Вот наш самолет.

— Вот это да — сама фортуна нам улыбается. Может, теперь перебросите к своим?

— Горючего нет.

— Жаль, — огорчились матросы. — Тогда будем вместе загорать…

Это был остров Джарылгач, южнее Скадовска. На нем уже побывали фашисты: привозили сюда на расстрел пленных.

Три дня два летчика и четыре матроса маялись на острове без воды и пищи, пока их случайно не заметили с нашего катера и не подобрали.

Елохин и Никитин были последними, кто прибыл в полк после перелета.

Группа Демченко пропала бесследно.

С заместителем командира Василием Вольцефером вылетели лейтенанты Скачков, Сапрыкин, Шевченко, Мягков. Они добрались до Крыма, но из-за нехватки горючего пришлось сесть на вынужденную. Вольцефер неудачно приземлился возле Евпатории, попал в госпиталь.

Шестаков предвидел, что при перелете неизбежно будут беды; и без этого малочисленный боевой коллектив еще более поредеет.

Но то, что он увидел в Севастополе, где в конце концов встретился с остатками полка, сразило его: перед ним предстала горстка осунувшихся, измученных летчиков, механиков, техников, инженеров и считанные, предельно изношенные, самолеты.

…Горькие спазмы начали душить командира. На глазах у него выступили слезы. Таким его видели впервые. До сих пор он был для всех воплощением воли и твердости, доходившей порой до жесткости. И никто не думал, что в жизни могут быть обстоятельства, от которых дрогнет и закаленное в боях сердце их командира.

Пока Шестаков справлялся со своим волнением, все стояли перед ним, опустив головы, мяли в руках шлемы, и было на душе такое чувство, будто они, оставшиеся в живых, виноваты в постигшей полк трагедии.

И только комиссар оставался внешне спокойным, уравновешенным. Твердым голосом он сказал:

— Мало нас осталось, но полк сохранен. Пополнимся — и снова в бой!

— Правильно, Николай Андреевич, — поддержал его Шестаков. — Помня о погибших, будем драться так, чтобы наше небо для фашистов стало пеклом. А сейчас — всем привести себя в порядок, почистить, поштопать, погладить обмундирование, помыться, подстричься. Возможно, нам будет устроен смотр. Нужно всем показать, что духом мы по-прежнему сильны.

Только вместо ожидаемого смотра пришел приказ сдать оставшиеся самолеты и через Керченский пролив отправиться в Закавказье.

Такой поворот дела Льва Львовича мало устраивал. Он был твердо намерен доукомплектовать полк техникой и личным составом и немедленно приступить к дальнейшим боевым действиям.

Однако высшему командованию было виднее, как поступить. И никто не должен был объяснять командиру, зачем со всех фронтов отправляются в далекие тылы различные части, в том числе и авиационные, мужественно выстоявшие в первые месяцы войны, прошедшие суровую школу самых

ожесточенных боев, накопившие большой опыт борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

В Ставке Верховного Главнокомандования, в Генеральном штабе уже видели зарницы Московской битвы. Там уже накапливали силы для будущих ответных сокрушительных ударов по ненавистному врагу…

— Ну что ж, боевые друзья, готовьте самолеты к сдаче, — объявил Шестаков, и опять к его горлу подступил предательский комок. Трудно, очень трудно было расставаться со своими родными «ишачками». Сколько на них проведено схваток, сколько одержано побед! И вот теперь надо с ними прощаться. Все понимали: пришло время пересаживаться на новую технику, на старую уже надежды нет. Но ведь столько связано с ней!

Верховец, умевший как никто другой улавливать общее настроение, сказал:

— Будь моя воля, я бы законсервировал несколько И-16, чтобы после войны установить их на пьедесталы и первый такой памятник соорудить в Одессе.

— Это было бы святое место для всех защитников неба Одессы, — поддержал его Дубковский.

Под руководством Кобелькова техники и механики привели своих «ишачков» в порядок, как могли, подлатали их. Собрали они и истребители Шестакова, Верховца.

И вот наступила минута прощания.

Командир и комиссар подошли к своим видавшим виды «ястребкам», украшенным алыми победными звездочками, погладили их борта, вышли на середину стоянки.

— Сегодня мы прощаемся с нашими боевыми самолетами — верными, крылатыми друзьями, — срывающимся от волнения голосом сказал Лев Львович. — Слава им, защищавшим одесское небо!

Шестаков и Верховец разрядили свои пистолеты, им эхом вторил весь полк.

Салют вам, славные, героические «ястребки»! Вы навсегда останетесь в сердцах тех, кого поднимали в бой ваши честные крылья!..

Машины под расписку принял представитель службы тыла Черноморского флота. Он прошелся по всей стоянке и в конце ее увидел два нигде не учтенные УТИ-4.

— А эти откуда? Почему не значатся в передаточной ведомости? — спросил строго.

— Мы их сдавать не будем, — твердо ответил Шестаков, — они нам самим пригодятся.

Дотошный представитель тыла извлек из бокового кармана какой-то документ, заглянул в него, протянул Шестакову:

— Тут сказано: принять всю имеющуюся в наличии авиационную технику.

— Считайте, вы всю и приняли, а эти две машины мы прихватим с собой.

Но офицер оказался несговорчивым. Он стал звонить в штаб. Оттуда приказали: забрать все. Выручил Кобельков.

— Эти машины за полком не числятся, — сказал он. — Мы прихватили их с аэродрома Одесского аэроклуба. Потому их нет и в передаточной ведомости.

— Это другое дело, — сдался представитель службы тыла. — Не числятся, значит, их нет в природе, тогда и говорить не о чем.

Молодец Кобельков, вовремя подоспел: Шестаков готов был вот-вот взорваться. Комиссар видел, как задвигались на его скулах желваки — недобрый признак. Спасибо, инженер выручил.

Учебно-тренировочные самолеты разобрали, погрузили на потрепанные скрипящие ЗИС-5, на них же уселся весь полк, и направились в Керчь к переправе.

У парома пришлось несколько задержаться, там была страшная толчея — скопилась масса войск.

Все волнуются, как бы не налетели фрицы, хотят первыми прорваться на паром. И вдруг поднялся какой-то шум, крик. Похоже, что кто-то пробивается к переправе без очереди. В дело вмешивается комендант — худой желтолицый капитан.

До Шестакова доносится громкий разговор:

— Почему ты погорелый, если целый и невредимый на своей машине удираешь с фронта?

— Да не погорелый я, это у меня такая фамилия, и не удираю, а свой полк догоняю.

— Что ты мне мозги вправляешь — погорелый, непогорелый, ну-ка поворачивай обратно, становись в хвост, а там разберемся, кто ты есть.

Шестакова вихрем вынесло из кабины. Он протиснулся между столпившимися солдатами, обрадовавшимся хоть такому развлечению, увидел перед собой Васю Погорелого рядом с белой «эмочкой», бросился к нему, начал обнимать его, тискать, что было сил, восклицая:

— Вася, дорогой, да как же ты пробился? Как же сумел? Я думал, что уже тебя не увижу, а ты живой, да еще с машиной.

Вася, никого не стесняясь, навзрыд, как мальчишка, плакал от счастья.

Комендант переправы, видя эти слезы, ордена на груди Шестакова, молча ушел, за ним разошлись и все остальные.

Лев Львович занял свое место в «эмочке», они с Василием проехали мимо учтиво расступившихся солдат, стали во главе своей колонны.

Все, как говорится, возвращалось на круги своя. Когда полк наконец погрузился на паром, Шестаков, устало откинувшись на спинку сиденья, попросил:

— Ну, Вася, рассказывай о своей одиссее…

…Расставшись с Каценом, Погорелый направился в порт, где грузилась на суда Приморская армия. Да по дороге спохватился: он же ведь забыл на аэродроме ящик с командирскими вещами! Лев Львович прихватил с собой только небольшой чемоданчик. Все остальное заколотил в ящик, предупредил Василия, чтобы он, если удастся, вывез его на «эмке».

Погорелый помчался в Аркадию.

Ящик в штабе нашел быстро. Вместе с ним захватил и тюк неразобранной почты — последней, доставленной из Севастополя. Погрузил все в машину, завел мотор, только тронулся — из-за угла выходит гражданский с немецким автоматом в руках:

— Стой, что везешь?

Василий растерялся, притормозил, незнакомец вышел на середину дороги, широко расставил ноги. И тут Погорелый увидел за его поясом массивную немецкую ракетницу. Мгновенно вспомнил, что в последнее время кто-то по ночам обозначал ракетами аэродром. Поймать его никак не удавалось…

Отпустил тормоз, до предела нажал акселератор, сбил с ног автоматчика и помчался вперед, стараясь побыстрее завернуть за угол кирпичного забора. Сзади раздалась ругань на немецком языке, а вслед за ней автоматная очередь полоснула по запасному колесу. Василий успел глянуть в зеркало заднего вида: фашист, схватившись за живот, корчился от боли.

Не веря тому, что ушел от верной смерти, Погорелый во весь дух несся в порт. Прибыл туда, когда последний танкер «Москва» со всем личным составом полка уже отчалил от берега. На краю кормы стоял Кацен. Он так его и не дождался…

Сплюнул Василий от досады, обошел «эмку», соображая, как ему быть. Потом сел за руль, помчался на Молдаванку. Он знал, где жил Стась, с которым успел подружиться. Довольно быстро нашел его. Тот оказался раненным в ногу осколком бомбы, лежал в постели.

«Не поможет он мне ничем», — решил про себя Василий, но все же рассказал о положении, в которое попал.

Стась велел матери позвать деда. Пришел сутулый, со сморщенным, загорелым до черноты лицом старик.

Стась заговорил с ним по-румынски.

«Отец матери», — догадался Погорелый.

Выслушав внука, старик молча пошел к выходу.

— Иди за ним, Вася, он поможет тебе. Прощай.

— До свидания, Стась! Я думаю, что мы еще встретимся. Спасибо, друг!

Дед сел в «эмку», и они двинулись в рыбацкий порт. Там в срочном порядке грузились остатки рыбных припасов на последние траулеры. Дед отдал этому порту сорок лет своей жизни. Поэтому одного его слова было достаточно, чтобы Погорелого вместе с его «эмкой» подхватил могучий кран и бережно поставил на усыпанную рыбьей чешуей палубу.

Вот так и добрался Вася, которого после этого рейса все в полку начали звать Несгораемым, в Севастополь, а оттуда уже в Керчь.

Командир слушал своего водителя и не находил слов, чтобы воздать должное его честности и преданности. «Действительно, — думал он про себя, — Вася из тех солдат, кто шилом борщ выхлебает».

Шестаков снял с руки купленные еще в Испании позолоченные швейцарские часы:

— Возьми, Вася, это от меня. При первой возможности представлю тебя к награде.

— Спасибо, товарищ командир, на всю жизнь сохраню…

«И сохранит, — подумал Шестаков. — Как «эмку» сберег, так и часы».

Перебрались на косу Чушка, съехали с парома, остановились.

Шестаков выскочил из кабины:

— Ну-ка, Вася, выгружай, что с собой привез из Одессы.

Погорелый откинул спинку заднего сиденья — там полным-полно копченой рыбы, сушеных бычков.

— Капитан траулера узнал, что я шофер Шестакова — приказал выдать самой лучшей рыбы, чтобы я обязательно вам вручил. Он еще сказал, что тысячу раз обязан вам своей жизнью и сохранностью траулера, потому что наши летчики не давали фрицам бомбить беззащитный рыбацкий порт.

— Ну что ж, спасибо капитану, попробуем его рыбки. А где же мои вещи?

Погорелый достал ящик и увесистую связку газет, письма.

Лев и подошедший комиссар сразу набросились на почту. Газеты оказались устаревшими, а вот письма — они, если не прочитаны, никогда не теряют своей новизны.

Кому достались письма — тот страшно обрадовался, когда же Верховец протянул конверт Шестакову — тот не сразу поверил, что и ему есть весточка.

— От Липы, почерк ее узнаю…

У Льва задрожала рука, потянувшаяся за конвертом. Как от Липы? Ведь 21 октября нашими войсками оставлен Донецк…

Медленно, осторожно, как будто в нем мина, вскрыл конверт, извлек письмо, прочитал его. На душе полегчало: семья вместе с отцом и матерью заблаговременно эвакуировалась в глубокий тыл. Вот только неизвестно куда, где их искать.

— Ну что ж, Вася, спасибо тебе еще раз. За письмо. Если бы не ты — я бы не знал, что с семьей…

Погрузка в железнодорожный эшелон заняла немного времени. Через два дня полк был под Грозным, в Гудермесе. Здесь всем предоставили месячный отдых. Расположились на окраине города, у базара. Именно это обстоятельство явилось причиной довольно крутых порядков, установленных Шестаковым. Базар — пестрый, многоязыкий и бойкий. Там было что угодно.

Полк прибыл из Одессы. Весть эта молниеносно облетела город, и стоило в нем появиться кому-либо из летчиков или техников — их тут же окружали местные жители. А на базаре сразу же подносили вино, персики, гранаты. Отказаться — обидеть людей.

Как-то дежурный по гарнизону капитан Карахан за такой «неотказ» объявил сержанту Филатову десять суток ареста. Пришлось срочно найти более-менее подходящий подвал, на скорую руку оборудовать его, приставить к нему караульного и посадить туда незадачливого сержанта.

Это было последнее ЧП такого рода в полку.

Назавтра вступил в действие жесткий распорядок дня: ранний подъем, физзарядка, завтрак, занятия до обеда и после него, ужин, политмассовая работа в вечерние часы, отбой. Все загружены до предела, хватало работы и командирам, и комиссарам.

Многим такая жизнь показалась значительно труднее, чем на фронте. А для Шестакова и Верховца — сложнее: надо было не дать людям расслабиться, позволить себе лишнее, ведь впереди ждала все та же война и силы требовалось сохранять, а не распылять.

Николай Андреевич собрал комиссаров эскадрилий, партийный и комсомольский актив.

— Семьдесят три дня обороны Одессы каждый наш солдат, сержант и офицер, каждый коммунист и комсомолец служил образцом выполнения своего воинского долга, — сказал он. — Некоторые думают: сейчас можно

дать себе послабление. Только думать так — значит забывать, что на нас смотрит народ. Смотрит и гадает: а какие же они, фронтовики, защитники наши? Вы понимаете, какая это для всех нас ответственность!

Полезным и волнующим получился этот разговор.

А закончился он несколько неожиданным предложением комиссара эскадрильи Феодосия Дубковского.

— В Грозный прибыли вещи наших погибших летчиков, — обратился он к Верховцу. — Я слыхал, что их собираются сдать на гарнизонный склад. А почему бы нам самим не отправить их родственникам? Адреса многих нам известны, а какие не знаем — майор Никитин поможет найти в документах. Напишем письма родителям, женам.

Николаю Андреевичу по душе пришлось это предложение. Он решил обговорить его с Шестаковым. Тот внимательно выслушал:

— Молодец Дубковский! Правильное предложение. Я заметил: вещи погибших со временем приобретают особую ценность. Они как бы хранят в себе тепло тех, кому принадлежали…

День, когда упаковывали и отправляли личные вещи отдавших свою жизнь в боях с фашистами летчиков, был на удивление тихим. Все занимались необычным волнующим делом: одни писали письма, другие сколачивали ящики для посылок, третьи выводили на них адреса.

В обычной обстановке летчиков, как правило, не заставишь в руки взять перо. Но здесь они с исключительным старанием описывали недолгую, но яркую боевую жизнь каждого своего товарища.

Когда грузили посылки, чтобы отвезти на почту, полк выстроился в почетном карауле. Стояли, не шелохнувшись, каждому казалось, что куда-то навсегда увозят частицу его самого и что они только сейчас навсегда прощаются со своими фронтовыми друзьями.

Удивительные перемены произошли после этого в полку. Все подтянулись, больше никто не появлялся небритым или в неглаженном обмундировании. В общежитиях навели идеальный порядок, в них нельзя было зайти, не почистив сапоги, не стряхнув с себя пыль.

Этого и добивался Шестаков. При такой организации можно заняться главным, что его заботило: изучением, анализом, обобщением боевого опыта, накопленного в Одессе.

Схватку за схваткой вспоминали летчики, разбирали свои ошибки и оплошности, обсуждали удачные тактические приемы.

Особенно много разговоров вызвал применявшийся в последние дни обороны разворот «Все вдруг!». Родился он следующим образом. Иван Королев однажды в сложной обстановке боя развернулся с предельно минимальным радиусом. И ничего не случилось: самолет от перегрузок не

рассыпался, в штопор не сорвался. Рассказал об этом Шестакову. Тот немедленно взлетел с Королевым, на высоте они опробовали новый разворот. Получилось. Красиво, четко, слаженно. Лев сразу оценил преимущества такого разворота: внезапность, лучшая групповая маневренность и, главное, для врага в новинку.

Не многие успели испытать этот новый прием, потому и разговоров о нем было немало: хотелось уточнить все детали.

Полк жил предстоящими боями. Фашисты под Москвой, и каждому понятно — главные сражения еще впереди.

Находясь в далеком Гудермесе, летчики, техники, механики твердо верили: враг будет разбит, победа будет за нами. Эту веру ничто не могло поколебать.

И когда пришел приказ следовать на переучивание в запасный авиационный полк в Кировобад, все несказанно обрадовались, воспрянули духом: скоро все они будут участвовать в решительной схватке с ненавистным врагом.

Командир запасного авиационного полка полковник Ветошников Владимир Порфирьевич, узнав, что шестаковцы привезли с собой учебно-тренировочные самолеты, готов был расцеловать их. Техники у него было мало, а полки с фронта поступали на переучивание один за другим. И каждый длительное время ждал своей очереди, чтобы «оседлать» новые машины. В итоге летчики теряли навыки техники пилотирования, что потом затягивало переучивание.

Ветошников быстро сдружился с Шестаковым; он любил волевых, требовательных и предусмотрительных командиров. Кроме того, его подопечные, томясь в ожидании, в отличие от других не причиняли Ветошникову ни малейшего беспокойства: дисциплина в полку поддерживалась образцовая, занятия по изучению материальной части ЛаГГ-3 проводились строго по расписанию, без каких бы то ни было срывов. Да к тому же и полеты проводят на своих УТИ-4.

Правда, всем изрядно надоела эта учеба. Как-никак фронтовики, прошли настоящую боевую школу в небе героической Одессы! Но не было новой техники — что тут поделаешь? Страна только начала форсированными темпами выпускать истребители ЛаГГ-3, более соответствовавшие требованиям войны.

Ветошников, видя, что и сам Шестаков, и его комиссар сгорают от нетерпения поскорее попасть на фронт, пообещал им ускорить переучивание полка. Это несколько приподняло настроение личного состава.

А 11 февраля 1942 года произошло событие, которого совершенно никто не ожидал.

В этот день, как обычно, пришли центральные утренние газеты. Развернули их — на первой странице крупным шрифтом набран Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу Красной Армии. За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство высокое звание присваивалось майорам Льву Львовичу Шестакову, Юрию Рыкачеву, летчикам полка капитану Михаилу Асташкину, старшим лейтенантам Агею Елохину, Алексею Маланову, Петру Полозу, Алексею Череватенко, лейтенантам Ивану Королеву, Василию Серогодскому, Виталию Топольскому, Михаилу Шилову, старшему политруку Семену Кунице.

Несколько позже пришел Указ о награждении орденами и медалями других летчиков, а также инженеров, техников, механиков полка.

Золотой дождь наград, внезапно выпавший на полк, был достойной платой за все перенесенные им невзгоды и страдания. Окрыляло сознание, что за его делами пристально следило командование. Каждому думалось, что в разыгравшейся всеобщей трагедии он — маленькая, незаметная песчинка, подхваченная штормовой бурей и влекомая по ее воле только ей одной ведомыми путями. Казалось, кому какое дело до каждой такой песчинки, исчезни она бесследно — никто даже не вспомнит. Ведь какая война идет! Сколько совершается подвигов, о которых никому не известно…

Многие воины полка были удостоены высоких правительственных наград посмертно. В том числе и летчики Михаил Асташкин, Семен Куница, Алексей Маланов, Виталий Топольский, Михаил Шилов — славные соколы, не знавшие страха в борьбе.

Золотые Звезды, ордена и медали от имени Советского правительства вручил в Баку Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. Первым к нему пригласили Льва Шестакова. Коренастый, подтянутый, со строгим, по-мужски красивым лицом, на котором отливали голубизной выразительные, широко открытые глаза, он четкой, пружинистой походкой сильного, знающего себе цену человека подошел к Председателю Президиума. Тот крепко пожал ему руку, лично прикрепил к его груди солнечно сверкавшую Золотую Звезду, поздравил, а потом, не сводя глаз с Шестакова, восхищенно сказал:

— Очень много слышал о ваших подвигах, именно таким и представлял вас себе.

Лев смутился, зарделся румянцем. Он впервые слыхал такие слова в свой адрес. Заметив это, председатель, чтобы приободрить его, сказал улыбаясь:

— Наши горцы считают, если сердце к заслуженной похвале не глухо — живет в нем большая сила духа.

И совсем уже по-свойски добавил:

— Так что, Лев Львович, и впредь вам ни пуха, ни пера, как говорят в России.

Осмелев, Шестаков почувствовал себя проще, свободнее:

— Спасибо за награду, за добрые пожелания, а мы уж постараемся дать немцам духу, чтобы от них не осталось ни пера, ни пуха.

Все присутствовавшие в зале — члены Президиума и летчики, инженеры, техники полка — засмеялись. И после этого вся процедура вручения наград проходила в очень теплой, непринужденной обстановке.

Когда вернулись из Баку — в полк прибыл из вышестоящего штаба полковник Яковенко. Высшей почести за воинскую доблесть был удостоен и полк, о чем все узнали, когда Яковенко на общем построении огласил привезенные с собой Указы.

Полк награждался орденом Красного Знамени, преобразовывался в гвардейский.

Родина достойно вознаграждала своих отважных защитников.

Не было предела ликованию людей. Они громко прокричали троекратное «ура», а потом, впервые нарушив дисциплину строя, горячо поздравили друг друга, обнимались, целовались, не скрывая слез радости.

Лейтенант Бровкин, адъютант Шестакова, тиская Погорелого, у которого на груди сверкала новенькая медаль «За боевые заслуги», громко говорил:

— Ну вот, Вася, и ты в свои Семихатки вернешься героем-гвардейцем! Пропали там все девчата!

— Да не в Семихатки, — ответил Вася, — а в Пятихатки. И девчата мне ни к чему. Женат ведь я. Жена с отцом эвакуировались, не знаю, где они сейчас.

— Ну ладно, девчат снимем с повестки дня. А вот насчет хаток… Тут уж извини, подумаешь, одной меньше, одной больше…

В строю заулыбались довольные этой простой, доброй шуткой.

И вдруг все смолкло.

На плац, развеваясь на ветру, выплывало алое гвардейское знамя. Под восторженное «ура-а-а!» Яковенко вручил его Шестакову.

Начался митинг. Верховец первым предоставил слово Герою Советского Союза Юрию Борисовичу Рыкачеву — комиссару эскадрильи, человеку, прошедшему рядом с Шестаковым путь от Ростова-на-Дону до Кировабада.

Юрий Борисович произносил взволнованную, зажигательную речь, не предполагая, что выступает в этом полку в последний раз.

Завершал митинг Шестаков.

— Поклянемся, что мы пронесем это священное знамя до полного разгрома фашизма, под его сенью, не щадя своей крови и самой жизни, будем умножать гвардейскую славу. Пусть это знамя ведет нас от победы к победе, пусть оно станет символом беспредельного мужества и героизма, вдохновляя не только нас, но и наших сыновей, внуков, правнуков.

Лев Львович подошел к гвардейскому знамени, опустился на левое колено, поймал трепетавшее на ветру алое полотнище, прижался к нему губами…

Отныне все дела и помыслы каждого так или иначе связывались с этой самой дорогой сердцу святыней, Каждый будет о ней думать всегда и везде, стремясь не запятнать, не уронить чести авиаторов-гвардейцев.

…Еще через день пришел приказ, взбудораживший весь полк: 69-й истребительный разделялся на два полка. Один из них — возглавляемый Шестаковым — превращался в 9-й гвардейский Краснознаменный Одесский истребительный. Второй — имел номер, но все остальные титулы ему еще предстояло завоевывать. Чести командовать им удостоился недавно назначенный заместителем Шестакова Юрий Борисович Рыкачев. Комиссаром к нему пошел Феодосий Дубковский, комсоргом — Алибек Ваниев.

Подобрать руководящий состав было не столь сложно. А вот из летчиков, инженеров, техников, механиков никто не хотел уходить от Шестакова. Шли к нему целыми группами, писали длинные рапорты-петиции. Лев их понимал. Он и сам вряд ли смог бы уйти из полка, с которым столько связано. Но надо понимать и другое: полк разделяется надвое, чтобы на базе его сформировать две новые равнозначные части. Герои Одессы станут в них цементирующей силой. С этим-то нельзя не считаться.

Шестаков вместе с Верховцом и Никитиным занялись отбором людей. Сразу условились: поскольку они втроем остаются на своих местах, отдать Рыкачеву лучших, на которых он мог бы опереться при работе с пополнением.

Затем собрали всех, кого наметили, тепло, задушевно поговорили с ними. Вроде бы помогло — никто не просил оставить в полку, однако расставание было все же грустным.

Ушли к Рыкачеву летчики Череватенко, Песков и другие. Ушел инженером полка и лучший из авиатехников Федотов, забрали в дивизию на повышение Кобелькова. Очень тяжело было его отпускать — он ведь на все

руки мастер, непререкаемый авторитет в инженерно-технической службе. Но такие специалисты требовались и там. Его место занял майор Дмитрий Спиридонов.

Встал вопрос и о достойной замене Алибеку Ваниеву. Посудили-порядили и решили остановиться на Дане Кацене. Коммунист. Прекрасно показал себя на должности старшины полка. Завоевал хороший авторитет, его все уважают. Он знает людей, они его тоже — ему, как говорится, и карты в руки.

Итак, на базе одного сформировалось два истребительных авиационных полка.

В честь такого знаменательного события полковник Ветошников нашел возможность побыстрее переучить шестаковцев.

— Отправляйтесь на аэродром переформирования, — объявил он им, — там вас ждут новенькие ЛаГГ-3…

О том, как 9-й гвардейский прибыл в новый город, рассказал в книге «Боем живет истребитель» дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Н. М. Скоморохов. Там ему довелось быть курсантом. Вот, что он пишет:

> «Как-то мы услышали звуки духового оркестра, доносившиеся издалека. Удивленные, высыпали на улицу, увидели колонну, приближавшуюся к городу. Что это значит? Кто идет?
>
> Колонна — ближе, ближе. Умолк оркестр. И тут же в небо взлетела песня:
>
> Все выше и выше, и выше
> Стремим мы полет наших птиц…
>
> Когда колонна подошла к нам, мы увидели совершенно необычную для этих мест картину: четким строем шли летчики-фронтовики, грудь их украшали многочисленные ордена и медали. Впереди — коренастый, с волевым лицом, в красивой довоенной авиационной форме командир, Герой Советского Союза.
>
> — Шестаков, гвардейцы-шестаковцы! — разнеслось между нами.
>
> Это был прославленный в боях за оборону Одессы 69-й, теперь 9-й гвардейский истребительный полк майора Льва Львовича Шестакова. Он прибыл к нам на переучивание после напряженных боев в Крыму. О героических делах шестаковцев

писалось тогда в газетах, к нам доходили слухи об их беспримерном мастерстве и мужестве.

Но то, что мы увидели сами, превзошло все наши ожидания. Полк, переживший оборону Одессы, потерявший добрую половину людей, предстал перед нами, как на параде — все в новом обмундировании, начищенных до блеска сапогах, побритые, подстриженные, чеканя шаг, шагают с бодрой маршевой песней.

Какой высокий моральный дух! Разве можно было поверить, что эти люди пережили страшную трагедию отступления? Весь их вид, все их поведение свидетельствовали о несломленной воле, о неистребимом стремлении к победе.

Перед моими глазами и сейчас стоит Лев Шестаков — русоволосый, среднего роста, крепко сбитый, подтянутый, с энергичными, но экономными движениями рук, четко поставленным голосом. При нечастых встречах с ним мы, молодые, переходили на строевой шаг, а в свободное время только и говорили о нем, о его людях. О них говорил весь гарнизон. Такова сила, таково влияние на умы и сердца настоящего мужества, подлинного героизма».

Николай Михайлович Скоморохов мало видел Льва Львовича Шестакова, но сохранил в своем сердце его образ на всю жизнь. Он был для него путеводной звездой на всем трудном и длинном пути от Кавказских до Альпийских гор.

На новом месте провели месяц — ровно столько, сколько потребовалось, чтобы все освоили новый фронтовой истребитель ЛаГГ-3. Машина по сравнению с «ишачком» оказалась тяжеловатой и весьма строгой на посадке. Не обошлось без поломок.

Но в конце концов все образовалось. Все успешно сдали зачеты по технике пилотирования и боевому применению ЛаГГ-3.

Полковник Ветошников поздравил весь личный состав с успешным переучиванием на новую материальную часть и вручил Шестакову пакет. Он вскрыл его, прочитал.

Это был приказ, согласно которому полк направлялся под Харьков — в один из районов, где в это время разворачивались напряженные сражения.

Короткий митинг. Посадка в эшелон.

Прощай, Азербайджан!

Военная дорога вела полк навстречу новым грозам…

И СНОВА В БОЙ

«Боевая характеристика на командира 9-го гвардейского Краснознаменного Одесского истребительного полка 268-й ИАД 8-й воздушной армии Сталинградского фронта подполковника Шестакова Льва Львовича.

В должности — с августа 1941 года.

Приказ о назначении — от 10.8.41 г.

На Сталинградском фронте — с августа 1942 г.

Ранений и контузий не имеет.

Награжден орденами Ленина, двумя — Красного Знамени, Герой Советского Союза.

Летает на самолетах: УТИ-1, УТИ-4, И-16, ЛаГГ-3, Як-1, Як-7.

Имеет 210 боевых вылетов, 183 часа налета.

С начала войны лично сбил 15 самолетов противника. Тов. Шестаков за время пребывания в дивизии проявил себя требовательным, грамотным командиром полка. Летать любит, систематически выполняет боевые задания, в результате чего приобрел большой авторитет и любовь у всего личного состава. В 1941 году возглавляемый им полк героически защищал Одессу, произвел 6608 боевых вылетов, сбив 94 вражеских самолета.

В полку награждено 181 человек, воспитано двенадцать Героев Советского Союза.

Сам Шестаков в воздушных боях старается навязать врагу свою инициативу, проявляя при этом мужество и храбрость,

личным примером прививал эти качества своим подчиненным. На Сталинградском фронте умело организует боевую работу полка, что дает высокую эффективность борьбы с противником.

Каждый воздушный бой тов. Шестаков подвергает тщательному анализу, благодаря чему летчики постоянно совершенствуют свою выучку. В полку тщательно изучается накапливаемый боевой опыт, из которого извлекаются тактические выводы.

На Сталинградском фронте полком сбито 54 самолета. Произведено 738 боевых вылетов. Л. Л. Шестаков, совершив 31 боевой вылет, уничтожил 6 самолетов.

Тов. Шестаков — отличный, смелый и решительный летчик, умелый командир, беззаветно преданный своей Социалистической Родине.

Командир 268 ИАД

Полковник Сиднев.

31 декабря 1942 года».

Ниже этой подписи синим карандашом крупным размашистым почерком написано:

«Хороший боевой командир, отлично летает, много дерется.

Командующий 8 ВА

генерал-майор авиации Хрюкин».

Казалось, слава сама катилась за Шестаковым и его летчиками. Но так подумать мог только посторонний человек, узнавший лишь о конечных результатах боевой деятельности полка.

На самом же деле любой, даже самый незначительный успех давался ценой огромных усилий командира, комиссара, партийных и комсомольских активистов, всего личного состава.

Под Харьков полк прибыл 15 июня 1942 года. Там наши войска как раз потерпели серьезную неудачу, требовалась срочная помощь.

Гитлеровская авиация безраздельно господствовала в воздухе. Немецкое командование, стремясь развить свой успех, в период с 10 по 26 июня одну за другой провело операции на волчанском и купянском

направлениях, в итоге чего войска левого крыла Юго-Западного фронта после тяжелых оборонительных боев были вынуждены отойти за реку Оскол.

Волею судьбы 9-й истребительный авиационный полк снова очутился на одном из самых горячих участков фронта.

Это предопределило и возложенную на него боевую нагрузку: драться приходилось без устали, моторы ЛаГГ-3 практически целыми днями не выключались. Над полевым аэродромом Покровское не успевала оседать поднимаемая винтами пыль.

Летали активно, а вот результаты были малоутешительными: счет сраженных врагов почти не увеличивался, а сами потери несли.

Немец вел себя в воздухе нагло, самоуверенно, как бы чувствуя свою полную безнаказанность. Это Шестакова приводило в ярость. Он никак не мог примириться с таким положением, настойчиво искал выход из него.

На соседнем аэродроме стоял полк Героя Советского Союза Н. Герасимова. Он сражался здесь продолжительное время. Шестаков решил вместе с Верховцом навестить его, поговорить с командиром, людьми, обменяться с ними опытом.

В беседе Герасимов нарисовал далеко не утешительную картину.

— Во-первых, — сказал он, — у фашистов здесь впятеро больше самолетов, чем у нас. Техника у них более совершенна. Вы же летаете с пассатижами за голенищами? — обратился он к Шестакову.

— Да, приходится. Кнопку шасси на их выпуск иначе не вытянешь из гнезда, если заест, — ответил Лев.

— Но это еще полбеды. Сковывает нас по рукам и ногам приказ об ответственности за потерю прикрываемых нами бомбардировщиков. Думаешь не о том, как уничтожить врага, а как не допустить его к своим подопечным. Вот и жмешься к ним вплотную, закрываешь их собой… Все это вроде правильно, беречь бомбардировщики надо. Ну, а как быть с нашей инициативой? Ведь без нее — нет истребителя!..

Да, поехали за опытом, а вернулись с хлопотами.

И еще кое-что, о чем рассказал Герасимов, как говорится, ни в какие ворота не лезло. Основным способом действий его полка был «круг» — при встрече с фашистами становятся друг другу в хвост и так охраняют один другого. Это была совершенно непризнаваемая Шестаковым оборонительная тактика. Он всегда и всюду только наступал, навязывал врагу свою волю. А тут — жалкий круг, оборона…

«Если таким методом действовать, — размышлял Лев Львович, — то далеко не уйдем. Однако не сидеть же сложа руки? ЛаГГ-3, хотя и

тяжеловат, но сравнительно неплохо вооружен, на нем можно помериться силами с обнаглевшими «мессерами».

— Николай Андреевич, — обратился он к комиссару. — Давай-ка тряхнем стариной, пойдем группой, устроим показательный воздушный бой.

— Пожалуй, это нужно сделать. Только вот что, Лев Львович, надо нам подумать, как лучше организовать руководство боем по радио.

— Я думал над этим, но ведь радио на «лаггах» неважное.

— Все равно надо приучать к нему людей.

— Согласен. У гитлеровских летчиков радио — первое дело. Кстати, надо нам как-то захватить Ме-109, проверить установленную на нем радиоаппаратуру, да и вообще рассмотреть эту птицу вблизи, а если удастся — и в воздухе опробовать.

— Вот и задача определилась на вылет, — сказал Верховец, — провести показательный бой, захватить «мессера».

— Ну, что ж, комиссар, давай готовиться. Подбери ребят покрепче — Серогодского, Королева, Бондаренко, Алелюхина, Головачева…

Услышав две последние фамилии, Николай Андреевич удовлетворенно улыбнулся. За обоих этих летчиков ему пришлось выдержать немалую борьбу. Павлу Головачеву с большим трудом давалось переучивание на ЛаГГ-3. Дело дошло до того, что его могли оставить в запасном полку. Комиссар решительно вступился за него. Командир, знавший, что Верховец почти не ошибается в оценке людей и не умеет от своего отступать, пошел ему навстречу.

Примерно такое же произошло и с Алексеем Алелюхиным. Судя по всему, у молодого летчика начали сдавать нервы, в воздушных схватках он стал допускать грубые ошибки, терять своих ведомых. Шестаков был склонен и к нему применить строгие меры. И тут сыграл свою положительную роль комиссар. Правда, ему было не так уж и трудно переубеждать командира, когда речь шла об Алелюхине и Головачеве — оба хорошо проверенные в боях, с ними пройден большой путь. Лев любил обоих, но были вещи, которые он никому не умел прощать. Такое его качество сослужило неоценимую службу полку: потерять доверие Шестакова — значило потерять все. Кто недооценивал этого — участь его была незавидной, о чем пойдет речь впереди.

Николай Андреевич ушел формировать группу для вылета, к Шестакову зашли начальник штаба Никитин, командир эскадрильи Капустин — щуплый, синеглазый блондин с несколькими орденами на груди. Два из них были заслужены им еще в Испании. Лев любил Ваню Капустина еще с тех давних времен, когда они впервые близко

познакомились на теплоходе «Кооперация». Он всегда приветливо встречал его, и они, как правило, предавались воспоминаниям, в которых большое место отводилось Гусеву, Девотченко, Платону Смолякову. Причем их охотно слушали комиссар, начальник штаба и другие, поэтому многим хорошо были известны имена и судьбы соратников по испанскому небу командира полка и командира 3-й эскадрильи.

Но сейчас, взглянув на вошедших, Лев понял: они явились неспроста, произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Елохин погиб, — мрачно сказал Капустин.

— Как? Где? А это точно? — недоверчиво спросил Шестаков.

— К сожалению, точно, — подтвердил Никитин.

— Каким же образом это произошло?

— Ходили мы вместе на задание, — рассказал Капустин. — Его подбили зенитчики. Он пошел на вынужденную на нашей территории, выпустил шасси. Видимо, хотел спасти самолет, да сам себя и подвел: машина скапотировала, грохнулась на фонарь…

— Так, — Лев нервно постучал пальцами по столу. — Начинаем терять Героев Советского Союза. Плохи, очень плохи наши дела. Нужен коренной перелом. Капустин, полетишь с нами! — решительно встал Шестаков. — Надо отомстить за Елохина. Надо сбить с немцев спесь.

Группа из двенадцати самолетов во главе с Шестаковым и Верховцом отправилась к переднему краю. Все знали: быть бою. Никто в полку не помнил случая, чтобы Шестаков, ведя группу, не нашел противника, не вовлек его в схватку. Каждый не один раз убедился и в том, что в бою командир видит не только врага, но и своих летчиков, от его зоркого глаза не укроется ни удачный маневр, ни промах.

Это всех подтягивало, мобилизовывало, заставляло действовать изо всех сил.

Группа шла не «навалом», как зачастую поступали соседи. Верный себе, Шестаков продумал все таким образом, чтобы обеспечить полное использование возможностей самолетов и летчиков при сохранении твердой дисциплины боя, четкого руководства им.

Прежде всего для ведения активного поиска противника группа была расчленена по фронту и эшелонирована по высоте. Каждая пара имела свою строго определенную задачу. Шли со стороны солнца. Шестаков держал радиосвязь с ведущими пар. Его позывной «Сокол-1». Почему именно такой? Случайно ли это?

Когда решался вопрос о позывном, учитывали: полк гвардейский, Краснознаменный, Одесский. Предлагались варианты позывных: «Беркут», «Орел», «Коршун». И тогда сказал свое слово Капустин. Он вспомнил, что у

Шестакова в Испании на борту И-16 был нарисован золотистый сокол. На том и порешили: быть в полку позывному «Сокол».

Комиссар еще подумал тогда о том, что такая, на первый взгляд, незначительная деталь, как позывной, может нести в себе значительную воспитательную нагрузку. Атакуют соколы — это же звучит! И дух поднимает, формирует бойцовское настроение.

…Вот и передний край. Зорко всматриваются в горизонт командир, комиссар, все летчики. Фашисты не заставили себя долго ждать. Черные точки обозначились над горизонтом: пятнадцать Ме-109.

— Я — «Сокол-один», приготовиться к бою, усилить осмотрительность! — прозвучал в наушниках твердый голос Шестакова.

Фашисты, привыкшие здесь к легким победам, шли, не сворачивая, не принимая элементарных мер предосторожности. Они абсолютно уверены, что без труда разметают советских истребителей, не дав им опомниться.

Шестаков наблюдает за ними, приходит к выводу, что фрицы видят только ту шестерку «лаггов», которую ведет сейчас он. Вверху, маскируясь в лучах солнца, шестерка Верховца для прикрытия нижней и, если удастся, захвата Ме-109. Ее фашисты не замечают. Окончательно обнаглев, они и предположить не могли, что здесь русские способны на такие тонкие ухищрения. Да только жестоко просчитались.

Шестаков, Капустин, Алелюхин, Головачев, Королев, Серогодский на полной скорости врубились в строй «мессеров», поливая их огнем.

Лев Львович, дождавшись наконец настоящего дела, «рвал» машину так, что пилоты «мессеров» только удивленно шарахались от него в стороны. От него не отставали ведомые. Всем хотелось до конца испытать, на что способен «лагг», убедиться, что он ни в чем не уступает немецким истребителям.

Огневой клубок вертится пять, десять минут. Трудно шестерке против пятнадцати, но ничего, держатся, нападают. Сознание, что сверху — надежное прикрытие, придает уверенности в себе, в своих силах. А немцы никак не могут понять — откуда взялось у этих русских столько упрямства, они уже начинают потихоньку сдавать свои позиции, потому что бой принимает необычный оборот, это их пугает, они предпочитают действовать по хорошо отработанной привычной схеме.

Верховец, обеспечивая прикрытие, тоже замечает перемены в поведении фашистов. Он выжидает момент, когда его малейшего вмешательства будет достаточно, чтобы «мессеры» бросились врассыпную.

А может быть, это только кажется? Может, фашисты по-своему хитрят, чтобы расхолодить наших летчиков, притупить их бдительность, а затем разделаться с ними? Потому что не отступили они даже тогда, когда запылал

«мессер», пораженный Капустиным. Комэск, воспитавший трех Героев Советского Союза — Маланова, Топольского, Шилова — был на высоте положения. Шестаков успел бросить ему по радио: «Молодчина!» и тут же нажал кнопку огня, сквозь прицел увидел вспоротое уже его снарядами брюхо Ме-109. Второй фашист устремляется к земле. Лев заходит в атаку на третьего, хочет начать стрельбу — оружие молчит. Кончился боезапас. Что делать? Выходить из боя? Но за ним увяжутся «мессеры», не отобьешься. Лучше имитировать атаки. Лев начинает преследовать то одного, то другого врага, но уже всем ясно: стрелять ему нечем. Ясно это и Верховцу. Оставив четверку прикрытия, он устремляется вниз. И очень кстати: Шестакова сверху, снизу, с боков зажали четыре «мессера», не дают ему вывернуться, а сзади, в хвост, пристраивается пятый, вот-вот полоснет из своих пушек.

Не раздумывая, не успев ничего осмыслить, Николай Андреевич молниеносно становится между Шестаковым и этим, пятым, «мессером», принимает на себя удар, его переворачивает, перед глазами плывут ярко-красные круги.

Командир спасен, вырвался! Он бросает свой последний козырь:

— Вся группа прикрытия — ко мне!

Как снег на голову, свалилась на фашистов четверка «лаггов». Те растерялись, начали выходить из боя. Один все же увязался за Шестаковым. Он сделал вид, что спасается от него бегством, фриц «клюнул» на приманку. Лев вывел его за собой на свою территорию, а затем передал Капустину по радио:

— Ну-ка зацепи его так, чтобы он пошел на вынужденную.

Капустин, разгадавший замысел командира, шел на небольшом расстоянии сзади. Ему ничего не стоило дать такую, как требовалось, короткую прицельную очередь. Немцу ничего не оставалось, как искать площадку для посадки.

Теперь можно было всеми силами прикрыть комиссара. Он «ковылял» у самой земли в сопровождении Головачева.

— «Сокол-два», я — «Сокол-один», что с тобой?

— Кажется, ранен в голову, кровь заливает глаза…

Но приземлился благополучно. Комиссара сразу же отправили в госпиталь. И одновременно послали машину за «мессером».

Итак, три сбитых.

Если бы не беда с Верховцом — можно только радоваться. Лев задумался…

Много хлебнул он лиха вместе с Николаем Андреевичем. Был уверен в нем, как в себе. Хотя порой и нелегко им бывало вместе. Взять хотя бы один из первых вылетов в Одессе. Шестакову нездоровилось. Верховец

категорически требовал, чтобы он отложил намеченный вылет группой. Но куда там! А что получилось? При воздушной схватке Льву совсем стало плохо. Он вышел из боя, с трудом добрался до аэродрома. А летчики выкручивались, как могли. Хорошо еще, что все вернулись. Однако, когда Лев поправился, комиссар настоял на том, чтобы он извинился перед летчиками за свою строптивость.

«Верховец и тогда меня наставлял, — размышлял Шестаков. — Он везде и всюду оберегал и поднимал мой авторитет, а сегодня, рискуя собой, сохранил мне жизнь. Ох, и трудная же эта комиссарская должность. И каким человеком нужно быть, чтобы полностью соответствовать ей! Только таким, как Верховец — открытым и искренним, твердым и принципиальным, бойцом-истребителем с большой партийной душой».

Лев наметил себе к вечеру обязательно навестить комиссара. Но пришел приказ срочно перебазироваться в Венделеевку. Это снова отступление. Немец прет…

Начались сборы.

— Как быть с «мессером»? — обратился к Шестакову инженер полка Спиридонов.

— А где он?

— Техник Бутов приволок его на буксире.

— В каком он состоянии?

— Отбит элерон правого крыла.

— А где немецкий летчик?

— Разведка забрала его себе. Да там еще и с мотором что-то случилось — глохнет.

— Значит, на нем сейчас не полетишь?

— Ремонт нужен…

— Ну что ж, пусть Бутов тянет его в Венделеевку, там восстановим, опробуем.

Летчики быстро перелетели — расстояние не так уж и большое. Инженерно-технический состав отправился на машинах. Не успела колонна отойти от аэродрома — налетели немецкие бомбардировщики. Все машины с людьми укрылись в посадке, а Бутову с «мессером» на буксире некуда было деться, он оставил свой транспорт на дороге, который прямым попаданием бомбы был начисто уничтожен.

Дмитрий Спиридонов готов был рвать волосы на себе. Он знал, с каким трудом и с какой целью добывался этот «мессер». Знал, что Шестаков будет «лютовать», а силу его гнева лучше не испытывать на себе.

Но что же теперь делать?

С покаянной головой предстал инженер перед командиром. Лев сразу все понял. Его взгляд потемнел. Но странное дело — он не взорвался. Сказал сдержанно:

— Этого следовало ожидать, мы должны были вас прикрыть…

Спиридонов облегченно вздохнул, еще раз подивившись тому, с какой тщательностью Шестаков взвешивает вину людей, как он самокритичен, требователен к самому себе.

Подошел недавно прибывший штурман полка капитан Михаил Баранов — Герой Советского Союза. Он уже обо всем знал.

— Лев Львович, не огорчайся, раздобудем мы еще «мессер».

Только дальнейшие события разворачивались так, что об этой затее пришлось на некоторое время забыть.

Советские войска продолжали отходить. Началась переправа через Дон. 9-й гвардейский, оставив позади полевые аэродромы Ржевска, совхоз Каменка, Гнилушки, Кагалинское, потеряв летчиков Елохина, Фролова, Шелемина, Лукова, Казакова и около десятка ЛаГГ-3, также перебирался в задонские степи.

Сердце Шестакова обливалось кровью, когда он вместе с Барановым прокладывал на карте маршрут в Калач-на-Дону.

Накануне вернулся из госпиталя Верховец, рассказал о том, какой разговор по дороге состоялся у него с колхозниками. Люди прямо спрашивали: почему вы оставляете нас на растерзание фашистам? Будет ли конец отступлению? Найдутся ли в стране силы, чтобы опрокинуть гитлеровское нашествие?

Комиссар знал, что отвечать, но крестьян, над которыми висела угроза оккупации, убеждать было трудно. Тут нужны были не простые слова — призыв к действию.

— Товарищи колхозники, — обратился комиссар, — беда у нас с вами общая, и бороться с ней мы должны сообща. Вооружайтесь, оказывайте фашистам сопротивление, прячьте все от грабителей, идет зима — пусть с тыла их морит холод и голод, уничтожают ваши пули, а мы уж с фронта поднажмем, только вот с силами соберемся.

— Спасибо и на том, — отвечали колхозники, — мы уж тут вас, если живы будем, не подведем, только вы возвращайтесь поскорее.

На прощание они снарядили целый обоз с продовольствием.

— Уничтожать жалко, а вам это все пригодится, — сказал председатель колхоза.

Так, вместе с конным обозом и явился комиссар в полк. Когда отъезжали от села, он оглянулся: колхозники грустно глядели вслед, смахивали со щек слезы.

Вспомнив об этом рассказе комиссара, Шестаков мысленно представил себя на месте колхозников, и ему стало не по себе. Ведь остаются старики, женщины, дети — все, по существу, беззащитные.

Что смогут они сделать против вооруженной до зубов банды гитлеровских головорезов? Лев не заметил, как сам себе задал тот же волновавший селян вопрос: будет ли конец отступлению? Ведь как ни посмотри, а выходит, что лично он, Шестаков, отступает перед фашистами еще с Испании. Честно и самоотверженно выполняет свой воинский долг, но все же его путь от Барселоны до Дона — путь отступления. Все его существо противилось признанию этого, но факт оставался фактом.

Ему очень захотелось поделиться с Мишей Барановым своими горькими раздумьями. Но тот, оптимист по натуре, увлеченно производил расчеты, делая все с таким видом, как будто прокладывает маршрут чуть ли не до самого Берлина.

«Счастливая у него натура, — подумал Лев, — никогда не огорчается… Впрочем, это характерная черта большинства людей полка».

За дверью раздались знакомые размеренные шаги Верховца. Командир обрадовался ему, пошел навстречу.

— Николай Андреевич, а мне ты как ответишь, если я тебя спрошу: когда конец нашему отступлению?

Комиссар понял, что командир все еще «переваривает» его вчерашний разговор с колхозниками. Но он знал обычай Шестакова сверять свои мысли с мнениями других. Потому твердо ответил, что думал, к чему пришел в итоге анализа всего происходящего:

— Дальше Волги враг не пойдет…

— Значит, от Волги я смогу отсчитывать километры назад, аж до Барселоны, Валенсии?

«Ага, вот что тебя мучает, командир», — догадался Верховец.

— Лев Львович, мы еще не знаем, сколько продлится война, но определенно можем сказать, что существование фашизма предрешено.

— Это как же понимать?

— Вы укоротили ему жизнь еще в Испании… Мы вместе укорачивали ее в Одессе. А Москва, Ленинград, Севастополь, а десятки, сотни других очагов героического сопротивления? Ты же охотник, хорошо знаешь, как ни силен дикий зверь, а рано или поздно выдыхается, и тогда его можно голыми руками брать.

— Рассудил ты здорово, комиссар, логика у тебя железная. Я тоже думаю, что дальше Волги отходить не придется.

— Сожмемся в пружину, а потом с такой силой разожмемся, что от третьего рейха только труха останется, — ответил Шестаков.

— Товарищ командир, карта и расчеты готовы, — доложил капитан Баранов.

— Отлично. Теперь давайте решать, на кого оставить инженерно-технический состав.

— На нынешнего секретаря партбюро полка Бориса Гловацкого и начальника штаба. Справятся, — предложил Верховец.

— Пожалуй, так будет правильно, — согласился Шестаков.

Через час летный состав во главе с Шестаковым, Верховцом, Барановым стартовал в Калач-на-Дону. Перед взлетом Лев Львович наказал Василию Погорелому взять в машину Никитина, Гловацкого, нового полкового врача Михаила Шанькова, любой ценой доставить их к месту назначения.

Пилоты улетели. Все остальные двинулись своим ходом — некоторые на машинах, а большинство — пешком. Все личные вещи везли два видавших виды ЗИСа.

Людям в этом переходе и во время переправы довелось пережить такое, чего не увидишь и в самом дурном сне. Но никто не дрогнул, все действительно показали настоящий советский характер.

Уже на дальних подступах к переправе у села Казанка скопилось в посадках огромное количество машин, не говоря уже о танках, артиллерийских тягачах, пушках. А у самой переправы — невероятное столпотворение. Днем никто не мог перебраться на ту сторону. Немцы беспрестанно бомбили, разрушая понтонные мосты, уничтожая все плавсредства. Добраться к противоположному берегу можно было только под покровом ночи. Но и то, попробуй, дождись своей очереди!

Никитин, остановив полк в посадках, решил проехать к начальнику переправы, выколотить у него пропуск на первоочередную переправу. Оставив всех на попечение Гловацкого, он на всякий случай прихватил с собой Кацена, юркая «эмочка», удивляя всех своей эмблемой на дверце с надписью «Одесса», помчалась к Казанке.

Коменданта переправы не пришлось долго уговаривать. Он только сказал:

— Побыстрее перебирайтесь, организуйте прикрытие переправы, иначе здесь все погибнут.

И выдал драгоценный пропуск.

Никитин, который вез в машине штабные документы и Знамя части, решил, чтобы лишний раз не рисковать, подождать полк у переправы, а Кацена с пропуском отправил назад.

Даня по дороге остановил крытую брезентом санитарную машину. Сел в кабину возле шофера и оторопел: за рулем — его старый друг Володя

Белов, с которым вместе занимались штангой в клубе строителей на Крещатике.

Встреча с добрым товарищем — в любой обстановке радость. Ехали, рассказывали о себе, вспоминали прошлое. И вдруг — взрывы бомб. Володя затормозил, оба вывалились из кабины, грохнулись наземь. Кацен успел свалиться в кювет и тут его накрыло слоем горячей земли. Выбрался из-под нее — глазам предстала потрясшая его картина: санитарная машина опрокинута, Володя убит…

У посадок Кацена встретили Гловацкий, Спиридонов, Шаньков. Даня вручил им пропуск и почувствовал, как предательски подкашиваются его ноги. Врач уложил его на траву, осмотрел: несколько осколков впились в тело.

Полк двинулся к переправе. Когда подходили к ней — увидели целые стаи «юнкерсов», «хейнкелей», услышали взрывы бомб, от которых седой Дон буквально становился на дыбы.

В реке барахтались, цепляясь друг за друга, за все, что попадется под руки, сотни людей. А фашисты били и били, превращая русло в кипящий котел.

Не могло быть и речи об организации немедленной переправы. Встретивший полк Никитин приказал всем укрыться в кустарнике на подступах к переправе и ждать наступления темноты.

Только дождаться ее не удалось.

— Танки! Немецкие танки! — прокричал неизвестно откуда взявшийся кавалерист. Пулей промчавшись мимо, он вместе с конем бухнулся в воду, поплыл к тому берегу.

И тут же послышался грозный грохот. Лицо Никитина стало белым как бумага. Ведь с ними — Знамя части, документы.

— Выход один, — решил Спиридонов, — перебираться вплавь. Я хорошо плаваю, могу преодолеть реку со Знаменем.

— Тогда штабные документы беру себе, — сказал Никитин, — постараюсь тоже спасти.

В прибрежных кустах Никитин заблаговременно припрятал пару бревен. Они связали их. Потом Спиридонов обернул вокруг себя Знамя части, прочно закрепил его. Никитин извлек из машины толстый пакет в непромокаемом прорезиненном мешочке, засунув его за пазуху. В том пакете находился и «Формуляр 9-го ИАП», благодаря которому мы теперь имеем возможность восстановить день за днем всю боевую историю полка.

— Шаньков, Погорелый — в воду, цепляйтесь за бревна! — приказал начальник штаба.

— Разрешите, я останусь здесь, Виктор Семенович, — заявил вдруг Шаньков.

— А я машину не брошу, — твердо сказал Погорелый.

— Да вы же погибнете тут. Слышите, танки уже совсем близко.

— Слышу гул танков, — ответил врач Шаньков, — слышу и звуки боя. Наши вступили в схватку, будут раненые, мое место сейчас здесь.

— А я не могу бросить машину, — упрямо твердил Василий.

Вблизи грохнул взрыв — разорвался танковый снаряд. Уже обстреливают берег. Надо торопиться.

— Ну что ж, может, вы и правы. Передайте Гловацкому, пусть держится с людьми до последнего, спасем Знамя и документы — придем на помощь.

Они уже были на середине реки, когда снова налетели «юнкерсы». Градом посыпались бомбы. Шаньков и Погорелый увидели, как отбросило от бревен Спиридонова и он медленно поплыл, работая только одной рукой.

— Знамя части! — вскрикнул Миша Шаньков и бросился в воду.

Бомбы рвались впереди, позади него, но он упрямо плыл к Спиридонову, даже не пытаясь уклоняться от взрывов и осколков бомб. Полковой врач думал только об одном: спасти Спиридонова, спасти Знамя. Он не мог даже представить себе, как можно явиться к Шестакову без боевого символа чести полка.

Шаньков подхватил Дмитрия Спиридонова, когда того уже окончательно покидали силы: он был оглушен и контужен…

А Василий Погорелый, оставшись в одиночестве, метался вокруг своей «эмочки», не зная, что предпринять, как выйти из создавшегося положения. Он решил ни за что не оставлять вверенную ему машину и, если доведется умереть, так рядом с ней.

Грохот боя все ближе подступал к берегу. В нем принимали участие и не успевшие переправиться вплавь шестаковцы. Руководил отражением атаки фашистских танков пожилой усатый майор, комендант переправы. От него прибежал посыльный, кинулся к Василию:

— Майор очень доволен вашими ребятами, дерутся как львы! Помоги подбросить им гранаты.

— Грузи, быстро! А насчет львов ты прав. У нас ведь и командир Лев!

— Как лев? — не понял солдат.

— Лев Шестаков, Герой Советского Союза.

Солдат нагрузил в «эмку» противотанковых гранат из валявшихся у переправы ящиков.

— Поехали!

— Далеко?

— Да с километр…

Действительно, «передний край» — рукой подать. Уже издалека было хорошо видно, как, распластав над собой черные космы дыма, горело несколько танков. Объезжая их, движутся другие стальные громадины, изрыгая из стволов пламя.

Вместе с закатом остывал и накал вражеской атаки. День клонился к вечеру. Немец решил, видимо, окончательный штурм Казанской переправы перенести на завтра.

Увидев родную «эмку», к ней потянулись Борис Гловацкий, Семен Пирогов, Даниил Кацен. Все они были здесь, поднимали дух людей, организовывали оборону.

Подошел и комендант переправы.

Он пожал руку Гловацкому:

— Удивили вы, авиаторы, меня. Здорово деретесь!

— У нас в полку так заведено. Командир этому научил.

— Крепкий, видимо, у вас командир, — покрутил усы комендант. — Ну, ладно, у нас впереди ночь. Должны успеть все переправиться. В первую очередь — авиаторы. Может, завтра они придут к нам на выручку.

Комендант и Гловацкий сели в «эмку», поехали к берегу.

Борис почувствовал, что у него под ногами что-то лежит. Уж не граната ли? Наклонился — поднял томик стихов Пушкина. Где-то был заложен и в суматохе выпал на пол.

— Вася, откуда это у тебя? — спросил удивленно.

— Не у меня, а у командира. С Одессы вожу. Наказывал беречь пуще глаза.

Гловацкий перелистал томик — почти на каждой страничке карандашные пометки Шестакова.

— Надо же! И когда он все успевает?

Комендант взял книгу, раскрыл наугад, прочитал:

— И грянул бой, Полтавский бой…

— И грянул бой, Казанский бой, — браво повторил за ним Борис Леонтьевич.

— Не знаю я вашего командира, но чувствую, Шестаков — настоящий, большой человек, — сказал комендант. На такой войне командовать полком и стихи читать — это не каждому дано.

— Да, таких людей не часто встречаешь, — подтвердил Гловацкий.

Вася прислушивался к разговору и млел от удовольствия. Он всегда так, когда слышал хорошее о командире, словно речь шла о нем самом…

На переправе их ждал улыбающийся Михаил Михайлович Шаньков. Он пригнал целую «флотилию» плотов — на том берегу их сколько угодно.

— Вот это богатство! — обрадовался комендант. — Грузите весь полк, а мои люди пригонят плоты обратно.

На том берегу их встретили Спиридонов и Никитин. Дмитрий Васильевич ничего не слышал, только по губам догадывался, о чем ему говорят. У Виктора Семеновича была на перевязи левая рука. И все заметили — у обоих прибавилось седин на висках.

Наконец полк снова в сборе. Лев Львович, как всегда подтянутый, свежо выглядевший, обошел строй. Алелюхин, Головачев, Бондаренко, Королев, Серогодский, Крючков, Карахан, Зюзин, Косак, Кашпетрук, Юдин… Все они остаются на своих местах, готовые к любым новым испытаниям. Как же велика сила по-настоящему сплоченного боевого коллектива! Где бы ни был человек, что бы ни случилось с ним, но во имя общего дела он сделает невозможное, пробьется через тысячи преград. Лев с благодарностью подумал о Никитине, Спиридонове, Шанькове, Гловацком, Кацене, Погорелом… Вот уж, действительно, с такими людьми пойдешь в огонь и в воду. Собственно, все это уже не один раз прошли, проверили друг друга и на крепость духа, и на верность дружбе, и на преданность делу, которому служат.

Многое, очень многое хотел сказать своим боевым друзьям Лев Львович, но рассудил, что самые лучшие слова о них он оставит на потом. А сейчас еще не пришла пора для восторженных речей — надо продолжать свой тяжкий труд тружеников войны.

— Мне рассказали, как немцы зверствуют над Казанской переправой, — деловым, командирским тоном начал Шестаков. — Думаю, что их нужно хорошенько проучить. Через час — вылет всем полком.

В тот день фашисты недосчитались тринадцати «юнкерсов»! Они под неотразимыми ударами шестаковцев один за другим под радостные восклицания пехотинцев, танкистов, артиллеристов грохались то в воду, то на берег, вспыхивали, как спичечные коробки, взрывались, разбрасывая вокруг куски покореженного металла.

— Спасибо, шестаковцы, спасибо, друзья, — радостно покручивал запыленные усы пожилой комендант. — Я знал, я верил — не подведете!

Уже к середине июля 1942 года стало ясно, что враг рвется к Волге, стремясь любой ценой захватить важный стратегический пункт на великой русской реке — Сталинград.

Город перевели на военное положение. Были возобновлены начатые еще осенью 1941 года работы по сооружению оборонительных обводов. Сталинградская промышленность перестроилась на выпуск военной продукции — танков, орудий, стрелкового вооружения. На базе управления

Юго-Западного фронта был создан Сталинградский фронт во главе с маршалом С. К. Тимошенко, в состав которого вошли и отошедшие за Дон 21-я и 8-я воздушная армии.

17 июля авангарды дивизий 6-й немецкой армии встретились на рубеже рек Чир и Цимла с передовыми отрядами 62-й и 64-й армий. Завязались кровопролитные бои, ознаменовавшие начало великой Сталинградской битвы.

Немецкая авиация подвергла Сталинград варварской бомбардировке, совершая до 2000 самолето-вылетов за день.

23 августа полк Шестакова, стоявший под Сталинградом, чуть свет был поднят по тревоге и направлен для сопровождения штурмовиков и прикрытия 62-й и 64-й армий.

Взлетели все имевшиеся в наличии двадцать четыре самолета. Группы вели Шестаков, Верховец, Баранов, Алелюхин, Королев, Серогодский.

Летчики и раньше предполагали, что над Сталинградом будет «каша». Но то, с чем довелось столкнуться, превзошло все ожидания. Небо буквально кишело вражескими самолетами. Фашисты намеревались смести город с лица земли.

Мы знали, что рядом действуют летчики соседних полков, однако видели перед собой только вражеские машины, а внизу — сплошные пожарища.

— Я — «Сокол-один», атакуем!

Шесть четверок огненными трассами пронзили бесчисленный строй «юнкерсов» и «хейнкелей». Шестаков поджег фашистского ведущего, по одному бомбардировщику сбили Верховец и Баранов, два вражеских самолета, шарахнувшись в стороны, столкнулись, и тоже рухнули вниз.

Где-то выше ходили «мессершмитты», но они не могли взять на прицел «лаггов», смешавшихся с немецкими машинами, Шестаков быстро понял это, передал по радио:

— «Соколы», вверх не выскакивать, после боя уходить в сторону солнца!

Шесть фашистов свалились на разрушенные городские кварталы. Полк не потерял ни одного самолета, вернулся домой в полном составе. Правда, некоторые «лагги» значительно пострадали от пулеметного огня немецких стрелков-радистов, они нуждались в серьезном ремонте, за который сразу же взялись механики под руководством Дмитрия Спиридонова.

Враг наращивал воздушные удары по Сталинграду. Летчики дрались с утра до вечера, часто возвращаясь домой, как говорится, на честном слове и на одном крыле. А обстановка в Сталинграде все усложнялась.

Дело дошло до того, что 3 сентября на имя Г. К. Жукова пришла телеграмма от И. В. Сталина, в которой говорилось:

> «Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь… Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

Всю авиацию бросить на помощь Сталинграду! Этот клич пошел в воздушные армии, авиационные дивизии, полки. Дошел он и до 9-го гвардейского, в котором годных к эксплуатации оставалось уже пятнадцать самолетов. Четыре машины вообще не вернулись — на них погибли летчики старший лейтенант Иванов, старшина Белиляев, старший сержант Сафронов, сержант Рябоконь. Пять «лаггов» были в таком состоянии, что их давно было уже пора списать. Но получив приказ «Всю авиацию на помощь Сталинграду!», Шестаков велел ввести в строй и эти пять самолетов.

Наземные авиационные труженики совершили чудо: двадцать истребителей еще несколько дней подряд поднимались в воздух. Но, к сожалению, перед многократно превосходящим противником в небе Сталинграда они были каплей в море. Правда, счет сбитых фашистов увеличивали, однако давалось это ценой невероятных усилий и собственных потерь.

Именно в это время и произошел тот тяжелый бой, после которого комиссару полка Верховцу пришлось произвести посадку на аэродроме нашего 4-го истребительного полка, возглавляемого Героем Советского Союза Анатолием Морозовым.

Получилось по пословице: «Нет худа без добра». Комиссар сел на вынужденную, зато мы узнали от него о том, что представляет собой 9-й гвардейский, какие в нем люди, каков командир.

Мы узнали от него о Льве Львовиче Шестакове, имя которого уже было известным для многих летчиков.

Верховец вернулся в свой полк, когда там полным ходом шли его розыски. Шестаков не допускал и мысли, что Николай Андреевич мог погибнуть. Он верил, что исключительная выдержка, мастерство, трезвость мышления помогут комиссару благополучно выйти из любой ситуации.

Когда же Верховец объявился, радости командира не было предела. Без него полк вроде бы осиротел, лишился своей души. Пожалуй, в те трудные

времена никто бы не смог заменить Николая Андреевича — авторитетнейшего политработника, превосходного бойца-истребителя.

С зарей нового дня — снова боевая работа. Темп ее и напряженность нарастают. А самолетов все меньше. Шестаков вынужден по опыту Одессы организовать полеты в две смены. До обеда поднимается в воздух одна группа летчиков, затем — вторая.

— Эх, нам бы сейчас два-три десятка новеньких истребителей! — вслух мечтал Лев Львович.

— Если бы только нам не хватало техники, — грустно отвечал Николай Андреевич. — В других полках еще хуже… Ну ничего, придет время — все будет! Вот посмотришь. А сейчас, что поделаешь, страна напрягает все силы, чтобы выстоять.

Да, положение на фронтах было критическим. Особенно на Сталинградском. 13 сентября фашисты начали штурм города. Они прорвались в его центральную часть, началась борьба за заводские поселки.

Бои шли за каждый квартал, каждый дом. И вот в такое невероятно напряженное время в полк поступает приказ, читая который, Шестаков не верил своим глазам: «Самолеты ЛаГГ-3 сдать, убыть на отдых», — значилось в нем.

Прежде чем довести приказ до всего личного состава, командир показал его начальнику штаба.

— Что вы думаете по этому поводу?

— По всей вероятности, будем переучиваться на новую технику, готовиться к решающему сражению, — ответил Виктор Семенович.

Присутствовавший при этом комиссар сказал:

— Коль в такое время нас посылают отдыхать, — значит, дела в стране лучше, чем нам думалось. Радоваться надо этому. Читай, командир, людям приказ, а я растолкую им, что к чему…

17 сентября 1942 года 9-й гвардейский Краснознаменный Одесский истребительный авиационный полк, сдав имевшиеся в наличии всего двенадцать исправных самолетов, отправился в тыл, теперь уже не глубокий, — всего километров за двести от фронта.

Как все сложится дальше — никому не известно. Можно только предполагать. Но на войне говорят: «Солдат предполагает, а штаб располагает».

Все действительно происходило по замыслу Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба. Об этом впоследствии в деталях можно было узнать из книги Маршала Советского Союза А. М. Василевского «Дело всей жизни». Вот что он пишет:

«Враг нес потери, его резервы ограничены, что сужало его оборонительные возможности. Напрашивалось решение: организовать контрнаступление, которое привело бы к крушению южного крыла вражеского фронта. Так было в общих чертах решено между мною, Жуковым и Сталиным. Суть стратегического замысла: из района Серафимовича и из дефиле озер Цаца и Барманцак в общем направлении на Калач нанести мощные концентрические удары по флангам вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии.

Сталин ввел режим строжайшей секретности. Даже для членов ГКО.

Операция получила наименование «Уран».

Шло накопление сил».

Прав был Верховец, оптимистично воспринявший приказ об отправке полка на аэродром сосредоточения. Шло накопление сил. Оно круто изменило судьбы многих людей. В том числе автора этих строк, Ивана Борисова, Амет-хана Султана — летчиков 4-го истребительного авиационного полка. По приказу командующего 8-й воздушной армии мы направлялись на место нового базирования, к Шестакову: нас ждала гвардейская соколиная семья.

В СОКОЛИНОЙ СЕМЬЕ

Тени трех По-2 медленно скользили по выгоревшей бурой заволжской степи.

Нас везли летчики, которым предстояло вернуться снова в свой 4-й истребительный. Мы же все трое — я, Амет-хан, Борисов — находились во власти той тихой грусти, которая всегда охватывает человека, покидающего родной дом.

Под мерное тарахтенье моторов каждый думал об оставленных друзьях-товарищах, командирах, политработниках. Вспоминали вчерашний прощальный ужин. Добрыми, сердечными словами напутствовали нас командир полка Морозов и комиссар Миронов. Им было жаль отдавать нас в другую часть, но был строгий приказ командарма: выделить четырех лучших летчиков для полка истребителей-асов.

С нами должен был лететь и Иван Степаненко. Но он внезапно занемог, ему пришлось остаться.

Все четверо имели по семь-девять сбитых вражеских самолетов. Но больше всех из нас выделялся Амет-хан Султан. Он был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

Что ждет нас на новом месте? Как там примут? Какие у них порядки? Наслышанные о Шестакове, о его строгой взыскательности, приверженности к дисциплине и порядку, мы немного побаивались встречи с ним. Ведь ходили слухи о том, что Шестаков очень придирчив к

прибывающим в полк новичкам, бывало, некоторых и обратно возвращал. Такая перспектива, конечно, никому из нас не грозила — мы хоть и были все старшими сержантами, цену себе тоже знали; но ведь формируется полк асов, а это, по логике вещей, предполагало особо тщательный отбор людей.

Наши утлые По-2 пересекли несколько пересохших речушек, прошли над каким-то озерцом, у которого столпилось небольшое овечье стадо, потом встали на курс вдоль железной дороги, которая и вывела нас на небольшую затерявшуюся в бесконечных пустынных просторах станцию. От нее три минуты лету — и мы приземляемся прямо на поле у села Житкур.

Несколько рядов приземистых мазанок, пыльные, все в выбоинах улочки, ни единого деревца, верблюды, беспрерывно жующие свою жвачку — вот что такое «новые» места в те времена.

С первых же минут пребывания в полку мы пришли в недоумение. Даже засомневались: туда ли мы попали?

На небольшом поле за штабной мазанкой шло лихое футбольное сражение. На лавочке под чахлым кустарником под звуки саратовской гармоники вполголоса пели два техника. Рядом с ними несколько человек, постелив на землю солому, отрабатывали акробатические этюды.

Мы недоуменно переглянулись: что, мол, все это значит? Уж не собираются ли из нас сделать артистов для фронтовой концертной бригады?

И уж совсем были мы сражены, когда, зайдя в офицерское общежитие, чтобы привести себя в порядок, прежде чем представиться командиру, увидели там… девушек.

— Проходите, проходите! — защебетали они, заметив наше смущение. — Вы новички? Мы тоже. Будем знакомы: летчицы-истребители Лилия Литвяк и Катя Буданова.

Мы в свою очередь представились, а про себя подумали:

«Вот так полк асов!»

Разве могли мы тогда знать, что Лилия Литвяк уже имела на своем счету сбитого фашистского аса — кавалера трех железных и одного рыцарского крестов, чем никто из нас не мог похвастаться?

Не могли мы тогда знать и то, что Катя Буданова на глазах командующего армией генерал-лейтенанта Т. Т. Хрюкина провела воздушный бой, за который он лично объявил ей благодарность, представил ее к награде, чем тоже пока никто из нас не мог похвастаться.

Все это мы узнали от сопровождавшего нас заместителя начальника штаба капитана Василия Даниловича Заики. Пока мы устраивались, мылись, чистились, он успел немало рассказать нам.

В полку — четыре Героя Советского Союза. За Одессу — Лев Шестаков, Иван Королев, Василий Серогодский, за Сталинград — Михаил Баранов. Почти все летчики, техники, механики имеют боевые ордена и медали, авиаспециалисты сержанты Петр Керекеза и Виктор Сусанин — даже ордена Красной Звезды.

— Авиаспециалисты? — переспросили мы, по опыту своего полка зная, что представителям наземных служб заслужить боевой орден далеко не просто.

— Да, это именно так, — ответил капитан, — оба проявили настоящий героизм в Одессе. Там на железнодорожном вокзале вражеская зажигательная бомба попала в эшелон со снарядами. Керекеза и Сусанин не растерялись, вскочили в маневровый паровоз и растащили вагоны, чем спасли почти все снаряды, каждый из которых был там на вес золота.

— Вот это люди! — откровенно восхитились мы, не ведая того, что нам предстоит еще многому удивляться в этом необычном, героическом полку.

А капитан Заика, как будто не замечая произведенного на нас впечатления, продолжал:

— Между прочим, Керекеза и Сусанин известны у нас и как юмористы-сатирики. Эта слава пришла к ним после того, как они в Одессе сочинили ответ гитлеровцам на их предложение прекратить сопротивляться, сдаться в плен. Тут Заика с выражением прочел такое двустишие, что мы взорвались смехом от столь неожиданной остроты в адрес бесноватого фюрера и его приспешников. Заразительнее всех смеялся Амет-хан, очень любивший меткую шутку, острое словцо.

Вот такими, заливающимися смехом, и застали нас сошедшие в общежитие сразу три летчика с Золотыми Звездами на груди.

— Вы посмотрите, какое веселое пополнение к нам прибыло! — громко сказал невысокого роста блондин с живыми карими глазами.

Мы вытянулись по стойке «смирно», четко представились, догадавшись, что белобрысый капитан — из полкового начальства.

Это действительно был заместитель Шестакова капитан Михаил Баранов, о котором в дни обороны Сталинграда мы не один раз читали во фронтовой и армейской газетах. С ним пришли Иван Королев и Василий Серогодский.

Заика пояснил им, по какому поводу мы смеялись, Баранов, тоже впервые слышавший об этом, в свою очередь улыбнулся:

— Да, настоящая сатира! — согласился он и, заметив, что мы поторапливались приводить себя в порядок к предстоящей встрече с командиром, предупредил:

— Сегодня Шестаков не сможет вас принять, у него много неотложных дел. Так что знакомьтесь пока с людьми, обстановкой, осматривайтесь, привыкайте…

У нас сразу спала напряженность: все-таки легче представляться командиру после того, как более-менее освоишься в новом полку.

Так мы все рассуждали, только я со своими расчетами, как говорят в таких случаях, попал впросак. Мы быстро сдружились с летчиком Женей Дранищевым. С утра следующего дня он вызвался быть моим экскурсоводом по городку. По дороге он кое-что поведал о населявших эти места калмыках, их обычаях. А когда проходили мимо одной приземистой хатки с цветастыми занавесками на окнах, сказал:

— А вот тут живут Шестаков и Верховец.

И только он это сказал — открывается потрескавшаяся, давно не видавшая краски дверь, и на пороге появляется стройный, подтянутый, аккуратно выбритый, с Золотой Звездой на груди майор.

— Шестаков! — успел шепнуть мне Дранищев.

Я опешил от столь неожиданной встречи. У меня по спине поползли мурашки. И было отчего — по сравнению с командиром я выглядел прямо-таки жалко: давно не стиранное, обносившееся обмундирование, стоптанные сапоги да к тому же, не ожидая такого сюрприза, я шел с расстегнутым воротом, держа в руке потертую, видавшую виды фуражку.

Майор осмотрел нас пристальным, строгим взглядом серо-голубых глаз.

— Подойдите ко мне! — приказал он властным голосом.

Не в силах выпрямиться, втянув голову в плечи, мы сделали несколько шагов вперед, остановились.

— Здравия желаем, товарищ майор!

Не ответив на приветствие, Шестаков жестко спросил Дранищева:

— Утренний променаж совершаете? Моцион, так сказать. А почему воротники расстегнуты?

Мы суетливо застегнулись.

— Виноваты, товарищ майор, жарковато, — извиняющимся тоном произнес Дранищев.

— А почему вы за двоих расписываетесь? Сначала позволяете себе разболтанность, новичку подаете плохой пример, а потом и себя, и его выгораживаете?

Тут уж и я подал голос.

— Товарищ майор, я виноват, больше такого не повторится.

— А с кем имею честь говорить? — язвительно спросил Шестаков, давая понять, что прежде чем оправдываться, я должен был представиться.

— Извините, товарищ майор, старший сержант Лавриненков…

— Из четвертого полка?

— Так точно!

— У вас что ж, все там такие?

— Никак нет, товарищ майор!

— Сколько сбитых? — вдруг спросил Шестаков.

— Девять, товарищ майор.

— Какие? — с интересом спросил Шестаков.

— Большинство — «мессершмитты».

— М-да-а, — протянул он неопределенно, потом снова взялся за меня:

— Столько сбитых — и такой внешний вид. Как это понимать?

— Нам не давали нового обмундирования.

— Никому не давали. Но вы посмотрите на Дранищева, других летчиков — все выстирано, подштопано, выглажено. А что с вашей курткой, почему такая короткая и пуговиц нет?

— Обгорела. В бою, товарищ майор…

— Так. Сколько вас прибыло?

— Трое: Амет-хан Султан, Борисов и я.

— Что это еще за Султан?

— Татарин, из Алупки.

— Значит, горячих кровей?

— Еще каких горячих! Награжден орденами Ленина, Красного Знамени.

— Хорошо. А Борисов?

— Не уступит Амет-хану…

Шестаков помолчал, прикидывая что-то, потом тоном приказа сказал:

— Привести себя в порядок и всем троим явиться ко мне после обеда.

— Слушаюсь! — четко отрубил я, еще не веря, что все обошлось, и бегом бросился к своим, забыв об «экскурсии».

До обеда мы крутились как белки в колесе. Стирали, гладили, чистили. Амет-хан даже пожертвовал своей роскошной черной шевелюрой: Дранищев сказал, что Шестаков терпеть не может «лохматиков».

Предстали мы перед командиром как огурчики.

— Вот теперь видно, что вы из 9-го гвардейского полка. Такими должны быть везде и всюду. Ясно?

— Ясно! — в один голос ответили мы.

После этого начался детальный разговор с каждым в отдельности.

И мы открывали для себя Шестакова совсем с другой стороны. Он вникал во все стороны нашей службы и боевой работы в 4-м полку. На чем летали, где воевали, какие приемы использовали, сколько боев провели…

Особенно заинтересовало его то, что я в начале войны служил в полку ПВО в районе Сталинграда, хорошо знаю здесь местность, все аэродромы.

Когда все чисто профессиональные вопросы были выяснены, речь зашла о том, кто откуда, где учились, росли, где сейчас родители, семьи. Все коротко записывал себе в тетрадь.

Прежде чем отпустить меня, быстро пробежал свои записи.

— Еще один вопрос: вы инструктором были в своем же училище или вас в другое направили?

— Сначала в своем, Чугуевском, оставили, а потом перебросили в Черниговское…

— Понятно. Что ж, опыт инструкторской и боевой работы, знание района Сталинграда — все это очень и очень кстати. Вы летали на Як-1? Мы их скоро получим, будем переучиваться. Поможете нашим летчикам.

— С большой радостью…

Все трое ушли от Шестакова с одним мнением: сильный, цепкий человек. Такой все делает прочно, надежно. Мы попали в крепкие руки.

— Трудновато все же придется, — признался Амет-хан, любивший «свободный образ» жизни.

— Ничего не поделаешь, Аметка, придется тебе несколько поступиться своими султанскими привычками, — подначил его Борисов.

Никогда не обижавшийся на подобные шутки Амет-хан в свою очередь «отбрил» Борисова:

— Тебе, Ваня, конечно, легче: отказываться не от чего…

Мы уже собрались было уходить, когда перед нами появился ладно скроенный, энергичный комиссар полка.

— А, старые знакомые! — широко улыбнулся, крепко пожал нам руки. — Прошу, прошу теперь ко мне.

Мы думали, что после разговора с Шестаковым нас уже и спрашивать не о чем — все перебрано. Но глубоко ошиблись. Николай Андреевич с удовольствием вспомнил день, проведенный в нашем полку, проводы его к своим. Это нам очень понравилось — ведь пока еще помимо нашей воли мы жили тем, 4-м полком.

— Понравилось мне тогда у вас, — сказал Верховец, — народ душевный, приветливый, вот только внешний вид у них неказистый, да и внутренней подтянутости, собранности не почувствовал.

— Да, с порядком у нас действительно не все ладилось, — согласились мы. — Но дрались летчики отменно.

— У нас вы будете драться еще лучше — дисциплина ведь силы множит. Согласны?

— Возразить тут нечему.

— Значит, по этому вопросу разногласий нет. Вот и отлично. Вы все коммунисты?

— Все.

— Сегодня же встать на партийный учет да расскажите парторгу, кто на что способен — будем привлекать к участию в общественной работе.

Раздался стук в дверь — зашел высокий, стройный старшина, которого я заприметил еще вчера: он вместе с другими отрабатывал акробатический этюд.

— Знакомьтесь, — представил его Верховец, — наш комсомольский секретарь, он же бессменный, еще с Одессы, руководитель художественной самодеятельности, старшина Кацен.

— Разве в Одессе было до концертов? — непроизвольно вырвалось у Борисова.

— Еще как! — ответил комиссар. — Ведь самодеятельность сплачивает людей, вселяет в них бодрость духа. А это для победы над врагом — первое дело!

Мы направились в общежитие, перебирая все перипетии состоявшихся разговоров.

— Вы подумайте: в Одессе — самодеятельность! — не переставал удивляться Борисов.

— Может быть, потому и выстояли, — резюмировал Амет-хан.

— И не только поэтому, — сказал я. — Чувствуете, в полку все прочно поставлено. Нам с вами, братцы, здорово повезло.

Только это сказал — навстречу Василий Серогодский, невысокий, белоголовый, веселый малый.

— Как настроение?

— Как в крымском каньоне, — ответил Амет-хан, — со всех сторон зажаты. Не хватает только строевой подготовки…

Серогодский рассмеялся.

— Подождите, будет и строевая. И покажется она вам живительной струйкой на дне каньона, потому что вы еще не сидели за учебниками и конспектами, не знаете, какие «академии» умеет устраивать Лев Львович…

В тот день мы еще встретились с начальником штаба Никитиным, парторгом Пироговым, нас распределили по эскадрильям, звеньям, парам. Поневоле приглядываемся друг к другу: ведь вместе воевать.

Подошло время ужина. Мы втроем направились в столовую, сели за столы. Заметили, что официантки очень странно себя ведут: подозрительно смотрят на нас, не подходят. В чем дело? Может, у нас не все в порядке с одеждой? Осмотрелись — вроде нормально.

Ясность внес случайно заглянувший в столовую Ваня Королев.

— Вы что, еще не знаете наших порядков? Пока не зайдет Шестаков — сюда никто не смеет и ногой ступить.

Усевшись на лавочке, стали ждать дальнейшего развития событий. Ровно в 20.00 появились Шестаков, Верховец, Никитин, Баранов. Они зашли в столовую, уселись за первый стол. За ними последовали все остальные.

Но официантки снова не спешат подавать ужин. «В чем дело?» — теряемся в догадках.

Вот встал командир. Осмотрел всех внимательным, строгим взглядом.

— Товарищи, подведем итоги дня. Сегодня к нам прибыли летчики Амет-хан Султан, Лавриненков, Борисов, — командир сделал паузу, мы встали, — также группа сержантов во главе с сержантом Сержантовым, — при этом все заулыбались. — Прошу любить и жаловать, — продолжал Лев Львович, показав глазами на нас и также поднявшихся с мест подчиненных Сержантова.

— Мы надеемся, — сказал далее Шестаков, — что все, кто пополнил наш полк, будут достойно продолжать его боевые традиции, умножать его гвардейскую славу.

При этих словах сами собой вспыхнули аплодисменты. Мы тоже захлопали в ладоши в знак солидарности со словами командира.

Лев Львович поднял правую руку — снова воцарилась тишина.

— Слушайте задачу на завтра.

— На трех Ли-2 с утра летчики отправятся в город на Волге. Отдыхать и переучиваться на Як-1 будем там. Техники под руководством майора Спиридонова с той же целью остаются здесь. Они же примут и новые самолеты, на которые мы сядем после возвращения.

С завтрашнего дня каждому держаться своей эскадрильи, своего звена, своего ведущего или ведомого. Слетанность полка начинается на земле. Прошу иметь в виду: нас ждет отдых от боев, но не от учебы и строгого порядка. На этой почве у нас не должно быть никаких недоразумений.

— Николай Андреевич, — обратился он к комиссару, — у вас есть что-нибудь?

Верховец сказал несколько слов о той ответственности, которая возлагается на нас в связи с переучиванием на Як-1.

— Как овладеем машиной — так и сражаться будем, — подчеркнул он. — И еще хочу напомнить: новая техника не сразу всем приходится по нраву. Так вот прошу всех коммунистов и комсомольцев в этом вопросе быть на высоте. Надо в совершенстве освоить ту технику, что нам доверяет Родина.

Затем слово взял начальник штаба. От него мы узнали порядок перелета, очередность посадки на Ли-2, погоду по маршруту.

Вся эта официальная, если можно так назвать, часть длилась ровно двадцать минут, после чего начался ужин, во время которого все вели себя довольно свободно, смеялись, шутили, как бывает в большой, доброй семье.

Ужин подходил к концу. Но никто не вставал, пока не поднялся Шестаков.

Летчик Серогодский, сидевший за нашим столом, очень быстро управился с пищей, заскучал было, а потом вдруг обратился к нам:

— А что за истребитель Як-1?

Разумеется, это волновало многих, и не удивительно, что летчики, услышав вопрос, повернулись лицом в нашу сторону. Шестаков, обратившись ко мне, сказал:

— Давай, Лавриненков, рассказывай, это всем интересно.

Вот где пригодился инструкторский опыт. Не будь его — вряд ли я бы сумел подробно рассказать новым боевым друзьям об особенностях «яка».

Это был в то время один из самых легких истребителей со смешанной конструкцией. Крыло деревянное, оклеенное полотном. Вооружение — одна пушка калибра 20 мм для стрельбы через ось редуктора двигателя и два скорострельных пулемета. Скорость — до 600 км/ч. В воздухе он был устойчив, в пилотировании весьма прост, считался одним из лучших фронтовых истребителей.

Рассказав обо всем этом, я вынужден был отвечать на многочисленные вопросы, касающиеся эксплуатации и боевого применения Як-1. Мне помогали Амет-хан и Борисов.

Когда все было переговорено, Шестаков поднялся из-за стола.

— Как видите, товарищи, Як-1 — отличный истребитель. Остановка только за нами. А сейчас — ужин окончен, все — на танцы!

Выходило, что сюрпризы этого дня еще не кончились.

Танцы были веселые, задорные, они создавали отличное настроение, вливали в нас свежие силы, бодрость духа.

Королевами вечера были Лиля и Катя. Каждый считал для себя особой честью пройтись круг-другой в вихре вальса с замечательными девушками-летчицами.

Под конец вечера я решился и «выдал» свою любимую цыганочку.

Шестаков и Верховец зааплодировали мне, их дружно поддержали.

Запыхавшийся после пляски, я стоял между Амет-ханом и Борисовым, и все трое думали об одном: «Полк принял нас в свою соколиную семью, мы в нем признаны, теперь остается только показать себя в боях».

Шестаков и Верховец подошли к нам.

— Молодцы, что держитесь стайкой, друг возле друга, — сказал Лев Львович. — Но насколько я помню — вы ведь распределены по разным эскадрильям и звеньям? Вот и надо каждому держаться их. Еще раз повторяю: слетанность полка начинается на земле.

— У нас всегда так было, — добавил Верховец, — с кем вместе летаем, с тем вместе и по земле ходим. Вы потом сами убедитесь: в этом заключен большой смысл…

Постепенно мы начинали познавать особую «шестаковскую педагогику», в которой совершенно исключались сухая назидательность, надоедливая навязчивость. И для меня, летчика-инструктора, она явилась своеобразным открытием. Я вспоминал, как сам обучал курсантов, и приходил к выводу, что именно шестаковской школы глубоко понимать людей мне тогда больше всего и недоставало.

Ранним утром следующего дня мы стояли в строю каждый со своим ведущим, в своем звене, в своей эскадрилье.

Командир, как всегда свежий, жизнерадостный, весь как на пружинах. Можно было подумать, что мы собираемся не дальше в тыл, а на фронт. Нет, несомненно, Шестакову известно что-то, чего никто из нас не знал. Я поневоле вспомнил свой последний «неудачный» полет на разведку в 4-м полку в район озера Цаца. Там, в камышах, мною было обнаружено огромное скопление танков. Вернувшись на аэродром, доложил об этом Морозову, он тут же связал меня с самим командармом.

— Слушаю вас, докладывайте, — раздался в трубке знакомый голос.

— Товарищ генерал, в районе озера Цаца большое скопление фашистских танков!

— Молчать! — строго оборвал меня командарм, и связь прервалась.

Я растерялся, ничего не понимая.

Тут раздался телефонный звонок. Трубку взял Морозов. Командующий приказал ему, чтобы он потребовал от меня не болтать, о чем не положено.

Только тут до меня дошло: не немецкие это танки, наши!.. И тут же пронзила мысль: «Ох и будет же танкистам за плохую маскировку!». Впрочем, это к лучшему — заставят их понадежнее укрыться.

Таким вот образом кое-что знал и я. Но Шестаков, безусловно, был осведомлен гораздо больше. Потому и настроение у него радужное, приподнятое.

Он осмотрел строй, остался доволен: ребята приготовились как на парад.

— По самолетам!

На флагманском Ли-2 — сам Шестаков, на среднем — Верховец, на замыкающем — Никитин.

Летели часа два с половиной.

Прибыли на новое место, где уже противник не мог нас потревожить. До прежней точки «хейнкели» добирались. Их встречали Лилия Литвяк и Катя Буданова, прилетевшие в полк на своих самолетах. Для них командование армии сделало исключение. После того как несколько подбитых ими «хейнкелей» еле-еле сумели уйти, налеты прекратились, но тем не менее мы их ждали каждый день. А кроме двух «девчачьих» истребителей, на аэродроме практически ничего не имелось.

Здесь же, в тылу — тишь да благодать. Красивые особняки, леса, большое озеро, в котором, несмотря на конец сентября, еще можно купаться.

Все было бы ничего, да омрачали фронтовые сводки, которые каждое утро сообщал нам комиссар. Особенно тревожные вести поступали из Сталинграда. Враг наседал на город все больше и больше. Девизом его защитников стало: «Умереть, но не сдать Сталинград!».

Вполне понятно, что в такое тяжелое время мы меньше всего думали об отдыхе, сразу же приступили к учебе.

Верный принципу — слетанность полка начинается на земле — Шестаков приказал разместить нас в спальных комнатах и за столами учебного класса по звеньям, поэскадрильно.

Пришло время обеда — гурьбой направились в столовую: все-таки на отдыхе!

Дорогу преградил дежурный офицер:

— Ждите командира.

Разошлись, походили вокруг, слышим — команда на обед. Вернулись к столовой, а у входа в нее сидят Шестаков и Верховец, ждут, чтобы собрался весь полк.

— Вот теперь прошу в зал, — пригласил всех Шестаков. — Принимать пищу всегда будем вместе, в одно время.

Была в этом своя, шестаковская, мудрость. Встретиться три раза в день лицом к лицу с людьми в самой непосредственной обстановке — это очень много значит. По внешнему виду, поведению, выражению глаз человека можно узнать многое. Нередко после обеда командир и комиссар подходили к тому или иному летчику, спрашивали, почему он грустный, замкнутый, тут же все выяснялось, принимались какие-то меры или просто обходились добрым советом, подбадривающим словом.

Больше всего переживали все оттого, что не знали, где семьи, что с ними. Горе особенно горько, когда думаешь, что оно только у тебя. Но вот как-то после обеда разговорились, и выяснилось, что ничего не знает о своей семье Шестаков, неизвестна судьба родителей Верховца, оставшихся

в Ямполе на Сумщине. Баранов, Серогодский тоже были в полном неведении о местонахождении своих близких.

После такого разговора свое личное горе как-то растворялось в общем, уходило на второй план, легче становилось на сердце.

Шестаков, понимая, что сейчас, на отдыхе, думы о семьях, родителях, близких особенно тревожат людей, с каждым днем наращивал учебную нагрузку. Когда человек до предела занят — раскисать некогда.

В каждой комнате — расписание занятий. Опоздать на них — не было ничего страшнее.

Занятия, занятия… Вот когда мы вспомнили слова Василия Серогодского о том, что строевая подготовка покажется нам свежим ручейком на дне каньона. Действительно, когда подходило занятие по строевой или физической подготовке, все оживали: все-таки можно размяться, проветриться.

Будни проходили в напряженной учебе, зато по воскресеньям мы уж отводили душу на озере, в лесу, на спортивных площадках.

Но особенно запомнилась поездка в город Н-ск на авиационный завод. Сколько было радости, когда мы увидели предназначавшиеся для нас новенькие истребители Як-1.

На них завершались последние отделочные работы, мы осмотрели их, ощупали, убедились: машины что надо, сделаны на совесть!

Нелегко было добиться Шестакову разрешения на посещение завода, но зато оно вдохнуло в нас новый запас сил и бодрости. Самолеты для нас были почти готовы, вот-вот мы получим их.

На обратном пути заехали в Саратов, побывали в оперном театре, слушали «Трубадур». Как сказали нам старожилы полка, Лев Львович нигде не упускал случая посетить театр.

Вернулись в дом отдыха, уже зная, что «страдать и мучиться» в нем нам осталось совсем мало.

День возвращения на свой аэродром, скучный, пустынный, был настоящим праздником.

Но мы не знали, какой великолепный сюрприз ждет нас там: уже с воздуха увидели, что аэродром весь забит новыми самолетами! Каждого охватила настоящая, большая радость.

Жди нас, многострадальный Сталинград, уже совсем скоро мы придем тебе на помощь, очистим твое небо от фашистских коршунов.

Выйдя из Ли-2, мы сразу почувствовали, что воздух аэродрома пропитан запахом свежего аэролака. Ведь самолеты только что прибыли из цехов завода.

С большим любопытством мы рассматривали предназначавшиеся для других полков новенькие Ла-5, Ил-2, и в нашем сознании все больше утверждалась уверенность в том, что вот-вот грянет такой бой, от которого немцы долго не смогут опомниться.

Шестакову с трудом удалось нас собрать. Когда все летчики были в строю, он обратился к нам:

— День, которого все мы так долго ждали, наступил. Начинаем осваивать новую технику. Прошу каждого из вас выбрать себе по душе самолет и техника с таким расчетом, чтобы и внутри экипажей у нас было полное взаимопонимание.

Летчики 9-го гвардейского авиационного полка. Слева — Л. Л. Шестаков. 1942 г.

Мы выбирали себе самолеты, в основном ориентируясь на их хозяев — техников. Мне лично очень импонировал самый пожилой в полку, среднего роста, с добрыми глазами старшина Василий Моисеев. Еще я знал, что за ним утвердилась кличка «Капарака», которую придумал техник звена Олег Зюзин. Так она и приклеилась к Моисееву.

«Хотя бы кто не «захватил Василия», — думал я, шагая вдоль стоянки, выискивая его глазами.

На мое счастье, он еще оставался «ничейным». Я подошел к нему, поздоровался.

— Ну вот, Вася, будем вместе летать…

— Очень хорошо, командир, я именно вас и ожидал.

Мы обошли с Василием самолет, и только тут я с удивлением заметил, что на его борту красуется номер 17.

Моисеев, не зная, что означает для меня эта цифра, насторожился:

— Что, не подходит? Почему? Не тринадцать же…

— Как раз, Вася, наоборот, очень даже подходит, у меня был самолет под номером семнадцать в начале войны, затем в 4-м полку.

— Вот это совпадения! — пришла очередь удивляться Моисееву. — Надо же такое, прямо захотел бы — не придумал.

— Все правильно, Вася, семнадцать — мое счастливое число. Будем надеяться, что и нас с тобой оно не подведет.

Потом, вечером, перебирая в памяти события дня, я еще раз подивился предусмотрительности Шестакова. Ведь чего проще — закрепить самолеты за летчиками приказом. Так нет же, сами выбирайте машины и техников. Придумать это мог только тот, кто на себе испытал, что значит настоящая большая дружба между воздушным бойцом и его наземным помощником. А Шестаков со своим Ермаковым были неразлучны.

…С утра нового дня начались тренировки в кабинах. Спарок не было. Требовалось по возможности все свои действия как можно более тщательно отработать на земле.

К первым самостоятельным полетам готовились детально и всесторонне. Шестаков хотел сделать все для того, чтобы переучивание прошло без каких-либо осложнений.

Наконец подошло время самостоятельных полетов. Лев Львович сам провел предварительную подготовку. Он рассказывал о таких тонкостях эксплуатации Як-1, которые можно было знать, лишь изрядно полетав на нем. Откуда у него эти знания? Секрет командирской педагогики? Еще больше удивились мы с Амет-ханом и Борисовым, когда Шестаков первым мастерски взлетел на новом истребителе, выполнил полет по кругу, а потом, с этаким шиком пройдя над стартом, блестяще крутанул две восходящие бочки.

Приземлился разгоряченный, довольный:

— Прекрасная машина, легка и послушна!

Вскоре вылетели самостоятельно Верховец и Баранов, за ними — все остальные.

Началась отработка воздушных боев.

У Шестакова ведомым был Королев. Мы думали, что с ним он и будет тренироваться. Однако Лев Львович решил полетать с каждым из новичков.

Своих-то людей хорошо знал, а вот нас, влившихся в полк недавно, еще не испробовал в воздухе.

Первым в роли ведомого командира пошел в зону воздушного боя Амет-хан Султан — один из лучших летчиков 4-го полка. «Трехжильный», — так говорили о нем.

И этот «трехжильный» после зоны еле держался на ногах, упал на землю, широко раскинув руки, и глядя в небо, откуда только что вернулся, произнес:

— Наш командир — не лев, не сокол, он — чистый дьявол!

Нам с Борисовым стало немного не по себе. Мы никогда даже в мыслях не видели себя в одном ряду с Амет-ханом, но если его так «ухайдокал» Шестаков, то что же будет с нами?

Внезапно поступил приказ: срочно сняться всем полком; перелететь на новое место. За ужином Лев Львович сказал:

— Маршрут узнаете утром. Полк поведу я. Сегодня всем пораньше лечь спать, подъем будет ранним.

— Разрешите вопрос? — поднялся из-за стола Алелюхин.

— Пожалуйста.

— Нельзя ли узнать, куда и зачем летим?

— Много будешь знать — плохо будешь спать, — ответил Шестаков.

Стало ясно: затевается что-то серьезное.

Перед отбоем к летчикам зашел Верховец. Надеялись от него услышать что-либо конкретное. Но он раздал нам свежие газеты и сказал:

— Готовьтесь, ребята, предстоит настоящая работа. И с тем ушел.

Мы развернули газеты — там все о Сталинграде. «Мир восхищается защитниками волжской твердыни!», «Пример несокрушимости», «Враг не ступит за Волгу» — пестрели крупные заголовки. А вот поздравления из-за рубежа в связи с приближающейся 25-й годовщиной Великого Октября. И в каждом — высокая оценка отважной борьбы героев-сталинградцев.

— Неспроста дал нам комиссар эти газеты, — прокомментировал Женя Дранищев. — Видимо, двинемся поближе к Волге.

— Во-первых, уже не комиссар, а замполит, — вступил в разговор Серогодский, — а во-вторых, поближе к Волге не значит поближе к фронту. Можно ведь и в Астрахань попасть, прикрывать там нефтеналивные баржи.

Действительно, с 9 октября 1942 года институт военных комиссаров был отменен, введены заместители командиров по политической части. Так на практике осуществлялся принцип единоначалия в Советских Вооруженных Силах.

Что касается Астрахани, то нам приходилось встречать летчиков, которые охраняли следовавшие по Волге из самого южного ее порта транспорты с горючим…

Но все-таки, куда мы летим?

Ранним утром начальник штаба показал нам на карте им же нанесенную точку в голой степи. Протянул к ней линию от нашего аэродрома.

— Лету — двадцать минут, — сказал он. — Всем полком следовать за командиром.

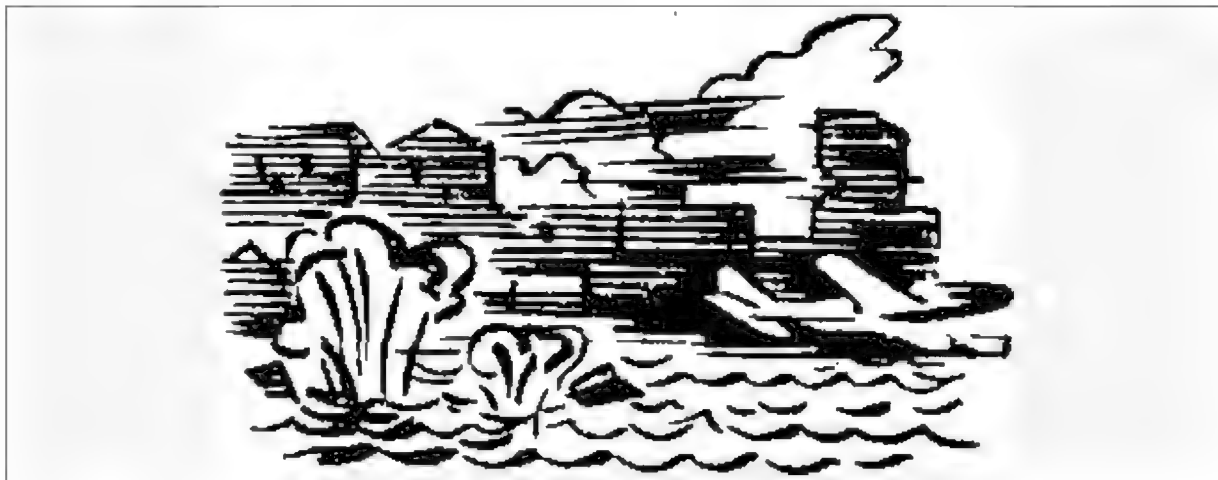
Слово взял Шестаков:

— Я сяду первым, осмотрю площадку, выложу посадочное «Т», возле него поставлю свой самолет. По нему и знаку ориентируйтесь при посадке. Как приземлитесь — сразу рулите вправо, там каждого встретит техник.

Все так и произошло.

Только одно озадачивало нас: самолеты приземлялись, сруливали вправо и тут же как сквозь землю проваливались. Мы практически видели одну лишь командирскую машину. Но когда сел последний истребитель — и она исчезла. На ровной, как блюдце, степи, по-прежнему стояли лишь рыжие копны пересохшего сена. Под этими копнами были укрыты и самолеты, и люди.

БИТВА НА ВОЛГЕ

Шестаков облетел наш степной аэродром, убедился, что обнаружить ничего невозможно, и после этого жизнь на этом заброшенном куске выгоревшей земли словно вымерла. Днем никто не имел права показаться из-под копен. Все дела решались теперь только ночью и то с соблюдением строжайшей светомаскировки.

Так тянулось дней шесть. Все уже истомились, устали от напряженного ожидания чего-то неизвестного, от изнуряющей до одурения бездеятельности.

Над нами иногда проходили немецкие разведчики. Горячий Амет-хан так и рвался из-под копны.

— Не могу больше так сидеть, дайте сбить хоть одного шайтана!

О том, что у людей настроение падает, узнали Шестаков и Верховец. Однажды собрали людей, пообещали:

— Осталось ждать совсем мало. Наш час вот-вот грянет, — сказал Шестаков, загадочно улыбаясь, — и всем стало легче, ожидание не казалось теперь таким невыносимым.

О том, почему мы в октябре 42-го страдали и мучились в степи под копнами, узнаем только через тридцать лет из уже упоминавшейся нами книги А. М. Василевского «Дело всей жизни».

> «Примечательная черта контрнаступления под Сталинградом — скрытность его подготовки, — говорится в ней. — Специальная директива Генерального штаба определила

> мероприятия, которые исключали бы просачивание сведений о масштабе контрнаступления, времени проведения, направлении главных ударов, способах действий. В частности, переписка и телефонные разговоры, связанные с предстоящим контрнаступлением, были категорически запрещены; распоряжения отдавались в устной форме и только непосредственным исполнителям; сосредоточение войск из резерва Ставки Верховного Главнокомандования и перегруппировка войск внутри фронтов производилась только ночью. Все это основательно спутало карты немецкого командования».

Таким образом, и наш 9-й гвардейский Краснознаменный Одесский полк, переученный и перевооруженный, тоже принимал участие в этой колоссальной по своим масштабам игре по спутыванию карт гитлеровских штабов. И не только наш полк. На подступах к Сталинграду была сосредоточена и тщательно укрыта от вражеского глаза, как танки на озере Цаца, масса авиации.

Страна накапливала силы для сокрушительного удара по врагу.

Днем этого удара стало 19 ноября. На следующий день нас подняли на ноги затемно.

— Что, началось? — спрашивали мы друг у друга.

Но ответа никто не мог дать, пока не состоялся митинг.

— Товарищи! Пришел час расплаты с ненавистным врагом, — звонким, сильным голосом обратился к нам Шестаков. — Мы долго отступали, мы, скрипя зубами, оставляли врагу наши села и города. Но теперь этому конец! Слушайте приказ!

Торжественно, четко Лев Львович зачитал приказ командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника А. И. Еременко. Из него явствовало, что сегодня, 20 ноября, войска Сталинградского фронта перешли в решительное контрнаступление.

— Ура-а-а! — единым вздохом взорвался полк.

— Ура-а-а! — трижды прокатилось по бесконечной заволжской степи.

Шестаков и Верховец один за другим поцеловали Знамя части, спасенное Дмитрием Спиридоновым.

— Смерть за смерть, кровь за кровь! В наступление, товарищи! — раздался пламенный призыв замполита и наполнил наши сердца и души неистребимой жаждой мести ненавистному врагу.

Начало светать. С первыми проблесками солнца загудела под ногами земля. Это началась артиллерийская подготовка наступления. Тысячи

орудий обрушили свой огонь на фашистов.

Дальше слово было за нами — авиаторами. Но висел такой густой туман, что о вылетах не могло быть.

Матушке-пехоте в первый день контрнаступления пришлось действовать без нашей поддержки. Нам же — хоть плачь с досады!

К счастью, погода вскоре смилостивилась, туман рассеялся.

Наши истребители уже были давным-давно подготовлены к взлету. Достаточно было одной команды Шестакова «По самолетам!», чтобы, сбросив с машин копны сена, мы через десять минут оказались в воздухе.

Вот теперь уж действительно наш час настал.

Полк ведет Шестаков. Идем «этажеркой» — для нас, выходцев из 4-го полка, — не совсем обычным строем. Однако мы быстро убеждаемся в его большой эффективности.

Лев Львович возглавлял ударную группу — впереди и ниже всех на высоте около двух тысяч метров. Выше его и правее — эскадрилья Алелюхина. Еще выше и правее — наша эскадрилья Ковачевича. Таким образом — правый пеленг «этажерки». Отлично друг друга видим, хорошо просматривается все пространство вокруг, нас никто внезапно не атакует, мы сумеем защитить себя, поразить любого противника.

Чувство хорошо слаженного группового боевого полета — особенное чувство. Оно возникает от сознания, что рядом крылом к крылу идут верные, надежные товарищи, что мы не каждый сам по себе, а как бы единый, мощный ударный кулак. Идешь в таком строю — и песни хочется петь, потому что знаешь, у тебя сейчас не одна, а десятки пар глаз, ты рассчитываешь не только на свои пушки, но и на оружие соседа справа, слева, снизу, сверху.

А теперь представьте себе, насколько возрастает это чувство собственной силы, уверенности и неуязвимости, когда ты видишь рядом не только самолеты своего полка, но и сотни, а то, пожалуй, и тысячи машин братских частей.

Больше никогда в жизни мне не приходилось видеть в воздухе одновременно столько самолетов. «Яки», «лавочкины», «лагги», «петляковы», «илы» — ими было заполнено все пространство вокруг. При виде этой внушительной грозной армады мы были удивлены: откуда столько техники? Откуда она взялась, если еще вчера немцы безраздельно господствовали в небе Сталинграда?

Многое из пережитого нами в последнее время стало проясняться, видеться совсем в ином свете. Не напрасны, нет, не напрасны были все наши испытания. Вот какую силищу накопила страна! Теперь нас уже окрыляло не просто чувство группового боевого полета. Мы были участниками

небывалого, грандиозного наступления, частицей огромной силы, призванной перемолоть, стереть с лица земли скопище фашистских орд под Сталинградом.

Шестаковцы с небывалым боевым подъемом прикрывают наши штурмовики и бомбардировщики, обрушившие бомбовые удары на передний край гитлеровцев.

Немец в воздухе, еще не осознав происшедшего, продолжает по-прежнему держаться нагло и самоуверенно. Но очень скоро, после того, как один за другим на землю рухнули шесть «мессершмиттов», спесь с врага слетела. В тот день впервые за последнее время мы были полновластными хозяевами сталинградского неба.

Последний удар нанесли по фашистским аэродромам в Гумраке и Воропоново.

Оттуда пытались взлететь истребители. Я видел, как поливал их огнем Шестаков, и слышал, как его ведомый Иван Королев азартно кричал:

— Горит, еще один горит!

Под надежным прикрытием группы Шестакова, которую, в свою очередь, бдительно охраняли мы, «илы» и «петляковы» смертельным ураганом прошлись над вражескими аэродромами, оставив на них лишь груды искореженного металла да бушующее пламя вокруг топливных цистерн.

Много фашистской техники было уничтожено на земле, шесть «мессеров» сбили в воздухе, четыре из них — группа Шестакова.

Мы обошлись без единой потери. Даже шальной снаряд никого не царапнул.

Это было торжество возмездия! Фашисты получили сполна по заслугам.

И теперь, мы были в том уверены, будут свое получать, пока последнего из них не вгоним в землю.

…На прежний аэродром мы больше не вернулись. По личному приказанию командарма нас посадили у села со странным названием — Зеты. Вместе с этим приказом была передана и благодарность нашему полку от командующего за исключительно активную боевую работу.

Действительно, мы все были как единый, хорошо слаженный механизм. «Слетанность полка начинается на земле», — многим из нас тогда вспомнились слова Шестакова.

Зеты — калмыцкое село, от которого осталось всего три хаты. Местность вокруг него та же, что и ранее — сколько глаз видит, степь да степь. Только теперь — белая, заснеженная. Холодная, ветреная зима властно вступала в свои права. Немцы при бегстве оставили здесь наспех

оборудованные землянки и капониры для самолетов. Но дров никаких не было, топить печи нечем, приходилось закутываться в чехлы и в них спать.

Некоторые недоумевали: разве мало более порядочных аэродромов?

Пришлось Верховцу поручить парторгам и комсоргам эскадрилий побеседовать с людьми, разъяснить что к чему.

Дело было в том, что немецкая группировка в Сталинграде оказалась в котле, отрезанной от остальных своих войск. Фашистское командование начало срочную переброску окруженным по воздуху оружия, боеприпасов, продовольствия, а от них — раненых. Зеты располагались как раз на пути, по которому сновали туда и обратно транспортные «юнкерсы». Уничтожать их — такая задача была поставлена перед нашим полком. Когда всем стала ясна цель нашего пребывания в Зетах — жизнь пошла веселее, мы с большей охотой начали устраиваться на новом месте.

Перед ужином Шестаков в столовой, оборудованной в одной из хат, подвел итоги дня.

На черной доске, которую всегда возил с собой Никитин, четко нарисовал мелком боевой порядок полка, обозначил самолеты противника, его аэродромы.

— Итак, прошу слушать внимательно. Сегодня у нас был весьма удачный вылет, но он мог пройти с еще большей эффективностью, если бы…

Я никогда не думал, что, возглавляя в бою полк, лично участвуя в схватке, можно одновременно видеть и оценивать действия каждого летчика. Когда Лев Львович раскрывал Алелюхину, Ковачевичу, Серогодскому, Королеву, мне и другим летчикам глаза на то, где и когда мы совершили ошибку, допустили неправильный маневр, вели неточный огонь — нам, честно скажу, становилось не по себе. Каким объемом внимания, какой осмотрительностью и памятью нужно обладать, чтобы все это заметить и запомнить, проанализировать и растолковать подчиненным. Нет, неспроста его позывной «Сокол-1».

Но закончив анализ боевого вылета, Лев Львович не остановился на этом.

— А теперь рассмотрим возможные другие варианты наших действий в подобной ситуации.

Это уже начинался урок тактики, урок творческого мышления, поиска наиболее целесообразных приемов и способов решения боевой задачи.

В заключение — советы.

— Огонь открывайте с дальности сто метров. Стрельба с большого расстояния малорезультативна, позволяет противнику мобилизоваться для отпора… Не заходите бомбардировщикам в хвост. Лучше всего — сзади под

ракурсом в две четверти или снизу под сорок пять градусов. Это обеспечит вам неуязвимость от огня стрелков-радистов. Пошли в атаку — не сворачивайте, даже если вас осыпают пулями. Подходите вплотную, бейте в упор… Если идет группа бомбардировщиков — сверху, в спину бейте ведущего. Остальные тут же расползутся по сторонам… Не ввязывайтесь в бой на виражах. Наши моторы позволяют вести его на вертикалях, где немцы слабее… Нужно уйти — стремитесь вверх. Высота легко превращается в скорость, а с ней вы не пропадете. Если же вынудят уходить вниз — только резким переворотом. Из пикирования выходите боевым разворотом, чтобы можно было осмотреться… Держитесь группы, не рассыпайтесь. Из атак выходите в ту сторону, где большинство своих… Всегда старайтесь находиться со стороны солнца. Оно слепит врага. Для этого смелее используйте прием «люлька» — ходите так, чтобы солнце было сзади вас. Увидел врага — в атаку разворотом «Все вдруг!»… В воздухе ваша голова должна вращаться как на шарнирах. Кто все видит — того не застанешь врасплох… После боя — не расслабляться до выхода из кабины на аэродроме. Враг хитер и коварен, в любую минуту может подстеречь…

Мы слушали Шестакова и думали: «Это же наука побеждать! В основе ее — опыт боев в Испании, Одессе, под Харьковом и теперь здесь, в Сталинграде. С такой наукой будет легче бить врага!»

Многие из нас торопливо записывали все, что говорил командир. Я же на всю жизнь запомнил его науку. И до сих пор не сомневаюсь в том, что именно она помогла мне потом при самых крутых поворотах судьбы…

Первая ночь в Зетах показалась нам бесконечно длинной: все замерзли, не могли спать. Немцы, конечно же, узнали о нашем месторасположении. И с рассветом обрушили такой бомбовый удар, какой никому из нас еще не приходилось испытывать.

Услышав знакомое завывание бомб, мы бросились в капониры. Увидели, как на одном из них бесстрашно, в полный рост стоял Шестаков и во весь голос командовал:

— Всем в укрытие, быстрей, быстрей! Ложись!

Он проводил взглядом падающие бомбы до самой земли и тут же сам бросился в снег. Раздалась серия взрывов, от которых содрогалось все вокруг.

«Юнкерсы-87» или, как их называли «лапотники», тройка за тройкой заходили на аэродром, а мы ничего не могли предпринять — самолеты в капонирах, их моторы позастывали, взлететь невозможно.

Бомбежка продолжалась минут двадцать. Потом наступила необычная звонкая тишина. Мы вылезли из укрытий, увидели на белом снегу

распластанную человеческую фигуру. Подошли — техник Жук. Это была единственная наша потеря от той бомбежки.

Немцы своей цели не достигли. Полк продолжал жить. Несколько самолетов, получивших незначительные повреждения, к вечеру были введены в строй.

Но урок, как говорится, пошел впрок.

Во избежание подобных «сюрпризов» организовали боевое дежурство экипажей. Больше внезапных налетов нам переживать не приходилось.

А мы, совершая в день максимально возможное количество вылетов, один за другим сваливали на землю тяжело груженные транспортные «юнкерсы». Они падали недалеко от нас, благодаря чему мы перешли на питание трофейными пайками. И кстати: с продуктами в то время у нас было бедновато.

В Зетах к нам прибыло пополнение — Остапченко, Кильговатов, Киреев, Контанистов. Все ребята молодые, необстрелянные. Шестаков слетал с каждым. Помню, Киреев его разозлил тем, что в воздухе почти ничего не видел, у него была слабо отработана осмотрительность.

— Два часа сидеть в кабине, крутить головой, замечать все вокруг! — приказал ему Лев Львович. — И чему их только в училищах учат, — бросил подошедшему Верховцу.

— Ускоренная подготовка, Лев Львович, — ответил замполит. — А два часа крутить головой — обалдеть можно. Разрешите, я займусь с Киреевым.

Спокойствие и уравновешенность комиссара, как все продолжали его звать, подействовали на командира отрезвляюще.

— Пожалуй, ты прав, Николай Андреевич. Вот что, давай-ка закрепим молодых за нашими «стариками». Пусть учат.

— Годится. Я займусь Киреевым, Алелюхину поручим Кильговатова, Серогодскому — Контанистова…

— А Остапченко пусть берет на себя Лавриненков, — вставил командир. — У него нет ведомого, вот и пусть готовит его для себя.

Так у Верховца, Алелюхина, Серогодского и у меня появилась дополнительная забота. Ребята оказались расторопными, восприимчивыми, быстро приобретали необходимые навыки. Не повезло только Контанистову, ему пришлось перейти к другому учителю: Василий Серогодский, получивший звание Героя Советского Союза за бои в Одессе, погиб. Погиб самым нелепым образом, отчего утрата его только с большей болью отдалась в наших сердцах.

А дело было так. На прежнем месте мы оставили один сломанный «як». Его отремонтировали, и нас с Василием послали за ним на По-2. Серогодский должен был пригнать обратно «як», я — «кукурузник».

Когда улетали оттуда, Василий решил попрощаться с батальоном аэродромного обслуживания каскадом пилотажных фигур на малой высоте. И на глазах у всех врезался в землю.

Я не знал, как мне возвращаться в полк, что сказать Шестакову.

Докладывал ему о происшедшей трагедии и ждал, что на меня вот-вот обрушатся все громы и молнии шестаковского гнева. Но он выслушал меня, посерел лицом, как-то сжался, сгорбился весь, будто с гибелью Серогодского умерла и частица его самого. Да это, пожалуй, так и было — ведь он любил Василия, ценил его за веселый нрав, открытую, общительную натуру. У них был общим самый тяжелый период жизни — одесский. А это значило очень и очень много.

Шестаков поднял на меня потемневшие от горя, печальные глаза, начал хрипло говорить:

— Я не один раз приводил Василию слова Льва Толстого: труднее всего усваиваются прописные истины. Он посмеивался над ними и позволял себе иногда то, что рано или поздно должно было закончиться бедой. Я однажды наказал его за «бочку» сразу после взлета в наборе высоты. Но и это впрок не пошло. А небо ведь не смотрит, кто в нем — рядовой летчик или герой. Перед ним все равны, оно никому не позволяет шутить с ним. Ах, да что теперь говорить! Нет превосходного парня, боевого летчика. Мотай, Лавриненков, на ус и другим расскажи, что бывает, когда нарушаются летные законы. Это все, чем мы можем помянуть Васю Серогодского…

Проникновенные, идущие из самого сердца слова командира взволновали меня до слез. Уходя от него, я уносил разделенную с ним горечь тяжелой, безвозвратной, небоевой потери, как значилось в формуляре полка.

Мы продолжали сбивать транспортные Ю-52, лишая Паулюса позарез нужной помощи. Фашисты стали усиленно прикрывать своих «транспортников». Завязывались горячие схватки, в которых доставалось и немцам, и нам.

Как-то вылетели шестеркой во главе с Шестаковым. Лев Львович взял меня в качестве ведомого — для проверки. Естественно, я немного нервничал. Но держался возле командира, как привязанный. И только один раз, когда он, зажатый четверкой «мессеров», невероятно резким переворотом ушел от их трасс, несколько отстал от него.

«Ну теперь не миновать нахлобучки», — решил я и стал еще больше волноваться. В итоге на посадке оплошал в расчете.

Пришлось идти на второй круг.

И вот разговор на земле.

— Вы отлично держались своего места. Немного отстали — не беда. А вот почему на второй круг ушли?

— Виноват, скорость разогнал.

— А вы были уверены, что над головой нет «мессеров»?

— Об этом не подумал…

— А кто же за вас будет думать? Вы же уходили с выпущенным шасси, вас, как куропатку, могли снять…

Под конец разговора Шестаков приказал:

— Пять полетов по кругу для отработки расчета на посадку!

И пришлось мне на глазах у всего полка, краснея от стыда, пять раз «притирать» самолет точно у «Т». Зато уж я на всю жизнь запомнил: с приходом на аэродром опасности не кончаются, смотри в оба, не промазывай на посадке. И не один я запомнил это, но и все, кто наблюдал за моими «школярскими» полетами. Что ж, авиация — дело серьезное…

Приближался 1943 год. Мы все еще в насквозь промерзших Зетах. Когда ранним утром идем на стоянку — снег звонко, как битое стекло, похрустывает под ногами, а наше дыхание кристаллами льда оседает на воротниках комбинезонов.

Как-то, позавтракав, спешили к самолетам. Из-за горизонта показался ярко-красный диск восходящего солнца. Щуримся под его пронзительно колючими лучами, беспокоимся, сумели ли техники в такую холодину как следует подготовить истребители. Вообще в ту суровую зиму мы не могли пожаловаться на авиаспециалистов — не было ни единого срыва вылета по их вине. Это не один раз отмечали и Шестаков, и Верховец. Мы знали, какой ценой достается успех нашим наземным помощникам. Однажды я чуть раньше положенного времени пришел к своей машине и увидел, как мой верный техник Моисеев по пояс влез в моторный отсек и голой правой рукой, сплошь покрытой ледяным панцирем, пытался что-то сделать в нижней части радиатора. Оказалось: залил охлаждающую жидкость, а она стала где-то протекать. Пришлось искать и устранять неисправность в труднодоступном месте. А мороз был такой силы, что даже охлаждающая жидкость не выдерживала: стекая по руке, превращалась в лед. С беспокойством думаю: «Как-то управился Моисеев сегодня?»

Идем, разговариваем, поглядываем на солнце, любуясь красочным восходом. Вдруг кто-то крикнул:

— Братцы, «мессеры»!

— Где?!

— Смотрите назад.

— Точно, они гады. К самолетам!

Помчались во весь дух, и уже на бегу я увидел, что винт моего истребителя вращается — Моисеев прогревает мотор. Ну и молодчина!

С ходу занимаю место в кабине, даю газ — мотор работает как часы. Взлетаю, устремляюсь навстречу «мессерам». За мной попытался взлететь старший лейтенант Сидоров, но сразу ему это не удалось: мотор был слабо прогрет, не потянул.

Я оказался один против трех. С ходу вступаю в бой. И уже через минуту первый подбитый враг идет к земле, на вынужденную. Но два других рвутся к нашему аэродрому. Я понимаю их замысел — проштурмовать стоянку, вывести из строя наши самолеты. Взглянул вниз — там мечутся летчики, техники, некоторые машины, очень медленно разбегаясь, пытаются стартовать. Надо во что бы то ни стало помешать фашистам. Настигаю одного, уже начавшего пикировать на аэродром, подхожу поближе сзади, открываю огонь. Вражеский летчик оказался опытным. Он чуть уклонился в сторону — и моя трасса прошла мимо. Но и его снаряды легли в сторонке от стоянки, посыпались на летную столовую, там «взорвался» кухонный котел.

«Ну, погоди! — скрипнул я зубами. — Не уйдешь!». Немец, выходя из пикирования, снова попытался увернуться от моих очередей, но я учел это, взял нужное упреждение и теперь не промахнулся. Вздыбившись, как от столкновения с невидимой преградой, «крестоносец» стал падать вниз. Я тут же устремился за третьим, последним истребителем. Но его уже преследовал старший лейтенант Сидоров. Фашист уходил в сторону солнца и, сраженный метким огнем, казалось, сгорел в его ярких лучах.

Небо над аэродромом снова чистое. Иду на посадку. На стоянке — толпа. Все обступили взятого в плен фашистского летчика. Это был высокий, рыжий, щеголевато одетый офицер.

Разговор получался с трудом: за переводчика был Даня Кацен, кое-как владевший немецким. Но все же нам удалось выяснить, что пленный имел на своем счету до сорока сбитых самолетов. Правда, большинство — над европейскими странами.

Из показаний пленного летчика стало известно, что на аэродроме Гумрак базируется полк Ю-87 под командованием «старого знакомого» Шестакова еще по испанским боям Курта Ренера, чудом унесшего ноги из-под Одессы.

Всем полком идем на Гумрак. Перед вылетом Шестаков подозвал меня.

— Лавриненков, вот и пригодилось ваше знание здешних мест. Поведете шестерку прикрытия ударной группы. Вам не нужно следить за ориентирами, лучше будете следить за «мессерами». В Гумраке, кроме

полка Ю-87, есть Ю-52, «Дорнье-215», «Хейнкели-111». Наша задача — уничтожить как можно больше самолетов.

Гумрак — мой давний аэродром. Я знал его до мельчайших подробностей. Когда-то приветливо встречал меня из полета, подстилал под колеса моей машины мягкий ковер зеленого летного поля.

Но сейчас он ощетинился интенсивным огнем, сквозь который мы пробивались с большим трудом.

Ударная группа свое сделала: после нескольких заходов на земле запылали более десяти вражеских машин.

Мы не подпустили к своим товарищам ни одного «мессершмитта». Но и сбить в воздухе ни одного из них нам не удалось. Расстроенные этим, вернулись домой. Шестаков, заметив наше огорчение, ободрил:

— Свою задачу вы выполнили блестяще, полностью развязали нам руки. И за это — командирское спасибо!

Сталинградская битва закончилась сокрушительным разгромом фашистских полчищ. Ее эхо прокатилось по всему земному шару, вселив в сердца людей веру в неизбежный крах ненавистного всему миру гитлеровского фашизма.

Фронтовые дороги повели нас дальше — мы перелетели в Котельниково. И здесь случилось то, чего мы меньше всего ожидали.

Вот строки из боевого донесения:

> «10 января 1943 года восьмерка Як-1 под командованием Шестакова вылетела на прикрытие своих войск. Выполняя задание, встретили «юнкерсов» и атаковали их всей группой. В погоне за противником участники вылета потеряли своего ведущего — подполковника Шестакова. Возвратившиеся домой летчики не могли объяснить, куда девался ведущий.
>
> Между тем, Шестаков, оставшись один, вступил в схватку с тремя Ме-109, в которой его самолет был подожжен…»

В том полете были Ковачевич, Костырко, Дранищев и еще четыре летчика. По их рассказам, каждый из них был занят преследованием противника, и никто не видел, куда девался Шестаков.

Ничего подобного в полку никогда не случалось. Никто не хотел верить, что командир погиб, но его не было, и уже одного этого было достаточно, чтобы у нас опустились руки.

Впервые мы ужинали без Шестакова. Его место оставалось пустым. Верховец и Никитин не прикоснулись к пище, сидели мрачные.

Ночью почти никто не спал. Ждали: вот-вот появится командир. Но наступил рассвет — о нем ни слуху ни духу.

Неужели все? Нет, этого не может быть» Не таков Шестаков, чтобы не выжить, не вернуться в свою соколиную семью.

Впрочем, война есть война, и на ней бывает всякое… При мысли об этом невыносимая боль сдавливала наши сердца.

И вдруг — о, счастье! — телефонный звонок: Шестаков жив, легко ранен, отправлен в госпиталь.

А через какой-то час тихоходный По-2 доставил в полк и самого Льва Львовича.

Все в полку стало на свои места, летавшие с ним летчики готовы были принять любую кару, лишь бы был жив и здоров наш командир.

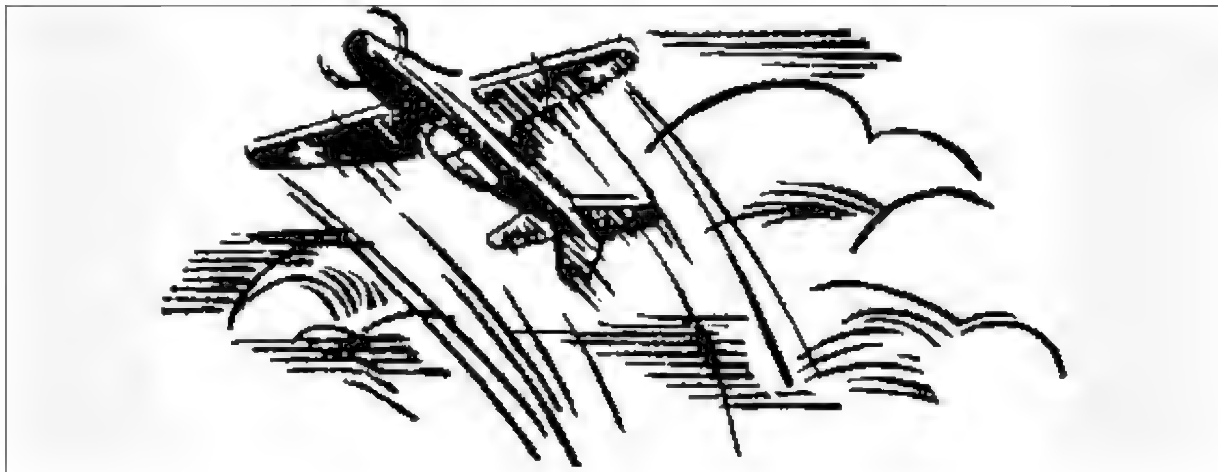
Лев Львович никого не корил, не журил. Дал возможность каждому самому разобраться в своих ошибках, сделать для себя выводы.

Правда, Верховец не мог совсем не среагировать на подобный беспрецедентный факт. Он порекомендовал командирам провести с летчиками беседы «Ведущий и ведомый — щит и меч», «О взаимовыручке в групповом воздушном бою». Эти беседы выливались в откровенные обмены мнениями. Доставалось на орехи тем, кто подчас забывал святые авиационные заповеди…

А что же случилось в том бою с Шестаковым? Подбитый, он пошел на вынужденную. Улучив подходящий момент, успел выбраться из кабины, отползти в сторону. А «мессеры» били по «яку» до тех пор, пока тот не взорвался.

Что ж, и соколов иногда постигают неудачи… Простил своих ведомых Шестаков. Так поступают истинно мужественные, благородные люди.

ТРУДНО БЫТЬ ПЕРВЫМ

«С 1 января по 30 июля 1943 года 9-й ИАП вел активные боевые действия на Сталинградском, затем Южном фронтах. В ходе зимнего наступления Красной Армии после разгрома немецких войск под Сталинградом полк асов в составе 18 летчиков участвовал в боях за освобождение Сталинградской и Ростовской областей и г. Ростова.

За этот период полком произведено 1544 боевых вылета, уничтожено 109 вражеских самолетов…»

За этими скупыми, бесстрастными строками из боевого формуляра полка — семь напряженнейших месяцев фронтовых свершений.

Все мы, жившие одним стремлением разгромить фашистов под Сталинградом, втайне надеялись, что потом станет легче, враг со сломанным хребтом уже не тот, с ним проще будет управляться.

Но на войне не бывает ни легче, ни проще. Идет она — и требует от людей отдачи всех своих сил.

Победа Советской Армии под Сталинградом открыла возможность к расширению наступательных операций на Северном Кавказе, Верхнем Дону, курском и харьковском направлениях, в Донбассе, под Ленинградом.

14 февраля 1943 года освобожден Ростов-на-Дону. Сюда же приказано перебазироваться 9-му гвардейскому авиационному полку.

С радостным волнением приземлял Лев Львович полк на аэродром, с которого началась его командирская деятельность, где он обогащал опытом

боев в Испании летчиков своей эскадрильи.

Думал ли он, что ему еще придется побывать в этих дорогих сердцу местах? Вряд ли мог такое загадывать!

Полк снова оказался на одном из огнеопасных участков войны. Дело в том, что вступила в строй железнодорожная магистраль, по которой из Баку через Грозный, Ростов и Сталинград один за другим следовали эшелоны к фронту. Все бомбардировщики, сосредоточенные на аэродромах южной Украины, враг бросил сюда. И когда они волна за волной подходили к этим местам, наше командование сигналами «Все на Ростов!», «Все на Батайск!» поднимало армады советских истребителей, и тогда волна сходилась с волной, в воздухе было черно от самолетов, а земля окрест обильно усыпалась обломками вражеских машин.

Шестаковские «яки» с гвардейскими знаками на борту уже дважды выработали свой ресурс, многие из них, казалось, вот-вот рассыплются от толчка о землю при посадке, не говоря уже о сверхперегрузках при схватках с врагом.

Все повторялось, как с «лаггами». Лев Львович твердо решил: закончится их ростовско-батайская эпопея — поедет лично к командарму Хрюкину просить новые машины. Сейчас, когда враг пытается вернуть себе былое господство в воздухе, все чаще и чаще прибегает к тактике массированных налетов, больше всего требуется наращивание скорости и огня.

Но пока что об этом можно было только мечтать и пускаться на всевозможные ухищрения, чтобы снова бить фашистов не числом, а умением.

Тут Лев Львович впервые использовал прием, если можно его так назвать, — «клевка». В чем его суть? Группа «яков» молниеносно атакует эскадру бомбардировщиков и тут же уходит в сторону. Прикрывавшие ее «мессеры» бросаются в погоню за нашими истребителями, а в это время вторая группа «яков» стремительным ударом без помех расправляется с «юнкерсами» или «хейнкелями».

И командиру 6-й гвардейской Донской дивизии Б. Т. Сидневу, и командующему 8-й воздушной армией Т. Т. Хрюкину пришлась по душе новая тактика Шестакова. Они тут же позаботились о том, чтобы опыт этот переняли во всех других полках. Все-таки, что ни говори, а Шестакову удается малой кровью добиваться значительных успехов, надежно прикрывать важные стратегические узлы — Ростов и Батайск.

Шло время. Немцы убедились в тщетности своих попыток нанести нам ощутимый урон, бомбя ростовский железнодорожный вокзал. Тогда они со всей силой обрушились на Батайск.

В тот день я только вернулся с боевого задания, Моисеев начал заправку истребителя. Гляжу, а небо на западе все черное: идут «юнкерсы» и «хейнкели». Не меньше ста самолетов. Я уже взлететь не успею, бегу на КП предупредить Шестакова. Тот, оказавшись в таком же, как и я, положении, решил руководить боем с земли.

— Всем в воздух! — отдал команду.

Дежурной была эскадрилья Амет-хана.

Услышав команду, аметхановцы Борисов, Коровкин, Твеленев, Пухов, Мальцев вмиг вскочили в кабины, порулили на старт. Вслед за ними устремилась эскадрилья Головачева. Ушли Дранищев, Карасев, молодые летчики Леонов, Шапиро и другие. Мне впервые представилась возможность понаблюдать За воздушной схваткой и руководством ею Шестаковым со стороны.

Лев Львович был немногословен, но точен и требователен. Каждому летчику он указал цель, все строго выполняли его команды. И только один Женя Дранищев почему-то в наборе высоты стал разворачиваться влево, а не вправо.

— Дранищев, куда пошел? — спросил стальным голосом Шестаков.

Я видел, как Женя, какое-то мгновение поколебавшись, стал разворачиваться обратно, к своим. И может быть, именно это спасло его от верной гибели. «Мессеры» сразу бы взяли в клещи оторвавшийся от основной группы советский истребитель, и они бы наверняка расстреляли его: ведь он в наборе высоты, скорость еще не разогнал, высоты нет.

Но когда повернул к своим, тут как тут подвернулись Амет-хан с Борисовым. И «мессеры» лишь успели зацепить своими снарядами хвостовое оперение на «яке» Дранищева. Под прикрытием верных друзей он вышел из боя, стал скользить к аэродрому.

При виде всего этого Шестакова покоробило:

— Разве так воюют! — и тут же громко скомандовал:

— Всем остальным — на Батайск!

Он бросился к своему, уже заправленному самолету. Я и еще два остававшихся пока на земле летчика последовали его примеру.

Взлетая, мы видели, как, не дотянув до летного поля, садился на вынужденную Дранищев. Но зато в воздухе один за другим валились поверженные вражеские машины. Уже несколько костров пылало и на земле. По цвету дыма мы легко определили — горят фашисты. У них бензин другой…

Появление Шестакова в воздухе сразу изменило обстановку в нашу пользу. Он в стремительной атаке одного за другим сбивает двух «юнкерсов». Еще три самолета поджигает Амет-хан.

В дело вступило подкрепление, подоспевшие другие полки. И теперь-то в небе творилось такое — сам дьявол не мог бы разобраться что к чему.

Я видел, как от меткой очереди Коли Коровкина задымил Ю-88. Потом еще один.

«Молодец! — подумал про себя. — Недавно в полку, а дерется неплохо». Мне было приятно сознавать это потому, что он оказался моим коллегой — работал инструктором в училище, с трудом вырвался на фронт.

Увлекшись атакой, я потерял Коровкина из виду. И когда под нами мелькнул купол парашюта, а по нему открыл огонь «мессер», которого тут же сразил Твеленев, я еще не знал, что в последний раз вижу Колю Коровкина. Израсходовав снаряды, он таранил «юнкерс» и покинул самолет. Но фашист не дал ему живым спуститься на землю…

В том памятном бою только наш полк уничтожил шестнадцать вражеских самолетов.

Николая Коровкина похоронили прямо на аэродроме, его могила и сейчас находится на территории Ростовского аэропорта. Очень сожалели о нем. За короткий срок все успели полюбить его, сдружиться с ним. И вот теперь такое тяжелое прощание. Шестаков посмертно представил его к правительственной награде.

Не вернулся и летчик Борисов. Что с ним? Наступал вечер, и нам оставалось только надеяться, что он придет, как уже не раз бывало с другими.

Он явился в полк утром. Живой и невредимый. Спустился на парашюте на нейтральную полосу, пехотинцы выручили его.

Только успели порадоваться возвращению Борисова — звонок из штаба армии, вызывают Шестакова. Мы все забеспокоились. Зачем? Что случилось?

Оказывается, командарм лично поздравил его с большой победой — шестнадцатью сбитыми самолетами. В разговоре поинтересовался, нет ли у Шестакова каких-либо просьб, пожеланий?

— Дайте нам новые самолеты.

— Все на своем настаиваешь? Ведь для переучивания снова придется с фронта снимать? Опять будешь недоволен?

— А мы переучимся без отрыва от боев, — ответил Шестаков.

— Смотрите, какой новатор! Ну ладно, передай своим, уговорил…

Вот с этой радостной новостью и прибыл Шестаков от командарма. Но и мы в долгу у него не остались — вручили ему долго ходившее по полевым почтам письмо от жены, посланное из незнакомой нам Туймазы, что в Башкирии.

Мне показалось, что, взяв в руки конверт, Лев Львович на короткое время забыл о командарме, о всех нас. Лицо его выражало бесконечную радость. Первая дорогая весточка за всю войну!

> «Дорогой, любимый наш Левушка! — писала Олимпиада. — Мы все уже так истосковались по тебе, что не находим себе места. Самое ужасное — не знаем, где ты, что с тобой. Недавно в газете прочитали о тебе, обратились в Москву, оттуда прислали нам денежный аттестат и твой адрес. И вот теперь пишем, не зная, найдет ли тебя это письмо. Мы находимся в Туймазе. Как добирались сюда — страшно рассказывать. Бомбежки, голод, холод. В дороге, Левушка, нас постигла непоправимая беда — заболела и умерла Таня… Левчик наш растет крепким, смышленым парнем, уже помогает мне, мечтает, как и все мы, тебя увидеть. Мама держится, папа болеет. В общем, все вместе перебиваемся кое-как. О нас большую заботу проявляет секретарь Туймазинского райкома партии Безымянников, мы ему очень благодарны.
>
> Переписываемся с Тимофеем Студенниковым и Мишей Ничиком. Оба на фронте, очень интересуются тобой, твоей судьбой. Нечего мне пока им писать — сама ничего не знаю.
>
> Как получишь это письмо — сразу же дай, Левушка, знать о себе. Целуем и обнимаем тебя».

Шестаков тут же сел писать ответ.

> «…Только что получил от вас письмо, узнал о том, что Тани больше нет. Это страшно и жестоко… Все наши беды — от Гитлера. Ну, ничего, огнем и свинцом отольется ему наше горе. День расплаты уже приближается. И я клянусь вам, дорогие, что буду беспощадно мстить фашистам за все зло, содеянное ими на нашей земле…»

Повеселел, стал бодрее, еще энергичнее наш командир. Словно выросли у него вторые крылья. Это чувствовалось и на земле, и в воздухе. Вылетая на боевые задания по нескольку раз в день, он со своим ведомым проводил бои дерзко, решительно. Лев Львович выполнял свою клятву — мстил самым беспощадным образом.

Это была неповторимая, ничем не заменимая школа воздушного боя. Именно благодаря ей впоследствии стали дважды Героями Советского

Союза Алексей Алелюхин, Амет-хан Султан, Павел Головачев, именно благодаря ей в полку вырастет 28 Героев Советского Союза.

Лично я обязан школе Шестакова тем, что в числе первых в соколиной семье после Одессы удостоился Золотой Звезды. Случилось это в майский праздник. Тогда многие у нас были награждены орденами и медалями. А командиру эскадрильи старшему лейтенанту Ковачевичу и мне, в то время его заместителю, младшему лейтенанту, присвоено звание Героя Советского Союза.

Этим же Указом высокое звание было присвоено и двум летчикам из братского 19-го гвардейского истребительного полка — начальнику воздушно-стрелковой службы капитану И. В. Бочкову и командиру эскадрильи П. С. Кутахову (впоследствии — Главный маршал авиации).

Лев Львович, от всей души поздравив награжденных, выкроил время, чтобы тепло, по душам поговорить с Ковачевичем и мной.

— Вот, друзья, и вы уже герои, — начал он. — А скажите, слыхали ли о такой болезни — звездной? Надеюсь, вы избежите участи некоторых… Будьте скромны и просты в обращении с товарищами. Помните, в том что вы сейчас герои — немалая заслуга и тех, кто крылом к крылу ходил с вами в атаки. Соколиная семья — это не просто красивые слова, это сила!

Мы поневоле удивлялись: Лев Львович старше нас всего на три-четыре года, все мы, считай, комсомольского возраста. Но то, чему он нас учил, сделало бы честь и иному умудренному годами человеку. Но, наверное, правильно говорится: важно не сколько прожил, а как прожил. С этой точки зрения Лев Львович, пожалуй, не знал себе равных в полку. Однако никогда и никому он не давал этого почувствовать. Просто щедро делился с каждым своими знаниями, опытом, мастерством, заботился о том, чтобы не оставались незамеченными малейшие заслуги людей.

Он не забывал отмечать в праздничных приказах официанток, поваров, парашютоукладчиц, водителей — все, кто того заслуживал. Но, конечно же, особенно щедро вознаграждал ударную силу полка — воздушных бойцов.

Мне не забыть 21 июля 1943 года. Тогда в полку по инициативе Льва Львовича проводилось чествование «двадцатников» — летчиков, названных так по числу уничтоженных ими вражеских самолетов. Такой чести удостоились Карасев, Дранищев и я.

Алелюхину, чтобы ходить в юбилярах, недоставало одного сбитого. Верховец, от которого не ускользали малейшие изменения в настроении людей, заметил: Алеша немного не в себе. Он пошел к Шестакову. Что было дальше — рассказывается в книге Героя Советского Союза Василия Ефимовича Бондаренко «Нет неизвестных солдат».

«Шестаков вначале засомневался: стоит ли на ночь посылать на задания людей, если к тому же сверху не поступало распоряжения на вылеты? Однако раз решил. Алелюхин с ведомым взлетел и пошел за линию фронта. На маршруте никого не встретил. Уже начал снова жалеть, что не придется ему быть среди юбиляров. И вдруг, когда уже казалось, нет никаких надежд, вдали появилась группа «юнкерсов» в сопровождении истребителей. Не раздумывая, Алексей со своим ведомым с ходу атаковал замыкающего бомбардировщика, сбил его, и тут же оба ушли восвояси.

— Украли «юнкерса» прямо из-под носа у «мессеров», — доложил он командиру полка.

Шестаков улыбнулся, крепко пожал ему руку:

— Ну что ж, одевайся в парадный мундир. Теперь и ты — именинник».

Праздник прошел интересно, весело. Всем «двадцатникам» вручили специально изготовленные нашими искусными поварами торты — лакомство по тем временам редкое.

Амет-хан не преминул по этому поводу заметить:

— Чем больше сбиваем — тем слаще наша жизнь. Так, чего доброго, дойдем и до апельсинов и персиков.

На что Лев Львович ответил:

— Дойдем, Амет, обязательно дойдем до твоих персиков в Алупке. Будешь угощать весь полк…

— Я о том только и мечтаю, товарищ командир…

Придет время, так оно и будет. Летчики проведут у стариков Амет-хана два дня. Только произойдет это без Льва Львовича…»

Начиналось освобождение Донбасса, родного края нашего командира. Теперь он жил стремлением поскорее очистить от фашистов шахтерскую землю, чтобы эшелоны с черным золотом шли не на запад, а на восток. Как-то ему с группой летчиков довелось проскочить над родной Авдеевкой. Она в целом была мало разрушена, но поразила своей пустынностью — ни одного человека на улицах, поселок будто вымер.

Защемило сердце отважного летчика. Вот под крылом крыша дома, где выпестовала его родная мать.

И тут еще хозяйничает фашист!

При подходе к Сталино наткнулся на группу «юнкерсов». Тут уж командир отвел душу!..

Вернулся Шестаков из этого полета на аэродром Чуево, а там происходит что-то необычное: у КП стоит целехонький Ме-109, рядом с ним — пилот в немецкой форме.

Что бы это значило?

Все разъяснил встретивший командира Верховец.

— Перелетел к нам югославский летчик, служивший в люфтваффе. Говорит, что не хочет служить Гитлеру. Его родина — Герцеговина, и ему нет смысла драться за Великую Германию.

— Прекрасно! — обрадовался Шестаков. — Теперь-то мы уж опробуем «мессершмитта», изучим все его сильные и слабые места. Поручите Зюзину — пусть подготовит к вылету.

Но прежде чем «мессер» облетали, он подвергся самому тщательному изучению на земле. Первым в кабину забрался сам Шестаков. С интересом осмотрел приборную доску, опробовал рули, систему запуска мотора. Зюзин, сумевший уже кое в чем разобраться самостоятельно, стоял на крыле и консультировал командира.

Любопытно чувствовать себя во вражеской машине. А что будет, если полететь на ней в бой? Или на немецкий аэродром? Вот шороху навести можно!

Только Лев Львович сразу же отбросил эти мысли. Уже было несколько приказов, в которых шла речь о том, как наши летчики, соблазнившись полетами на захваченных фашистских самолетах, погибали от своих зенитчиков или истребителей. Они ведь не могли ответить огнем на огонь своих. Вот и пропадали ни за понюшку табаку.

Разобравшись во всех особенностях «германца», Шестаков приказал всем сделать то же самое, а с утра нового дня мы по очереди летали на нем в районе аэродрома. Пришли к выводу: Ме-109 обладает чуть большей скоростью, вроде бы полегче нашего «яка». Но уязвимых мест достаточно много.

— Если поточнее прицеливаться, — решил Шестаков, — то можно их сбивать из пулеметов.

Он приказал на одном из «яков» снять пушки. Скоростные и маневренные возможности его сразу возросли. Да только вот беда: одних пулеметов для боя оказалось явно недостаточно. Эксперимент пришлось приостановить.

Матчасть наша изрядно подносилась. Шестаков все напористее «приставал» к вышестоящему начальству, выпрашивая новые самолеты.

Наконец полку приказали оставить «яки» на старом аэродроме, а самим отправиться на новый, для переучивания. Это под Сталинградом. Там теперь уже глубокий тыл.

Мы навсегда покидали своих верных боевых друзей — видавшие виды старенькие «ястребки» Як-1. Прошедшие сквозь огонь сражений, принесшие нам множество побед.

С 30 июля по 17 августа 1943 года мы осваивали новую материальную часть.

«Аэрокобра» оказалась непохожей ни на один из самолетов, на которых мы до сих пор летали. Вместо хвостового колеса — носовое. Кабина просторная, отличный обзор. Скорость порядочная, «мессершмитту» не уступает. Вооружение мощное — 37-миллиметровая пушка, два крупнокалиберных и два обычных пулемета. Но по сравнению с «яком» машина была тяжеловата. И что самое неприятное — плохо выходила из штопора. Уже после войны мы узнали, что американцам были предъявлены по этому поводу претензии, они произвели на одной из «аэрокобр» доработки и поручили ее опробование советскому летчику-испытателю Андрею Кочеткову, прибывшему в США вместе с инженером Федором Супруном — братом знаменитого Степана Супруна.

При испытаниях, которые проходили прямо над Ниагарским водопадом, Кочеткову пришлось воспользоваться парашютом — самолет не выходил из плоского штопора. Только после этого американцы всерьез взялись за усовершенствование «аэрокобры». И позже к нам стали поступать уже не такие норовистые, а более покладистые машины. Но пока этого не произошло, мы потеряли несколько самолетов и одного летчика — старшего лейтенанта Ершова.

После этого все охладели к «аэрокобрам», стали относиться к ним с недоверием. А это уже для полка беда. Никто другой техники не даст. Хочешь не хочешь — воюй на той, что имеется. Шестаков и Верховец буквально за головы хватались: что делать?

Из Москвы прибыл инспектор ВВС полковник Миронов. Он прочитал нам лекции по теории штопора «аэрокобры». Хорошие лекции. Но что толку — штопора ведь не перестали бояться?

В этот критический момент Лев Львович приходит к выводу, что никто не спасет положение, кроме летчика полка, который сумеет на глазах у всех приручить непокорную «кобру», подчинить своей воле. Но это уже такое дело, что тут никому не прикажешь, Тогда остается одно — самому взяться за укрощение строптивой.

Шестаков тщательно готовился к ответственному вылету. Все продумал и предусмотрел.

И вот командир в воздухе. На земле все застыли в ожидании, переживают: все ведь может быть.

«Аэрокобра» на высоте две тысячи метров шла к центру летного поля. Потом она замедлила скорость, слегка вздыбилась и тут же, скользнув на левое крыло, вошла в этот злосчастный плоский штопор — понеслась к земле падающим осенним листом, стремительно вращаясь вокруг своей оси.

Один виток, второй, третий…

Всех охватило нервное напряжение. Хотелось закричать: «Бросай машину! Прыгай!»

И вдруг «аэрокобра» как бы нехотя, через силу вывернулась носом к земле, вошла в пикирование.

Все готовы были прыгать от радости, обниматься друг с другом. Штопор побежден! «Кобра» приручена!

Но Шестаков все повторяет сначала. Наш командир верен себе. Если еще раз выйдет из штопора — никто не скажет, что это случайно.

Теперь Лев Львович управился с машиной на втором витке.

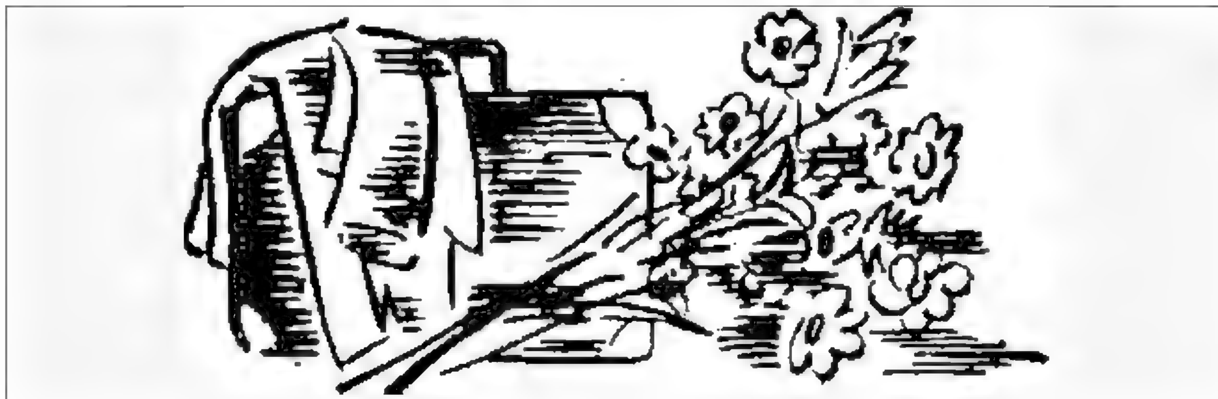
Приземлился он бледный, усталый. Но уже к ужину прибыл в столовую в приподнятом настроении.

— Летать на «аэрокобре» можно, — сказал он. — Только нужно приспособиться к ее норову…

И Лев Львович выдал нам подробнейшие рекомендации по предотвращению плоского штопора и выходу из него, если он случится. С такими рекомендациями, да к тому же лично самим же командиром проверенными на практике, мы могли ничего не бояться.

Таким Лев Львович и остался в нашей памяти на всю жизнь, ибо это был последний вечер, проведенный с ним вместе.

НА ПЕРЕПУТЬЕ ВОЕННЫХ ДОРОГ

Утром следующего дня — 15 августа — совершенно неожиданно для всех пришел приказ о назначении Шестакова заместителем командира дивизии.

В первый момент все даже растерялись от этой не желанной для нас новости. Но потом, поразмыслив, поняли: такому человеку, как Лев Львович, давно уже пора на повышение.

Не обрадовался своему выдвижению и сам командир. Шестаков — боец до мозга костей. Штабная работа не для него. Он безгранично любил свой полк, с которым сам рос, сроднился, боевую историю которого писал своей собственной кровью.

Не было его согласия на новую должность. Но в армии приказы не обсуждаются. Наше прощание было недолгим и грустным.

— Я буду часто наведываться сюда, мы еще с вами полетаем, — сказал он, проходя вдоль строя, каждому пожимая руку.

Потом обратился к Николаю Андреевичу и Виктору Семеновичу:

— Мы с вами закладывали традиции полка, вы остаетесь здесь, чтите и умножайте боевую славу, берегите людей, они все — смелые, отважные соколы.

— До свидания, дорогие друзья! — громко крикнул командир на прощание.

— До свидания, Лев Львович, не забывайте нас, а мы уж всегда будем сердцем с вами, — совсем не по-уставному отвечали из строя.

— Спасибо, спасибо, орлы! До свидания.

Незаметно смахнув со щеки предательски набежавшую слезу, Лев Львович в последний раз сел в ставшую уже полковой реликвией «эмочку».

Вася Погорелый как-то печально просигналил, дал газ и медленно, как бы нехотя, тронулся в путь. Мы молча взглядами провожали «эмку», пока она не скрылась за горизонтом.

Вот и остался полк без Льва Львовича. Взращенный и выпестованный им полк асов.

Было в этом что-то несправедливое и в то же время неизбежное.

Нам оставалось только пожелать ему счастливой службы на новом месте, а себе — быть похожими на командира.

К вечеру Василий Погорелый вернулся расстроенный и мрачный. Вася приехал не один. С ним прибыл новый командир полка Герой Советского Союза подполковник А. Н. Морозов — мой прежний командир. Ему доверена высокая честь руководить 9-м гвардейским, возглавлять соколиную семью.

Мы — Амет-хан, Борисов и я — обрадовались столь непредвиденной встрече. Понимаем, конечно, что Морозов не сможет полностью заменить Шестакова, но все же знаем человека, вместе служили, воевали, а на фронте это много значит.

При первом же разговоре выяснилось: Морозов назначен к нам пока временно, может скоро уйти. Это осложняло дело. Смена «дирижера» никогда не проходит безболезненно даже для самого слаженного «оркестра».

Через два дня — 17 августа — в связи с переходом Южного фронта в наступление нам приказали перебазироваться на аэродром Филенский.

Мы с ходу же включились в бои на новых машинах. Оказалось, что « аэрокобра» во многом превосходит «мессеров», а что касается «юнкерсов», «хейнкелей», то при встречах с ними мы теперь чувствовали себя просто королями. Первые же два дня боев принесли нам несколько побед. Отважно сражались наши соколы. Евгений Дранищев не дожил ровно три дня, чтобы узнать о присвоении ему, заместителю командира эскадрильи, старшему лейтенанту, звания Героя Советского Союза.

Одновременно этого звания удостоились комэски капитаны Алексей Алелюхин и Амет-хан Султан, командир звена старший лейтенант Александр Карасев, посмертно летчик лейтенант Иван Сержантов, которого, хотя и стал он офицером, все до последнего дня продолжали звать не иначе, как сержант Сержантов.

И опять же в этом Указе значилась и одна фамилия воздушного бойца из 19-го гвардейского полка — замкомэска капитана К. Ф. Фомченкова…

— Что-то 9-й и 19-й гвардейские попки все время значатся рядом, — заметил Иван Королев, — как бы это не обернулось какой-то новой перетурбацией…

Итак, в полку еще пять Героев Советского Союза. Дранищев — посмертно. Лев Львович прислал поздравление. Заканчивалось оно строчкой:

«Глубоко скорблю по поводу гибели Жени Дранищева».

Пять новых героев… Каждый понимал: пожинаем урожай, заложенный еще Шестаковым. Ведь все, что мы имели сегодня — это его заботы, энергия, воля и труд.

Дальше нам предстояло драться без него. Как-то пойдут у нас дела? Беспокоились и о Льве Львовиче: как он приживется в дивизии, все ли сложится благополучно? Волновались не напрасно.

Только ознакомившись с новой должностью, Лев Львович понял, что штаб дивизии — это не фронт.

В дивизии он не сидел ни одного дня. Все время летал по полкам, ходил с ними на боевые задания, учил летчиков словом и личным примером.

В штабе дивизии придерживались несколько иного стиля работы — более размеренного, спокойного. Шестаков, привыкший быть в круговерти фронтовой жизни, полный сил и энергии, никак не мог смириться с этим. И кончилось все тем, что он подал рапорт о возвращении его на прежнюю должность.

Уже готовился приказ о переводе Шестакова снова на должность командира нашего полка, когда в дивизию пришла депеша за подписью командующего 8-й воздушной армией генерала Т. Т. Хрюкина.

«Тов. Шестакова срочно откомандировать в Москву к Главному маршалу авиации А. А. Новикову», — гласил ее текст.

В тот же вечер Лев Львович отправился в столицу нашей Родины.

Ехал и ломал голову: зачем он понадобился Главному маршалу? Что послужило причиной его вызова?

Однако сколько ни гадал — ничего придумать не мог.

В гостинице — новый радостный сюрприз: встреча с другом по Испании Платоном Смоляковым. Он тоже был уже подполковником. В последнее время перегонял из Якутска на фронт «аэрокобры».

— Так это ты, Платоша, оказывается, поставляешь нам этого норовистого «американца»?

— Приходится… А, кстати, чего ты сейчас в Москве? Я-то на фронт отпросился, жду назначения. А ты вроде бы с фронта?

— С фронта, Платоша, с фронта. К Главному маршалу вызвали…

— Да ну? Это зачем же?

— Сам не знаю…

Они проговорили почти до рассвета. День за днем вспоминали свое пребывание в Испании, рассказывали друг другу о судьбах своих знакомых.

Утром Лев отправился в штаб ВВС. Его без промедления принял А. А. Новиков. Главнокомандующий держал в руках блестящую модель какого-то нового истребителя.

— Вам знакома эта машина?

— Наверное, Ла-7? Слыхал о ней, но не видел.

— Очень интересная машина и перспективная. — Главного маршала перебил телефонный звонок. Пока он с кем-то переговорил, Шестаков успел подумать: «К чему он клонит? Уж не хочет ли доверить мне испытание Ла-7?»

Положив трубку, А. А. Новиков продолжил:

— У немцев нет машины, равной этой. Скорость — около 700 километров в час. Вооружение — три пушки калибром 20 миллиметров и 200 килограммов бомб. Не откажетесь воевать на таком истребителе?

— Конечно, нет, товарищ Главный маршал!

— Другого ответа я от вас и не ждал. Ну что ж, тогда принимайте 19-й гвардейский особый полк, переучивайте людей и в бой на самых ответственных участках. Никаких других задач, кроме воздушного боя, у вас не будет.

— 19-й? Почему этот, а не свой, 9-й? Дайте туда Ла-7, и будет 9-й особым!

— Так вы им уже не командуете?

— Прошу вернуть меня обратно.

Главком внимательно посмотрел на Шестакова:

— Что, не по сердцу штабная работа?

— Мне дорог мой полк…

— Понимаю. Только вернуться вам в него больше не придется. Нам нужен еще один такой полк, даже лучший, а вы сколотите его. 9-й пока что будет работать на «кобрах». Кстати, кто им сейчас командует?

— Временно Морозов.

— А если и его заберем, кому, на ваш взгляд, можно доверить?

Лев Львович на минуту задумался, перебирая в памяти фамилии Алелюхина, Амет-хана, Ковачевича, а потом вдруг вспомнил о Смолякове.

— Платону Смолякову, — сказал он твердо. — Командиру полка перегонщиков «аэрокобр». С Испании его знаю — отличный летчик, волевой командир, да к тому же и «кобры» прекрасно освоил…

— С Испании, говорите? Действительно, кандидатура подходящая. Хорошо, подумаем. Ну, а коль друга прочите на свой полк, значит, согласны принять 19-й гвардейский?

— Выходит, что так. Очень уж соблазняют меня Ла-7…

— Считаем, что с этим вопросом все улажено. А теперь скажите, семью давно видели?

— Последний раз — при прощании в Одессе.

— А знаете, где она сейчас?

— В Башкирии.

— Что ж, даю вам десять суток. Поезжайте, найдите семью, посмотрите, как она устроена, побудьте с родными, а затем уж приступайте к делу. 19-й полк ждет вас под Москвой…

Распрощавшись с Платоном, обрадовав его известием, что он может быть назначен командиром 9-го гвардейского, Лев Львович отправился в путь к далекой Туймазе.

Убыл Лев Львович в Москву — и мы на время потерями его из вида.

Узнали о его дальнейшей судьбе от прибывшего к нам подполковника Платона Ефимовича Смолякова. И вообще его перевод в наш полк был кстати.

Морозов, которому сначала намечалась должность заместителя командира дивизии, по не известным для нас причинам остался на своем месте. Смолякова определили к нему в качестве стажера. Но тот недолго пробыл у нас. Впоследствии его назначили командиром 85-го истребительного полка. Но и за то короткое время, которое он провел с нами, мы очень многое узнали от него об испанском периоде в жизни Льва Шестакова.

Вскоре меня постигла большая неудача: после столкновения с «Фокке-Вульфом-189» мне пришлось воспользоваться парашютом, приземлиться на оккупированной территории. Я попал в плен. Бежал. Партизанил. Потом снова вернулся в полк.

Я ни на минуту не терял веры в то, что вернусь к штурвалу истребителя. Эта вера в конце концов и вернула меня в свой родной полк. Не было предела радости моей и моих боевых товарищей. Я заметил Золотые Звезды Героев у Павла Головачева, Ивана Борисова и вторую звезду у Алексея Алелюхина. 1 ноября 1943 года он стал нашим первым дважды Героем Советского Союза. Участник обороны Одессы, он достойно продолжал школу Шестакова.

Ребята обрадовали меня и письмом от Льва Львовича. Оно было небольшое, но очень теплое. В нем сообщалось о поездке в Туймазу, о

встрече с семьей, о 19-м гвардейском особом маршальском полку, который он уже принял.

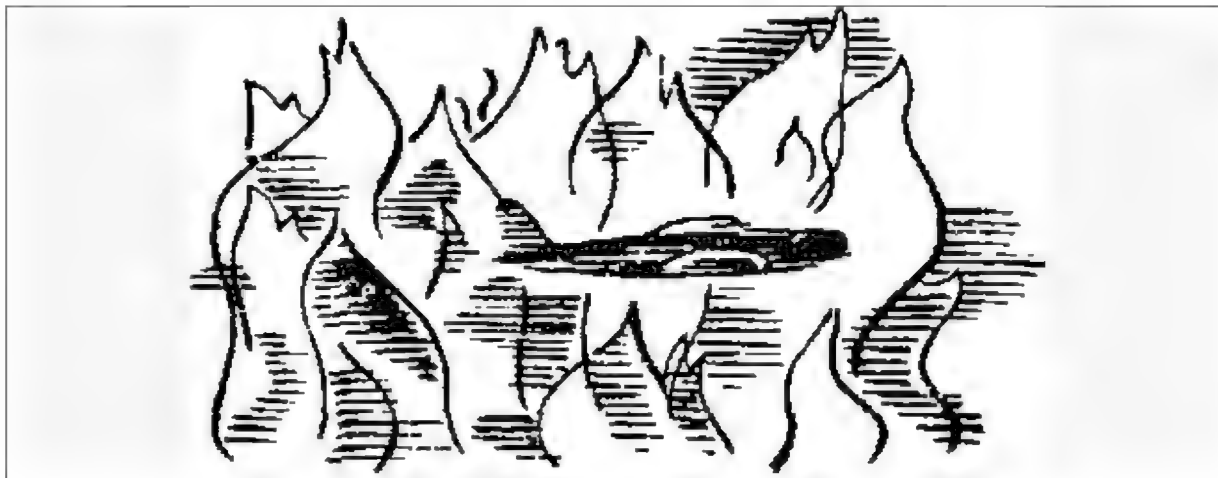
19-й гвардейский после переучивания под Москвой на Ла-7 в составе 2-й воздушной армии громил врага над Южным Бугом в направлении Проскурова по личному заданию Главкома ВВС, как и было положено особому маршальскому полку.

Правда, на первых порах пришлось трудновато — летчики прибыли из разных мест и ранее не были знакомы. Но общительный характер, доброжелательность, простота и душевность Льва Львовича, сочетаемые с его строгим спросом, позволили ему сравнительно быстро завоевать в полку авторитет, повести за собой людей.

К тому же Льву Львовичу совершенно неожиданно пришла помощь в лице Анатолия Комосы. Летчик-инспектор 2-й воздушной армии, он большую часть своего служебного времени проводил в 19-м гвардейском, оказывая всяческое содействие Шестакову. Вдвоем они без осложнений раньше намеченного срока переучили полк, доложили Главному маршалу о его готовности к отправке на фронт.

Командарм 2-й воздушной генерал С. А. Красовский очень обрадовался такому пополнению. О Шестакове он уже давно был наслышан как о настоящем асе, возлагал на него большие надежды. И они оправдались.

БЕССМЕРТИЕ

Два месяца сражался 19-й гвардейский за Правобережную Украину. Этого времени оказалось достаточно, чтобы и здесь при одном появлении группы Шестакова в воздухе фашистские самолеты поспешно покидали поле боя.

В феврале 1944 года на имя Шестакова поступила радиограмма:

> «Поздравляю с присвоением очередного воинского звания полковник! Желаю новых больших боевых успехов. Красовский».

А вскоре командующий и сам позвонил по телефону:

— Лев Львович, еще раз лично поздравляю тебя со званием полковника и хочу предложить тебе несколько дней отдохнуть. Где твоя семья сейчас?

— Да еще в Туймазе.

— А в Киеве кто-нибудь есть?

— Мать жены.

— Хочешь ее проведать?

— А как это сделать?

— От нас в Киев идет самолет. С ним и вернешься.

— Хорошо бы…

— Тогда выезжай к нам немедленно. Отдохнуть тебе нужно обязательно — впереди предстоит большая работа.

— Спасибо, товарищ командующий, еду.

28 февраля 1944 года Лев Львович впервые за несколько прошедших лет снова ступил на священную киевскую землю. Он не узнавал город, в котором начиналась его летная служба. Крещатик весь в руинах. Много разрушений в других районах города.

Мать жены Варвара Семеновна не сразу узнала в вошедшем в ее комнату своего зятя. Сначала подумала, что прибыл кто-то из Левиных сослуживцев. Но когда рассмотрела, кинулась ему на грудь, заплакала.

Многое пережила эта женщина здесь, в оккупированном врагом Киеве, и горя, и голода, и унижений. Но, слава богу, все кончилось.

Она обнимала, целовала Левушку, вся дрожа от волнения, вздрагивая от нахлынувших рыданий. Вот точно так же встретили его Олимпиада, мать с отцом.

— Варвара Семеновна, а я ведь был в Туймазе, видел своих.

— Знаю, Лева, знаю. Липа писала мне. Расскажи, как они там, что с ними?

Рассказать было далеко не просто. При одном воспоминании о той встрече у Льва Львовича спазмы сдавили горло. Он ведь пытался предупредить о своем приезде, но приехал быстрее, чем пришла телеграмма. Его никто не ждал. И все просто онемели, увидев его. Первым опомнился сынишка Левушка. Он смутно помнил отца, но сообразил, что это он, и с криком «Папа приехал!» бросился ему на руки. Что тут началось! Льва Львовича обнимали, целовали и этому не было конца.

Маленький Лева так и не слезал с отцовских колен. Перебирал его награды, без конца трогал Золотую Звезду. Это единственное воспоминание об отце и останется с ним на всю жизнь. Ему ведь было тогда неполных четыре года…

Веселый, жизнерадостный, уверенный в том, что он еще не один раз вернется в Киев, расставался Лев Львович с Варварой Семеновной. Но она была последней из близких ему людей, видевшей его живым…

4 марта на проскуровско-черновицком направлении началось наступление войск 1-го Украинского фронта. Наши войска уверенно продвигались к предгорьям Карпат, к государственной границе. Фашисты сражались с отчаянием обреченных, цепляясь за каждый метр советской земли. Ожесточенные бои завязались за Проскуров.

Полк Шестакова во главе со своим командиром большую часть светлого времени находился в воздухе. Летчики-шестаковцы перехватывали бомбардировщики, уничтожали разведчиков, производили штурмовки. Командиры эскадрилий Петр Кутахов, Евгений Азаров, Олег Беликов по

примеру Льва Львовича смело шли в атаки, одного за другим сваливали врага на землю.

В те дни в полк пришло пополнение. Шестаков взял личное шефство над молодыми летчиками. Он бережно и осторожно вводил их в бой. Встретив фашистов, старался одного-двух оторвать от их основной группы, а затем показывал своим ведомым, как нужно с ними разделываться: заходил со стороны солнца, под самым выгодным ракурсом и с расстояния 150—100 метров бил в упор, наверняка.

Такая наука шла на пользу молодым. Особенно быстро осваивал ее лейтенант Алексей Боков. Повторяя действия командира, он привносил в них что-то свое, собственное, и это выдавало в нем талантливого воздушного бойца.

Шестакову очень понравился этот энергичный молодой летчик, и он чаще других брал его с собой на боевые задания. А вскоре Алексей открыл и свой личный счет: сбил Ю-87, а затем «Фокке-Вульф-189».

В тот день, 13 марта, они снова вдвоем отправились на прикрытие наших наступающих наземных частей. Обычный, ничем не примечательный вылет, не предвещавший ни особых удач, ни каких-либо неприятностей.

Над подольской землей висели плотные кучево-дождевые облака. Фриц в такую погоду редко появлялся в воздухе. Но чем черт не шутит!

Шестаков с Боковым прошлись над нашим передним краем раз-другой. Внизу видны вспышки пушечных выстрелов, взрывы снарядов, преодолевающие распутицу танки, пожары, дым. На земле сражаются, а в небе — спокойно. Лев Львович увидел в стороне пары Дмитрюка и Фомченкова. Идут готовые в любую минуту вступить в схватку. Но пока что не с кем.

Вот уже и горючего в баках маловато.

— Ноль четырнадцатый, Леша, идем домой! — слышит ведомый в наушниках спокойный голос командира.

Пара, идя крыло в крыло, разворачивается, и тут зоркие глаза Шестакова замечают черные точки, крадущиеся под самыми облаками. Ю-87, «лапотники»! Идут прямо к скоплению наших войск и техники. Видимо, крепко прижали фрицев, если рискнули в такую погоду вылететь.

— Все — ко мне! — скомандовал Шестаков.

Пары Дмитрюка, Фомченкова вскоре были рядом. Где-то подходили со своими группами Кутахов, Азаров.

«Юнкерсы» шли четким строем, как на параде. Давненько уже не приходилось видеть у них такого порядка. В чем дело? Что произошло? Лев Львович терялся в догадках. Скорее всего, что где-то выше, возможно за

облаками, идет мощное прикрытие. И потому «юнкерсы» чувствуют себя в безопасности.

Шестаков решил «мессеров» встретить лично. А своему ведомому дать настоящее боевое крещение.

— Ноль четырнадцатый, атакуешь ведущего «юнкерсов», я прикрываю.

— Ноль первого понял, ноль четырнадцатый!

Боков отошел от ведущего, его место тут же занял лейтенант Петрищев.

Пока все идет, как задумано.

Ю-87 мало приспособлен для воздушного боя. Но он хорошо «ковыряет» землю — траншеи, доты, дзоты. Если у него нет надежной защиты, то истребителю с ним не так уж трудно справиться. Это много раз уже проверил Шестаков, но об этом лишь теоретически знает его молодой ведомый. Вот и пусть попробует. Новая победа прибавит ему уверенности в своих силах, окрылит.

Дерзко и решительно набросился на вражеского ведущего Боков, в то время как Дмитрюк и Фомченков атаковали фашистскую группу с флангов.

Завязалась горячая схватка. «Юнкерсы» оказались не из простых. Быстро сбросив свой бомбовый груз, они начали мастерски маневрировать, лавировать между выступающими вниз отрогами облаков.

Бой затягивался. Лев Львович стал нервничать. Он готов был сам ринуться в атаку, но очень боялся, что из-за облаков на них обрушатся «мессеры» и тогда придется туго, особенно молодым. А командир не мог допустить и мысли, чтобы кого-нибудь из них потерять.

— Ноль четырнадцатый, что вы там возитесь с ведущим? — не выдержал Шестаков.

— Ноль первый, он ускользает от трасс, как змея.

— Ноль первый, осторожнее, «мессеры»! — раздался голос Дмитрюка.

— Я ноль один, свяжите их боем. Атакую «юнкерса»!

Шестаков решительно зашел в хвост ведущему «лапотнику» со змеей, намалеванной на борту.

«Юнкере» спешил быстрее снизиться, чтобы скрыться в складках местности. Однако фашиста уже ничто не спасет. Вот Лев Львович, настигнув его, подходит к нему вплотную, прицеливается. «Юнкерс» пытается еще сманеврировать, как-то юзом скользит под Ла-7. Напрасно: снаряды всех трех пушек вонзаются в его бензобаки. «Юнкерс» объят пламенем.

— Вот и конец фашисту, — слышат летчики звонкий голос командира в наушниках шлемофонов.

Но в следующее мгновение происходит невероятное: «юнкерс» взрывается в воздухе, и его взрывной волной истребитель Шестакова

переворачивается на спину и входит в штопор. А земля — рядом…

— Ноль первый, выводи! Ноль первый!.. — исступленно кричит Боков, но… поздно. Черное весеннее поле под селом Давидковцы вздыбилось страшным столбом огня и обломков. Так погиб отважный советский сокол…

ЭПИЛОГ

Вот, дорогие комсомольцы села Давидковцы, и закончен наш рассказ о человеке, чье имя носит ныне ваша родная школа.

Лев Львович не дожил до победы. Но все, кто его знал, до сих пор не могут поверить в то, что его нет среди нас. И это потому, что такие люди не умирают. Они живут в последователях и продолжателях их святого, благородного дела.

Цена человека измеряется тем, что он совершил сам, что оставил после себя.

Лев Львович Шестаков, начиная с Испании и до последнего своего дня, произвел более 600 боевых вылетов, принял участие в 130 воздушных схватках, уничтожил 29 вражеских самолетов лично и около 45 в группе.

Таков его вклад в победу над фашизмом.

Но, кроме того, им поставлено на ноги два истребительных полка асов. В нашем 9-м гвардейском, которым после гибели Анатолия Морозова было доверено командовать мне, выросло двадцать шесть Героев. Пять летчиков — А. Алелюхин, Амет-хан Султан, П. Головачев и автор этих строк — стали дважды Героями Советского Союза.

В 19-м гвардейском полку среди новых воспитанников Шестакова 20 асов также были удостоены этого высокого звания.

В 19-м гвардейском, командование которым после Льва Львовича принял П. Ф. Чупиков — ныне генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза, — высшую награду Родины заслужили В. Александрюк, Е. Азаров, О. Беликов, Г. Дмитрюк, Б. Образцов и другие. И все мы — ученики и воспитанники Шестакова — гордились тем, что когда-то прошли

его большую и неповторимую в своей оригинальности боевую школу, которой хватило нам на всю жизнь.

Воспитанники Л. Л. Шестакова дважды Герои Советского Союза Владимир Лавриненков, Амет-хан Султан, Алексей Алелюхин, Павел Головачев. Берлин, 1945 г.

Шестаковская школа живет и здравствует и поныне. Не так давно мне довелось побывать в одном из гвардейских авиационных полков, в списки которого навечно зачислен Лев Львович Шестаков. Со слезами на глазах проходил я по аллее Славы, которую открывает портрет Льва Львовича. Здесь каждый солдат, сержант и офицер во всех подробностях знаком с жизнью прославленного командира полка, свято хранит и чтит память о нем, стремится умножать героическую славу, добытую в годы войны.

Полк летает сейчас на новейших сверхзвуковых истребителях. Усложнилась техника, стала иной тактика, да и боевые задачи изменились. Но единственное, что осталось неизменным — это шестаковское отношение к делу: партийное, принципиальное, добросовестное.

Полк десять лет является отличным и столько же лет работает безаварийно. В нем все комсомольцы и коммунисты — передовики учебы, умелые специалисты, активные участники общественной жизни. Полк занимает первые места и по боевой работе, и по физической, спортивной подготовке, и по художественной самодеятельности.

Когда мы работали над этой повестью, в номере газеты «Красная звезда», посвященном Дню Воздушного Флота СССР, была опубликована статья командира гвардейского истребительного авиационного Проскуровского Краснознаменного орденов Кутузова и Александра

Невского полка имени Ленинского комсомола гвардии подполковника Г. Басистого. Это — бывший 19-й особый маршальский полк.

С большой радостью читал я о том, что и тут имя Шестакова стало знаменем в борьбе за высокие результаты в боевой и политической подготовке, зовущим крылатых защитников неба к ратным подвигам.

Вот, что пишет Г. Басистый:

> «В полку — двадцать Героев Советского Союза, Среди этих людей легендарной славы бывший командир полка полковник Л. Шестаков, бывший заместитель командира полка майор И. Кожедуб, командир звена капитан В. Александрюк, летчик старший лейтенант Б. Образцов, зачисленный навечно в списки личного состава полка…
>
> Замечательная плеяда. Они, павшие и живые, завещали нам самоотверженным ратным трудом в учебных воздушных боях неустанно множить славные традиции летной гвардии».

Как же наследники фронтовиков-однополчан выполняют их завет?

Полк — один из лучших в округе. Все его три эскадрильи и технико-эксплуатационная часть — отличные. Все летчики — первоклассные. В части четырнадцать мастеров спорта СССР. Ею завоевано много первых призов за победу в конкурсах художественной самодеятельности.

И здесь жив шестаковский дух. И это отрадно: молодые летчики идут верным курсом.

…Чем больше отдаляемся мы от прошедшей войны, тем дороже становится все пережитое в ней, тем все больше тянутся друг к другу воевавшие плечом к плечу.

В декабре 1965 года, в день 50-летия со дня рождения Льва Львовича Шестакова, в Авдеевке, у матери героя Марии Ивановны, собрались все, кто смог тогда приехать, чтобы почтить память своего любимого командира. Прибыли Герои Советского Союза Василий Ефимович Бондаренко, Иван Георгиевич Королев, Алексей Тихонович Череватенко и многие другие наши однополчане.

И вот волнующая встреча с матерью бесстрашного сокола, его женой, детьми Левой и Аллой, братом Василием, тоже полковником, но уже в запасе.

Сколько было переговорено! Сколько мы вспоминали. А потом читали телеграммы. От Николая Андреевича Верховца, Виктора Семеновича Никитина, Николая Яковлевича Кобелькова, Константина Семеновича Пирогова, Бориса Леонтьевича Гловацкого. И после каждой телеграммы —

вновь воспоминания, задушевные разговоры. С какой теплотой говорили о Верховце, Никитине, Кобелькове и других! Особенно удивил всех своей феноменальной памятью Даниил Кацен — он с присущим ему юмором припоминал такие подробности, которые не могли не вызывать улыбку.

Из Одессы поступило целое послание в стихах от бывшего техника Александра Крючкова:

Он невысокого был роста,
Но исполином слыл в бою!
Вот почему легко и просто
О Шестакове говорю.

Наш Лев в Одессе храбро дрался,
Там для фашистов создал ад,
И по-орлиному сражался
За Харьков наш, за Сталинград…

Читали эти стихи, а мать, не стесняясь своих слез, плакала. Успокоившись, она достала из ящика стола еще одно письмо:

— Прочитайте, оно старое, но о многом говорит.

Это было письмо от Галины Иосифовны — бывшей учительницы Льва Львовича.

Стали его читать.

«Дорогая Мария Ивановна!

Вы буквально убили меня известием о гибели Левы. Я была уверена, что он жив: еще в эвакуации получила письмо от мужа, в котором он передавал привет от вашего сына. Они встретились случайно. Муж описывал Леву красивым и сильным, вся грудь в орденах. Я очень обрадовалась привету от своего бывшего ученика. Ведь для нас, учителей, высшая награда — сознавать, что твой труд не пропал даром. И еще приятно сознавать, что о тебе помнят даже на такой войне.

И вот от Вас первой я узнаю, что Левы нет. Не могу в это поверить. Такие люди должны жить долгие годы, чтобы приносить пользу другим. Мне очень хотелось иметь его фотокарточку. Он ведь был моим первым учеником.

Закрою глаза и вижу его: белокурый, подвижный мальчишка с веселым взглядом голубоватых глаз. Он был моим хорошим

помощником. Я могла выйти из класса, поручив ему следить за порядком, и быть спокойной. Ослушаться Леву никто не смел.

Дорогая Мария Ивановна, я полностью разделяю Ваше материнское горе, желаю Вам растить внуков, похожих на своего отца».

Все ниже и ниже опускала голову Мария Ивановна. И на ее натруженные руки, сложенные на коленях, одна за другой падали святые материнские слезы.

Матери погибших фронтовиков… Сколько они вынесли и выстрадали! Страдают и сейчас, тридцать лет спустя, глядя на фотографии своих сыновей, навещая их могилы, посещая части, где они служили, преодолевая подчас расстояние в тысячи километров.

И каждая такая «встреча» — новая зарубка в сердце, новая прядь седых волос.

Многие видели в автобусах, вагонах поездов печальную, молчаливую, всю в черном женщину — Марию Ивановну.

Несмотря на преклонный возраст — ей уже более восьмидесяти лет — она каждый год ездит в те места, где сражался, погиб и похоронен ее сын.

А там, где продолжаются традиции Льва Львовича, молодые летчики ее величают матерью полка.

Целый полк сыновей. Но среди них не хватает родного, самого любимого… Одно утешение у Марии Ивановны — внук, Лев Львович Шестаков, тоже военный летчик.

Мне приятно сознавать, что удалось принять самое непосредственное участие в судьбе сына нашего легендарного фронтового командира, помочь ему продолжить отцовскую дорогу. Лев-младший, закончив Чугуевское летное училище, в котором в свое время учился и я. Сейчас он уже первоклассный истребитель, летчик-инспектор, летает на новейших боевых машинах, обучает других. Он достойно продолжает дело своего отца-героя.

Наша встреча в Авдеевке завершилась торжественным митингом, во время которого состоялось открытие на доме Марии Ивановны мемориальной доски с надписью:

«Здесь жил Герой Советского Союза гвардии полковник Шестаков Лев Львович (1915—1944 гг.)».

Позже и улица, на которой прошло детство героя, была названа его именем. Мне посчастливилось собственноручно прикрепить табличку с новым названием к дому.

Дважды Герой Советского Союза В. Д. Лавриненков прикрепляет к дому своего фронтового командира табличку с новым названием улицы. Январь, 1974 г.

Несколько раз ветераны 9-го гвардейского собирались и в Одессе. Льву Львовичу не довелось принять участия в ее освобождении, о чем он горячо мечтал. Она была очищена от оккупантов 10 апреля 1944 года — почти месяц спустя после гибели Шестакова. Другие летчики шли в бой за нее. Но шли с именем Шестакова на устах. Подтверждение тому мы находим в уже упоминавшейся книге Н. М. Скоморохова «Боем живет истребитель».

> «Оставалось километров пятьдесят до Одессы, — рассказывается в ней. — Мы пришли туда, где родилась боевая слава Льва Львовича Шестакова и его орлов. Это они взлетали прямо с улиц города, чтобы отбивать вражеские атаки. Это они привезли отсюда с собой на далекий азербайджанский аэродром высокий дух, непоколебимую веру в нашу победу, которые как эстафету, передали нам, готовившимся к отправке на фронт. Может именно поэтому мы и смогли прийти сюда, чтобы продолжить героическое дело шестаковцев!».

Ветераны полка Н. А. Верховец и М. С. Твеленев. 1974 г.

Имя Льва Львовича Шестакова ныне золотом выбито на мраморной плите у оперного театра. На одной из площадей заложен камень, надпись на котором гласит, что здесь будет сооружен монумент доблестным авиаторам 69-го (9-го гвардейского) полка.

В свой последний приезд в Одессу в начале 1974 года я был там с Васей Погорелым. С тем самым шофером Васей, который почти два года возил на фронте Шестакова. На его «эмочке» с надписью на дверке «Одесса» мы въехали в поверженный Берлин.

Весьма своеобразная «встреча» с шестаковским прошлым произошла у меня и благодаря капитану дальнего плавания Анатолию Савельевичу Янцелевичу. После войны мы нашли друг друга, я был его гостем на теплоходе «Кооперация», Да-да, том самом теплоходе, на котором Лев Шестаков совершил свое «турне» в Испанию и обратно.

В заключение — несколько слов о том, как берегут память о Льве Львовиче Шестакове там, где он сложил за Родину свою голову.

В селе Давидковцы открыта новая большая и светлая школа его имени.

Вместе с матерью и сыном Шестакова, а также Василием Бондаренко мне довелось принять участие в ее открытии. Все было торжественно и волнующе. Море цветов, духовой оркестр, выступления.

Перерезали ленточку, зашли внутрь школы — перед нами большой портрет моего командира и на всю стену — фотовыставка под названием

«Я — Сокол-один».

Потом нас возили в колхоз имени Шестакова. Здесь память его чтят ударной работой, высокими урожаями. Нас особенно взволновала брошенная кем-то из колхозников фраза: «У нас порядок шестаковский!».

Это звучало символично. Наш командир продолжает жить в делах, трудах своего народа.

Наедине с отцом…

Останки Льва Львовича похоронены в братской могиле у Вечного огня в центре города Хмельницка. А на том месте, где упал его самолет — в чистом широком поле у села Давидковцы — возведен обелиск. Здесь пионеры принимают свою торжественную присягу.

Когда находишься у обелиска, вокруг которого открываются неоглядные украинские просторы и стоит ничем не нарушаемая звонкая тишина, с трудом представляешь себе тот последний бой — настолько веет здесь покоем и миром, за который отдали свои молодые жизни тысячи сынов Родины. Одним из них был и Лев Шестаков, наш бесстрашный сокол.

45 коп.

В·Д ЛАВРИНЕНКОВ ·СОКОЛ-1·